ВЕСТНИК ТВЕРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия: Право № 2 (86), 2026

Научный журнал

Основан в 2006 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-61039 от 5 марта 2015 г.

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Тверской государственный университет»

Редакционная коллегия серии:
д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ О.Ю. Ильина (*глав. редактор*);
д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ Л.В. Туманова;
д-р юрид. наук, доц. Н.А. Антонова;
д-р юрид. наук, проф. Л.Т. Бакулина;
д-р юрид. наук, проф. М.В. Баранова;
д-р юрид. наук, проф. А.А. Воротников;
д-р юрид. наук, ассоциированный проф. Б.А. Джандарбек;
д-р юрид. наук, проф. И.Г. Дудко;
д-р юрид. наук, проф. М.А. Ефремова;
д-р юрид. наук, проф. А.И. Коробеев;
д-р юрид. наук, проф. В.И. Крусс;
д-р юрид. наук, проф. А.Н. Кузбагаров;
д-р юрид. наук, доц. А.Н. Левушкин;
д-р юрид. наук, проф. Т.Н. Михеева;
д-р юрид. наук, проф. Ю.А. Попова;
д-р юрид. наук, проф. В.Д. Потапов

Адрес редакции:
Россия, 170021, г. Тверь, ул. 2-я Грибоедова, д. 22, каб. 222
Тел.: +7 (4822) 70-06-57

Все права защищены. Никакая часть этого издания не может быть репродуцирована без письменного разрешения издателя.

© Тверской государственный университет, 2026

VESTNIK
TVER STATE UNIVERSITY

Series: Law № 2 (86), 2026

Scientific Journal

Founded in 2006

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media
PI № ФС77-61039 of March 5, 2015

Translated Title:
Herald of Tver State University. Series: Law

Founder:
Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
«Tver State University»

Editorial Board of the Series:
Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation O.U. Ilina (editor-in-chief);
Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation L.V. Tumanova;
Doctor of Law, Professor N.A. Antonova;
Doctor of Law, Professor L.T. Bakulina;
Doctor of Law, Professor M.V. Baranova;
Doctor of Law, Professor A.A. Vorotnikov;
Doctor of Law, Professor B.A. Dzhandarbek;
Doctor of Law, Professor I.G. Dudko;
Doctor of Law, Professor M.A. Efremov;
Doctor of Law, Professor A.I. Korobeev;
Doctor of Law, Professor V.I. Kruss;
Doctor of Law, Professor A.N. Kuzbagarov;
Doctor of Law, Professor A. N. Levushkin;
Doctor of Law, Professor T.N. Mikheeva;
Doctor of Law, Professor Yu.A. Popova;
Doctor of Law, Professor V.D. Potapov

Editorial Office:
Office 222, 22, 2nd Griboyedova st., 170021, Tver, Russia
Tel.: +7 (4822) 70-06-57

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced without the written permission of the publisher.

© Tver State University, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Актуальные вопросы частного права

Джандарбек Б.А.
Отдельные вопросы наследования……7
Ильина О.Ю.
Правовое регулирование отношений при расторжении брака в Российской Федерации и Республике Абхазии: некоторые аспекты сравнительной характеристики……...17
Туманова Л.В.
Интересы детей как фактор перехода от супружеской к семейной собственности……...26

Актуальные вопросы публичного права

Афтахова А.В.
К проблеме унификации понятийного аппарата в праве социального обеспечения……..36
Буданова Л.Ю., Александрова О.П.
К вопросу определения категории годности к службе в уголовно-исполнительной системе……48
Ковалева Н.В.
Антикоррупционный комплаенс: международные стандарты и действующее законодательство Российской Федерации…….....56
Кувырченкова Т.В.
Особенности регионального управления при введении режима чрезвычайной ситуации……...69
Очагова В.С.
Некоторые аспекты реализации социальной политики органами муниципальной власти……78

Актуальные вопросы науки и правоприменительной практики

Жукова О.В.
Лица, участвующие в деле, как фактор законности разрешения дел в порядке глав 31.2 и 31.3 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации……85
Зарубина К.А.
«Беловоротничковый профессионал» как преступник «нового типа» современности……..98
Крусс И.А.
Роль коллективных соглашений в вовлечении работников в инвестиционные процессы……108
Рязанова Е.А., Забелина Т.А.
Некоторые особенности реализации конституционного права и конституционной обязанности получения общего среднего образования детьми мигрантов в Российской Федерации……116

Смирнов С.Н.
Развитие инфраструктуры арктических научных исследований в Российской Федерации: правовые, организационные и управленческие аспекты……128
Фролов М.Г.
Правовая регламентация условного осуждения и отсрочки отбывания наказания в законодательствах стран СНГ……..140
Харитошкин В.В.
О некоторых особенностях оплаты труда осужденных в местах лишения свободы……149

Проблемы организации учебного процесса

Сапронова Т.П.
Практический опыт использования искусственного интеллекта в рамках изучения правовых дисциплин……..159

Трибуна молодого ученого

Бань А.А.
Направления совершенствования административной ответственности за нарушения законодательства в области охраны окружающей среды в Республике Беларусь……..170
Боровик В.Р.
Правоприменительная практика в оценке взаимосвязи объектов в проектах государственно-частного партнерства…….178
Ерёмин И.Д.
Сравнительно-правовой анализ регулирования недействительности соглашений об уплате алиментов на содержание несовершеннолетних детей в процедурах банкротства граждан в Российской Федерации и Китайской Народной Республике……..184
Костилова Е.А.
Совместность как элемент формирования системы правовых связей (на примере семейного права и семейного законодательства)……..194
Петрович Ж.В.
Сроки исковой давности по приватизационным, антикоррупционным и иным видам исков……...203
Попов В.А.
К вопросу о доктринальном понятии имущества семейного назначения……...209
Цветков Н.А.
Особенности доказывания права собственности на криптовалюту одного из супругов……..217

CONTENT

Topical issues of private law

Jandarbek B.
Certain issues of inheritance…….7
Ilyina O.
Legal regulation of relationships in divorce in the Russian Federation and the republic of abkhazia: some aspects of a comparative analysis……17
Tumanova L.
Children's interests as a factor in the transition from marital to family property……...26

Topical issues of public law

Aftakhova A.
On the problem of unifying the conceptual framework in social security law……..36
Budanova L., Alexandrova O.
On the issue of determining the category of fitness for service in the penal system…….48
Kovaleva N.
Anti-corruption compliance: international standards and current legislation of the Russian Federation……56
Kuvyrchenkova T.
Regional governance characteristics during the introduction of a state of emergency……...69
Ochagova V.
Some aspects of the implementation of social policy by municipal authorities……...78

Topical issues of science and law enforcement practice

Zhukova O.
Participants in a case as a factor in the legality of case resolution under chapters 31.2 and 31.3 of the Code of administrative procedure of the Russian Federation……...85
Zarubina K.
The «white-collar professional» as a criminal of the «new type» of modernity……98
Kruss I.
The role of collective agreements in involving employees in investment processes……...108
Ryazanova E., Zabelina T.
Some features of the constitution for the implementation of rights and constitutional obligations to obtain general secondary education for migrant children in the Russian Federation……116

Smirnov S.
Developing arctic scientific research infrastructure in the Russian Federation: legal, organizational, and management aspects……128
Frolov M.
Legal regulation of probational sentence and deferment of serve of sentence in the legislation of the Cis countries…….140
Kharitoshkin V.
On some specifics of convict pay in prisons……..149

Problems of organization of the educational process

Sapronova T.
Practical experience using artificial intelligence in legal studies……..159

Tribune of young scientist

Ban A.
Directions for improving administrative responsibility for violations of legislation in the field of environmental protection in the Republic of Belarus……..170
Borovik V.
Law enforcement practice in assessing the interrelation of objects in public-private partnership projects……...178
Eremin I.
Comparative legal analysis of the regulation of the invalidity of agreements on the payment of alimony for the maintenance of minor children in bankruptcy proceedings of citizens in the Russian Federation and the People's Republic of China…….184
Kostilova E.
Collectivity as an element in the formation of the system of legal relations (on the example of family law and family legislation)…….194
Petrovich Zh.
Statutes of limitations for privatization, anti-corruption, and other claims……203
Popov V.
On the doctrinal concept of property for family purposes……209
Tsvetkov N.
Features of proving the ownership of the cryptocurrency of one of the spouses……..217

Актуальные вопросы частного права

УДК 347.65/.68(574)
DOI: 10.26456/vtpravo/2026.2.007

Отдельные вопросы наследования

Б.А. Джандарбек

Алматинский гуманитарно-экономический университет,
г. Алматы, Республика Казахстан

В данной работе рассматриваются некоторые вопросы наследования по казахстанскому законодательству. Автор подчеркивает, что наследственное право является подотраслью гражданского права. Кроме этого, обращает внимание, что наследование имущества умершего возможно по завещанию или по закону. В статье уделено внимание завещанию по закону, а также субъектам каждой очереди наследования по закону.

Ключевые слова: *наследование, наследственное право, наследование по завещанию, наследование по закону, очереди наследования.*

По казахстанскому законодательству наследственное право является подотраслью гражданского права и в его структуру входят несколько институтов. Они представляют собой совокупность норм наследственного права, регулирующих однородную группу наследственных отношений.

Наследование по закону наступает (основания наследования по закону):

1) если гражданин не составил завещания, т. е. не распорядился принадлежащим ему имуществом по своему усмотрению;

2) все наследники по завещанию по любым основаниям не приняли наследство (умерли до открытия наследства или одновременно с завещателем, не приняли наследство в установленный срок, отказались от наследства, признаны недостойными и др.);

3) в случаях, специально предусмотренных законом (например, наследование обязательной доли в наследстве, наследование выморочного имущества и др.).

Наследование по закону может иметь место и при наличии завещания. Это происходит в следующих ситуациях:

– если наследодатель завещает только часть имущества, тогда на незавещанную часть открывается наследование по закону;

– завещано не все имущество, доля наследника по завещанию, отказавшегося от наследования по любому основанию, переходит к наследникам по закону.

Рассмотрим непосредственно очереди наследования. По действующему законодательству существуют семь очередей наследования (ст. 1061–1064 Гражданского кодекса Республики

 © Джандарбек Б.А., 2026

Казахстан – далее ГК РК) [1]. При этом специально разъясняется, каким образом определяется степень родства: по числу рождений, отделяющих родственников друг от друга. Рождение самого наследодателя в это число не входит (п. 1 ч. 2 ст. 1064 ГК РК) [1].

Наследование на основании закона означает, что к наследованию призываются только те лица, перечень которых исчерпывающим образом назван в законе. Согласно ГК РК наследники по закону призываются к наследованию в порядке очередности. При этом наследники каждой последующей очереди наследуют, если нет наследников предыдущих очередей (они вообще отсутствуют; не приняли наследство в установленный срок; отказались от наследства, не указав, в чью пользу направлен отказ, кроме случаев отказа от наследства в пользу конкретных лиц из числа наследников по завещанию или по закону любой очереди; отстранены от наследства как недостойные; лишены наследства). Следует отметить, что все наследники призываемой очереди наследуют в равных долях, т. е. наследственное имущество делится между ними поровну.

Первая очередь наследников по закону. Согласно ст. 1061 ГК РК к наследникам первой очереди относятся дети наследодателя, в т. ч. родившиеся живыми после его смерти (зачатые при жизни наследодателя), а также супруг и родители наследодателя [1].

В РК правовой статус детей, родившихся в браке и родившихся вне брака одинаков. Употребляя термин «дети», законодатель имеет в виду сыновей и дочерей наследодателя, родившихся в зарегистрированном браке, даже в том случае, если регистрация совершена незадолго до рождения ребенка, а также детей, зачатых при жизни наследодателя и родившихся живыми после открытия наследства.

Особого внимания заслуживает вопрос о наследственных правах детей, рожденных вне брака, так называемых внебрачных детей.

После смерти матери дети наследуют всегда. Происхождение ребенка от матери очевидно. Наследование внебрачными детьми имущества отца возможно лишь в случаях, когда отцовство подтверждено в установленном законом порядке. Если состоялось установление отцовства или было признание отцовства, то впоследствии и дети, рожденные вне брака, могут претендовать на наследство.

Согласно п. 3 ст. 28 Кодекса о браке (супружестве) и семье Республики Казахстан (далее – КоБ(С)С РК) признание брака недействительным не ущемляет права детей, родившихся в таком браке или родившихся в течение 280 дней со дня признания брака недействительным [2].

В случае, когда у физического лица (женщины или мужчины) было несколько браков, то дети от всех браков могут претендовать на наследство как наследники первой очереди.

К категории детей относятся и усыновленные дети. Наследованию усыновленными и усыновителями посвящена специальная норма – п. 2 ст. 1060 ГК РК [1]. Наследственные права усыновленных и усыновителей приравниваются к наследственным правам детей и родителей. А это влечет следующие правоотношения:

– усыновленные и усыновители наследуют друг другу;

– усыновленные и их потомство наследуют родственникам усыновителя;

– усыновители и их родственники наследуют усыновленному и его потомству.

Усыновленные дети утрачивают правовую связь со своими кровными родителями и их родственниками и не наследуют им. Вместе с тем в действующем законодательстве содержится норма КоБ(С)С РК (п. 3 ст. 100), допускающая возможность сохранения юридической связи между усыновленным и одним из родителей или другими родственниками по происхождению. О сохранении такой связи должно быть указано в решении суда об усыновлении. В подобной ситуации усыновленный и его потомство наследуют по закону после смерти этих родственников, а последние наследуют после смерти усыновленного и его потомства.

Важно и то, что наследование между усыновленным и его родственниками по происхождению, с которыми сохранена связь по решению суда, не исключает наследственных отношений между усыновленным и родственниками усыновителя. Таким образом, не исключено, что в определенной ситуации усыновленный может быть призван к наследованию по закону после смерти своих кровных бабушки и дедушки со стороны матери, а также после смерти родителей усыновившей его женщины (бабушки и дедушки по линии усыновления).

КоБ(С)С РК предусматривает два основания для прекращения усыновления – это его недействительность и его отмена. От этого будут зависеть и наследственные правоотношения. При признании недействительности усыновления все взаимные права и обязанности аннулируются с момента усыновления, а при отмене происходит прекращение всех правовых последствий усыновления на будущее время со дня вступления в законную силу решения суда об отмене усыновления ребенка.

Опекуны, попечители, патронатные воспитатели и их подопечные не обладают правом наследования в имуществе по отношению друг к другу.

Не имеют права наследовать по закону совершеннолетние дети (усыновленные), злостно уклонявшиеся от выполнения своих обязанностей по содержанию наследодателя (п. 3 ст. 1045 ГК РК) [1].

Статья 1070 ГК РК предусматривает особенности наследования супругов. В соответствии с п. 1 указанной статьи принадлежащее супругу в силу завещания или закона право наследования не затрагивает других

его имущественных прав, связанных с состоянием в браке с наследодателем, в т. ч. права собственности на часть имущества, совместно нажитого в браке.

Приведенная норма подлежит расширительному толкованию и должна применяться ко всем случаям, когда наследодатель состоял в отношении наследственного имущества с кем-либо в общей собственности (долевой либо совместной).

По общему правилу, пока брак не расторгнут, переживший супруг является наследником. В случае расторжения супруги утрачивают право наследования в имуществе друг друга.

Впервые действующее законодательство вводит норму об устранении пережившего супруга по решению суда от наследования по закону, если будет доказано, что брак с наследодателем фактически прекратился до открытия наследства, и супруги в течение не менее чем пяти лет до открытия наследства проживали раздельно (п. 2 ст. 1070 ГК РК).

К наследникам 1-й очереди относятся родители наследодателя. Защищая наследственные интересы родителей, закон вместе с тем исключает из числа родителей тех, кто был лишен родительских прав и не был восстановлен в этих правах к моменту открытия наследства, и родителей (усыновителей), уклонявшихся от выполнения возложенных на них в силу закона обязанностей по содержанию наследодателя (п. 3 ст. 1045 ГК РК) [1]. Кроме этого, отец не может наследовать, если он не состоял с матерью ребенка в зарегистрированном браке.

Вторая очередь наследников по закону. В случае, когда отсутствуют наследники 1-й очереди, право на наследование по закону во 2-ю очередь получают в равных долях полнородные и неполнородные братья и сестры наследодателя, а также его дедушка и бабушка, как со стороны отца, так и со стороны матери.

Неполнородными братьями и сестрами называются лица, у которых общим является один из родителей. Например, дети одного отца, рожденные от разных матерей, могут наследовать друг после друга наравне с родными братьями и сестрами, т. е. родные полнородные братья и сестры имеют общих родителей, а неполнородные – только одного общего родителя. Последние при общем отце и разных матерях называются единокровными, при общей матери и разных отцах – единоутробными.

К наследникам 2-й очереди также относятся дедушка и бабушка со стороны обоих родителей. Следует уточнить, дедушка и бабушка со стороны матери наследуют всегда, а вот дедушка и бабушка со стороны отца – только при наличии юридической связи между отцом и ребенком. Даже бесспорное кровное происхождение ребенка от родителей, но не оформленное юридически, не создает никаких прав и обязанностей между ребенком и его родственниками.

Третья очередь наследников по закону. В соответствии с п. 1 ст. 1063 ГК РК, когда нет наследников 1-й и 2-й очереди, право на наследование по закону в третью очередь получают в равных долях родные дяди и тети наследодателя.

Ранее по Гражданскому кодексу Казахской ССР (далее – ГК КазССР) они в круг наследников по закону не входили.

В категорию родных дядей и тетей следует относить братьев и сестер матери и отца, независимо от того, являются ли они полнородными или неполнородными братьями и сестрами матери и отца.

Четвертая очередь наследников по закону. В наследовании по закону наибольший интерес вызывает 4-я очередь.

Пункт 1 ст. 1064 ГК РК гласит: «Если нет наследников 1-й, 2-й и 3-й очереди, право наследовать по закону получают родственники наследодателя 3-й, 4-й и 5-й степени родства, не относящиеся к наследникам предшествующих очередей. Степень родства определяется числом рождений, отделяющих родственников одного от другого. Рождение самого наследодателя в это число не входит». Для того чтобы выяснить круг наследников 4-й очереди, необходимо определиться с понятием степень родства. Близость степени родства устанавливается на основании числа рождений от общего предка. Каждое рождение называется степенью.

Далее из числа родственников до 6-й степени родства следует исключить тех, кто призывается к наследованию в первых трех очередях (детей, родителей, дедушек, бабушек, братьев, сестер, тетей, дядей), а также тех, кто наследует по праву представления (всех по прямой нисходящей, по боковой – племянников и двоюродных братьев и сестер).

Под наследованием по праву представления понимается такой порядок, когда одно лицо в случае смерти другого лица, являвшегося наследником по закону, до открытия наследства как бы заступает на его место и приобретает право наследования той доли в наследственном имуществе, которая причиталась бы умершему, если бы он не умер до открытия наследства.

Кроме выяснения вопроса о том, кто имеет право наследовать в 4-ю очередь, а также учитывая вышеуказанные факты и то, что родственники более близкой степени родства устраняют от наследования родственников более далекой степени родства, необходимо подчеркнуть, что внутри 4-й очереди складывается своя очередь наследников.

На основании изложенного и согласно п. 2 ст. 1064 ГК РК наследниками 4-й очереди являются родственники 3-й степени родства. Данными родственниками определяются прадедушка либо прабабушка наследодателя как со стороны отца, так и со стороны матери.

Пятая очередь наследников по закону. Наследниками 5-й очереди являются родственники 4-й степени родства – дети родных племянников и племянниц наследодателя (двоюродные внуки и внучки) и родные

братья и сестры его дедушек и бабушек (двоюродные дедушки и бабушки).

Шестая очередь наследников по закону. К данной очереди относятся родственники 5-й степени родства:

1) дети двоюродных внуков и внучек наследодателя (двоюродные правнуки и правнучки);

2) дети его двоюродных братьев и сестер (двоюродные племянники и племянницы);

3) дети его двоюродных дедушек и бабушек (двоюродные дяди и тети).

Седьмая очередь наследников по закону. В отличие от наследников предшествующих очередей к наследникам рассматриваемой очереди относятся лица, не связанные родственными отношениями с наследодателем. Они связаны больше социальными узами. Согласно п. 3 ст. 1064 ГК РК в качестве наследников седьмой очереди по закону призываются сводные братья и сестры, пасынки, падчерицы, отчим и мачеха наследодателя, если они совместно проживали с наследодателем одной семьей не менее 10 лет.

Нетрудоспособные иждивенцы наследодателя. Особое место занимают среди наследников по закону нетрудоспособные иждивенцы наследодателя.

Нам бы хотелось остановиться более подробно на этом вопросе, поскольку призвание к наследованию нетрудоспособных иждивенцев наследодателя и определение их доли – это один из самых сложных вопросов в наследственном праве в целом. Этой проблеме в ГК РК посвящена ст. 1068.

Особенность призвания их к наследству состоит в том, что они наследуют с наследниками любой очереди, призываемой к наследованию (например, с наследниками 1-й очереди, а при отсутствии наследников 1-й очереди – с наследниками 2-й очереди и т. д.). И лишь при отсутствии наследников всех очередей они наследуют самостоятельно.

Прежде всего следует определить, кто такие нетрудоспособные иждивенцы.

Для начала разберемся с понятием «нетрудоспособные лица». В п. 15 Нормативного постановления Верховного суда РК «О некоторых вопросах применения судами законодательства о наследовании» от 29.06.2009 г. № 5 сказано, что «к нетрудоспособным иждивенцам наследодателя в соответствии со ст. 13 Закона Республики Казахстан “О государственных социальных пособиях по инвалидности, по случаю потери кормильца и по возрасту в Республике Казахстан” [3] относятся: лица, не достигшие восемнадцати лет; женщины старше 58 лет и мужчины старше 63 лет; инвалиды I, II и III групп; лица, достигшие 18 лет и старше, обучающиеся в учебных заведениях по очной форме обучения до окончания учебы, но не старше 23 лет» [4].

Теперь разберемся с тем, что представляет собой понятие «иждивение». В вышеупомянутом постановлении дается следующее пояснение: «состоявшими на иждивении наследодателя следует считать нетрудоспособных лиц, находившихся на полном содержании наследодателя или получавших от наследодателя такую помощь, которая была для них основным и постоянным источником средств существования. Отдельные случаи оказания материальной помощи наследодателем наследнику не могут служить доказательством факта иждивения».

В ранее действовавшем законодательстве (ст. 527 ГК КазССР) к наследникам по закону относились нетрудоспособные лица, состоящие на иждивении у наследодателя не менее года, и при наличии других наследников они наследовали наравне с наследниками той очереди, которая призывалась к наследованию, а при их отсутствии или непринятии наследства – самостоятельно, при этом совместное проживание не имело значения.

Нетрудоспособные иждивенцы подразделяются на три группы. Отдельно (ст. 1068 ГК РК) говорится о нетрудоспособных иждивенцах, которые не входят в круг наследников по ст. 1062–1064 (т. е. не являются родственниками), но все же призываются как наследники 8-й очереди, если нет наследников других очередей. Таким образом, для признания наследниками по закону 1-й группы не имеет значение факт родства или фактических брачных отношений наследодателя и иждивенцев. Основанием для признания их наследниками по закону служит особый юридический состав. Это три юридических факта. Первый из них – это нетрудоспособность лица. К нетрудоспособным относятся лица, достигшие пенсионного возраста. Согласно ст. 11 Закона Республики Казахстан от 21.06.2013 г. № 105-V «О пенсионном обеспечении в Республике Казахстан» назначение пенсионных выплат по возрасту производится: с 1 июля 2001 г. – мужчинам по достижении 63 лет, женщинам по достижении 58 лет.

При этом назначение пенсионных выплат по возрасту женщинам производится:

с 1 января 2018 г. – по достижении 58,5 лет;
с 1 января 2019 г. – по достижении 59 лет;
с 1 января 2020 г. – по достижении 59,5 лет;
с 1 января 2021 г. – по достижении 60 лет;
с 1 января 2022 г. – по достижении 60,5 лет;
с 1 января 2023 г. – по достижении 61 года;
с 1 января 2024 г. – по достижении 61,5 года;
с 1 января 2025 г. – по достижении 62 лет;
с 1 января 2026 г. – по достижении 62,5 лет;
с 1 января 2027 года – по достижении 63 лет [5].

Здесь сделаем оговорку, т. к. вышел Закон Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам государственной молодежной политики и социального обеспечения» от 26.12.2022 г., установивший пенсионный возраст 61 год для женщин с 2023-го по 2028 гг. Таким образом, женщины в Казахстане выходят на пенсию в 61 год. С 2028 г. пенсионный возраст начнет поэтапно повышаться на полгода ежегодно до 63 лет к 2031 г.

Второй факт – нахождение данного лица на иждивении наследодателя не менее одного года до его смерти. Третий юридический факт – совместное проживание вместе с наследодателем [6, с. 742]. Если исходить из смысла п. 1 ст. 1068 ГК РК, совместное проживание также должно быть не менее одного года до смерти наследодателя.

Ранее в ГК РК имелось противоречие между нормами ст. 1066 и п. 1 ст. 1068. Несмотря на то что ст. 1066 ГК РК признавала нетрудоспособных иждивенцев наследниками 6-й очереди, в соответствии с п. 1 ст. 1068 ГК РК они получали и получают возможность наследовать вместе с той очередью наследников по закону, которая призывается к наследованию. По сути, нетрудоспособные иждивенцы – это наследники по закону, наследующие вне очереди.

Вторая группа нетрудоспособных иждивенцев – это наследники по закону в силу родства или свойства, включая наследников со 2-й по 7-ю очереди. Указанные нетрудоспособные иждивенцы наследуют вместе с наследниками по закону той очереди, которая будет призываться к наследованию. Например, нетрудоспособный иждивенец, являющийся наследником 2-й очереди, получит возможность наследовать наряду с наследниками 1-й очереди и т. д. Для этой группы нетрудоспособных иждивенцев не требуется наличие факта совместного проживания с наследодателем не менее одного года до его смерти [7]. Достаточно того, что лицо состоит на иждивении наследодателя не менее одного года до его смерти.

Следует отметить, что наследственные права указанных групп нетрудоспособных иждивенцев могут быть исключены посредством завещания, лишающего их права наследования, как и наследственные права иных наследников по закону.

По указанной выше причине особое место среди нетрудоспособных иждивенцев наследодателя третью группу занимают лица, имеющие право на обязательную долю в наследстве.

Право на обязательную долю в наследстве будет существовать независимо от того исполнял либо не исполнял наследодатель свою обязанность по содержанию лиц, имеющих право на обязательную долю в наследстве. Не имеет значения и факт совместного проживания наследодателя с лицами, имеющими право на обязательную долю в наследстве. Единственной возможностью ограничения наследственных

прав при наличии у лица права на обязательную долю в наследстве, является отстранение от наследования такого лица в качестве недостойного наследника.

Предложенная в настоящей статье характеристика основных институтов наследственного права Республики Казахстан позволяет оценить систему соответствующих норм как совершенную, отвечающую духу традиций цивилистики с одновременной реакцией на объективные потребностим современности.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая и Особенная части). Алматы: ЮРИСТ, 2020. 352 с.

2. Кодекс Республики Казахстан от 26.12.2011 г. «О браке (супружестве) и семье». Алматы: Юрист, 2020.

3. Закон Республики Казахстан от 16.06.1997 г. № 126-I «О государственных социальных пособиях по инвалидности, по случаю потери кормильца и по возрасту в Республике Казахстан» [Электронный ресурс]. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=1330 (дата обращения: 23.03.2026).

4. Нормативное постановление Верховного суда РК от 29.06.2009 г. № 5 «О некоторых вопросах применения судами законодательства о наследовании» [Электронный ресурс]. URL: https://base2.spinform.ru/show_red.fwx?rid=68295 (дата обращения: 23.03.2026).

5. Закон Республики Казахстан от 21.06.2013 г. № 105-V «О пенсионном обеспечении в Республике Казахстан» [Электронный ресурс]. URL: https://prg.kz/document/?doc_id=31408637 (дата обращения: 23.03.2026).

6. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Особенная часть). Комментарий (постатейный): в двух книгах. Книга 2 / отв. ред.: М.К. Сулейменов, Ю.Г. Басин. Алматы, 2006. 800 с.

7. Правила совершения нотариальных действий нотариусами: утвержден приказом Министра юстиции Республики Казахстан от 31.01.2012 г. № 31 [Электронный ресурс]. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=51577 (дата обращения: 23.03.2026).

Об авторе:

ДЖАНДАРБЕК Бауржан Абылкасымулы – доктор юридических наук, Алматинского гуманитарно-экономического университета (Республика Казахстан, г. Алматы, микр. «Аксай-3», 36), ORCID: https://orcid.org/0009-0001-2913-7778, e-mail:umina.umina.57@mail.ru

Certain issues of inheritance

B.A. Jandarbek

Almaty Humanitarian and Economic University, Almaty

This paper examines certain issues of inheritance under the legislation of the Republic of Kazakhstan. The author emphasizes that inheritance law is a sub-branch of civil law. In addition, attention is drawn to the fact that inheritance of a deceased person’s property is possible both by will and by operation of

law. Particular attention is paid to inheritance by law. The article also focuses on the subjects of each order (priority) of inheritance by law.
Keywords: *inheritance, inheritance law, inheritance by will, inheritance by law, orders of inheritance.*

About author:
JANDARBEK Baurzhan – Doctor of Law, Almaty Humanitarian and Economic University (Republic of Kazakhstan, Almaty, Aksay-3 microdistrict, 36), ORCID: https://orcid.org/0009-0001-2913-7778, e-mail: umina.umina.57@mail.ru

Джандарбек Б.А. Отдельные вопросы наследования // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 2 (86). С. 7–16.

Статья поступила в редакцию 25.03.2026 г.
Подписана в печать 10.06.2026 г.

УДК 347.627(470):(479.224)
DOI: 10.26456/vtpravo/2026.2.017

Правовое регулирование отношений при расторжении брака в Российской Федерации и Республике Абхазии: некоторые аспекты сравнительной характеристики

О.Ю. Ильина

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье представлена сравнительная характеристика отдельных норм семейного законодательства Российской Федерации и Республики Абхазия, регулирующих отношения по расторжению брака в суде. Кроме того, отмечаются и особенности разъяснений Пленума Верховного Суда указанных государств по вопросам применения норм материального и процессуального права при рассмотрении судами дел о расторжении брака. Сформулированы и обоснованы выводы о возможном заимствовании опыта правового регулирования и правоприменения с целью обеспечения частных и публичных интересов при рассмотрении судами дел о расторжении брака.

Ключевые слова: *Российская Федерация, Республика Абхазия, семейные правоотношения, расторжение брака, имущественные споры, интересы несовершеннолетних.*

Правовое регулирование семейных отношений на постсоветском пространстве периодически находит отражение в сравнительно-правовых исследованиях представителей науки семейного права, что, во-первых, свидетельствует о сохранении актуальности данного вопроса, и, во-вторых, позволяет выявить тенденции развития законодательства суверенных государств, имеющих общую историю [14]. Достаточно высокая степень интереса демонстрировалась в период с 2000 по 2020 гг.: проблематика формирования семейного законодательства стран-участников Содружества Независимых Государств [9, 10], отдельных государств по регулированию отношений в сфере заключения и прекращения брака, признания брака недействительным [6, с. 34–41], отношений, связанных с применением мер семейно-правовой ответственности [11], – и это далеко не все примеры, поскольку в том или ином объеме соответствующие вопросы освещались и в диссертационных исследованиях, и в научных статьях.

Республика Абхазия занимает особое место среди государств на постсоветском пространстве, что обусловлено рядом политических и социально-экономических факторов. Как отмечает Ф.Г. Камкия «В первые годы самостоятельного существования законодательство Республики Абхазия складывалось из нормативно-правовых актов Советского Союза, не нарушающих суверенных прав и интересов Абхазии. … Даже беглый анализ позволяет сделать вывод о том, что в

© Ильина О.Ю., 2026

значительной степени принятые нормативно-правовые акты являются результатом унификации законодательства РА с законодательством РФ» [7, с. 174].

В рамках настоящей статьи представим результаты сравнительно-правового исследования регулирования отношений по расторжению брака в суде, обратившись к Семейному кодексу Республики Абхазия (далее – СК РА) [2] и Семейному кодексу Российской Федерации (далее – СК РФ) [1].

Прежде всего отметим два момента:

– ярко демонстрируемое сходство нормативных предписаний: СК РА был принят 10.07.2009 г., на тот момент СК РФ действовал уже более тринадцати лет, что позволило законодателю соседнего государства позаимствовать редакцию с учетом внесенных изменений и дополнений. В значительной части и структура, и содержание СК РА, действительно, копируют СК РФ, но в то же время есть и принципиальные позиции, отражающие суверенность Республики, традиции культуры;

– за истекший период в СК РФ неоднократно вносились изменения и дополнения, существенно изменились установки и принципы регулирования отдельных сфер семейных отношений, однако СК РА сохранил свою редакцию практически неизменной, в силу чего в настоящее время можно утверждать и о существенных различиях в правовом регулировании семейных отношений. В частности, остался неизменным перечень оснований для прекращения брака (ст. 15 РА); по-прежнему право требовать выплаты алиментов на свое содержание до достижения общим ребенком возраста трех лет имеет только жена (бывшая жена) (ст. 91, 92 СК РФ), перечень требований, предъявляемых к усыновителям, тоже сохранен в прежнем варианте и др. Означает ли это, что законодатель РА намеренно не реагирует на соответствующие социальные вызовы (возможно, что для РА они просто отсутствуют) или же реформирование семейного законодательства предполагается – не будем фантазировать, поскольку и объективных оснований для этого нет.

Обращает на себя внимание специфика правового регулирования в Республике Абхазия отношений, возникающих при расторжении брака. Соответствующая проблематика весьма актуальна сейчас для российского общества, поскольку увеличение количества расторгаемых браков, в том числе в судебном порядке, несомненно, требует мер реагирования не только в части повышения размера государственной пошлины за регистрацию расторжения брака (что уже было в истории нашего государства), но и в контексте изменения механизма регулирования бракоразводной процедуры.

Примечательно, что Пленум Верховного суда РА 01.03.2024 г. принял постановление № 4 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» [16], которое совершенно ожидаемо в значительной части дублирует разъяснения, изложенные в

постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 05.11.1998 г. № 15 с аналогичным названием [15], но по ряду позиций может быть оценено как более прогрессивное (справедливости ради отметим, что постановление № 15 уже даже морально устарело за почти тридцать лет стремительного развития общества и законодательства).

Итак, в соответствии со ст. 20 СК РА брак расторгается в судебном порядке не только по известным российскому семейному законодательству основаниям, но и при наличии имущественных претензий супругов друг к другу.

Примечательно, что при расторжении брака супруги достаточно часто не в состоянии разграничить свое отношение к расторжению брака (согласие или несогласие) и непосредственно имущественные претензии к другому супругу. С одной стороны, это кажется не имеющим какого-либо значения, но, с другой стороны, отсутствие согласия одного из супругов на расторжение брака является основанием для применения специального процессуального инструмента примирения сторон – примирительного срока (ст. 22 СК РФ, ст. 21 СК РА). Если же спор между супругами обусловлен имущественными претензиями (как взаимными, так и односторонними), то по российскому законодательству брак вполне себе может быть расторгнут в административном порядке с последующим разрешением имущественного спора в суде, но уже между бывшими супругами, о чем автор настоящей статьи размышлял еще двадцать лет назад [5, с. 59–64].

Признаем, что своеобразное уточнение оснований для расторжения брака в суде, присущее законодательству Республики Абхазия, может произвести впечатление некоторого ограничения прав супругов, поскольку в перспективе лишь один вариант развития событий: даже если нет возражений по поводу расторжения брака, брак все равно должен быть расторгнут в суде, если у супругов есть имущественные претензии друг к другу. Возможно, установление соответствующего правила, наоборот, позволяет обеспечить защиту прав и интересов супругов в рамках бракоразводного процесса.

Очевидно, что именно поэтому и Пленум Верховного суда РА в упомянутом постановлении дает гораздо более развернутые разъяснения, связанные с применением судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака супругов, имеющих имущественные претензии друг к другу. Так, в п. 20 постановления указывается: «Оформление приобретенного хотя и во время брака, но на личные средства одного из супругов имущества на имя другого супруга, не меняет их природы личного имущества»; несмотря на признание доктриной соответствующего режима имущества в п. 21 разъясняется: «Имущество, приобретенное хотя и в период брака, но на деньги, вырученные от продажи имущества, принадлежащего одному из супругов, не может

считаться совместной супружеской собственностью, поскольку является личным имуществом этого супруга».

Заслуживает внимания и позиция Пленума Верховного суда РА, обозначенная в п. 24 указанного постановления: «Учитывая, что в соответствии с частью 1 статьи СК РА владение, пользование и распоряжение общим имуществом супругов должно осуществляться по их обоюдному согласию, в случае когда при рассмотрении требования о разделе совместной собственности супругов будет установлено, что один из них произвел отчуждение общего имущества или израсходовал его по своему усмотрению вопреки воле другого супруга и не в интересах семьи, либо скрыл имущество, то при разделе учитывается это имущество или его стоимость».

Напомним, что в 2022 г. редакция п. 2 ст. 39 СК РФ претерпела изменения в части перечня оснований для отступления судом от принципа равенства супругов при разделе общего имущества: теперь суд может учитывать недобросовестные действия одного из супругов, которые привели к уменьшению общего имущества супругов, в том числе совершение без нотариального согласия супруга на невыгодных условиях сделок по отчуждению общего имущества супругов, даже если к ним судом не были применены последствия их недействительности по требованию другого супруга.

К сожалению, отсутствие в законодательстве обоих государств четких правил, а также необходимых и достаточных разъяснений на уровне постановления Пленума Верховного Суда создает предпосылки для возможного неправильного применения норм материального права и, как следствие, нарушения прав и интересов супругов.

Отечественная доктрина и судебная практика длительное время характеризуются неопределенностью в части решения вопроса о сохранении режима общей совместной собственности после расторжения брака, если супругами не был произведен раздел общего имущества. В связи с этим обоснованным видится заимствование позиции Пленума Верховного суда РА, который в п. 25 постановления № 4 разъясняет: «К правоотношениям бывших супругов не подлежат применению нормы статьи 36 СК РА, к ним должен быть применен пункт 3 статьи 252 ГК РА, согласно которому каждый из участников совместной собственности вправе совершать сделки по распоряжению общим имуществом, если иное не вытекает из соглашения всех участников. Совершенная одним из участников совместной собственности сделка, связанная с распоряжением общим имуществом, может быть признана недействительной по требованию остальных участников по мотивам отсутствия у участника, совершившего сделку, необходимых полномочий только в случае, если доказано, что другая сторона в сделке знала или заведомо должна была знать об этом.

Бремя доказывания того обстоятельства, что приобретатель знал или заведомо должен был знать о несогласии другого бывшего супруга на совершение сделки по распоряжению общим имуществом, лежит на стороне, которая требует признать сделку недействительной» [16].

Как известно, одним из оснований для отступления судом от принципа равенства долей супругов при разделе их общего имущества являются интересы несовершеннолетних детей (ст. 39 СК РФ, ст. 40 СК РА). Однако в постановлении Пленума ВС РФ № 15 от 05.11.1998 г. нет каких-либо разъяснений на этот счет, что порождает периодически вопросы в судебной практике.

В Обзоре судебной практики № 3 за 2019 г. на примере спора бывших супругов указывается: «Наличие общего несовершеннолетнего ребенка не является безусловным основанием для отступления от начала равенства долей при разделе имущества бывших супругов. В случае отступления от начала равенства долей бывших супругов в решении суда должны быть приведены мотивы того, каким образом соблюдаются интересы детей, ради которых и должно произойти отступление» [17].

Аналогичный акцент, но на уровне постановления Пленума, делает и правоприменитель Республики Абхазия: «Закон не содержит перечня заслуживающих внимания интересов несовершеннолетних детей, с учетом которых суд вправе отступить от начала равенства долей супругов в общем имуществе, такие причины (обстоятельства) устанавливаются в каждом конкретном случае с учетом представленных сторонами доказательств. Причины и представленные в их подтверждение доказательства должны оцениваться судом в совокупности, с приведением мотивов, по которым данные доказательства приняты в обоснование выводов суда, или отклонены судом» (п. 27).

Необходимо подчеркнуть, что и в Семейных кодексах, и в постановлениях Пленума Верховного Суда нашего государства и Республики Абхазия прослеживается в целом единая линия по защите имущественных прав и интересов супругов, расторгающих брак, а также третьих лиц. В то же время существенным различием выступает то, что СК РА предусматривает наличие имущественных претензий супругов друг к другу как самостоятельное основание для расторжения брака в судебном порядке.

Безусловно, возникает вопрос о понимании сути указанного основания: что предполагает законодатель под «имущественными претензиями»? Это исключительно споры, связанные с разделом общего имущества, или же и другие, допустим, о признании недействительным полностью или в части брачного договора либо соглашения о разделе общего имущества? Кстати, в силу ч. 2 ст. 39 СК РА для соглашения о разделе общего имущества супругов не предусмотрена обязательная

нотариальная форма, что, в свою очередь, делает его более уязвимым с точки зрения действительности. Имущественные претензии могут быть обусловлены и отсутствием договоренности о предоставлении алиментов супругу, имеющему на то право, и любые другие.

Полагаем, что указание в ст. 20 СК РА самостоятельного основания для расторжения брака в суде целесообразно сопроводить разъяснениями Пленума Верховного Суда, что позволит установить примерный перечень видов требований имущественного характера, при наличии которых супруги могут расторгнуть брак только в суде.

Полагаем необходимым отметить и некоторые другие моменты, имеющие практическое значение. Так, СК РФ и СК РА предусматривают возможность назначения срока для примирения супругов, если один из них возражает против расторжения брака. И порядок назначения, и максимально возможная продолжительность примирительного срока, как впрочем, и последствия его истечения – расторжение судом брака, даже если один из супругов по-прежнему возражает – идентичны. Однако в постановлении Пленума Верховного суда РА есть разъяснение, необходимость которого неоднократно отмечали представители российской науки семейного права [4, 8, 12, 13]. Так, в п. 8 постановления № 4 отмечено: «В указанных случаях не могут считаться достаточными основаниями для расторжения брака временные разлады в семье и конфликты между супругами, вызванные случайными причинами, а также не подтвержденное серьезными доводами нежелание одного или обоих супругов продолжать брак. Только установив, что дальнейшая совместная жизнь супругов и сохранение семьи стали невозможными, суд вправе удовлетворить требование о расторжении брака (часть 1 статьи 21 СК РА)».

Полагаем, что в контексте обеспечения сохранения традиционных семейных ценностей соответствующая установка вполне приемлема. Заметим, что разделительный союз «и», используемый законодателем обоих государств вовсе не случаен: суд должен установить два факта: и то, что дальнейшая совместная жизнь супругов невозможна, и то, что семья не может продолжать свое существование.

Проведенное сравнительное исследование позволяет указать и некоторые различия в правовом регулировании отношений по расторжению брака в РФ и РА.

Как известно, брак, прекращенный вследствие объявления одного из супругов умершим или признания одного из супругов безвестно отсутствующим, может быть восстановлен в случае явки этого супруга и отмены соответствующего судебного решения (ст. 26 СК РФ, ст. 15 СК РА). По общему правилу, восстановление брака не допускается, если другой супруг вступил в новый брак. Дополнительно законодатель Республики Абхазия устанавливает: «это правило не применяется, если в момент заключения брака сторонам (или одной из сторон) было известно,

что супруг, признанный умершим или безвестно отсутствующим, находился в живых». Полагаем, что такая ситуация похожа на потенциально недействительный брак, поскольку при формальном отсутствии препятствия для заключения брака в виде наличия другого нерасторгнутого брака фактически оно есть. Кроме того, может быть поставлено под сомнение и такое условие, необходимое для действительности брака, как взаимное добровольное согласие мужчины и женщины, вступающих в брак (ст. 11 СК РА). Очевидно, что Пленуму ВС РА целесообразно дать разъяснения о применении норм материального (не только СК РА, но и Закона РА «Об актах гражданского состояния» от 15.02.2007 г. № 1632-с-XIV) [3] и процессуального права при рассмотрении требования о признании недействительным брака, заключенного при указанных обстоятельствах.

Отметим и то, что в ст. 22 законодатель Республики Абхазия предусматривает возможность сокращения срока рассмотрения судом дела о расторжении брака. Так, по общему правилу, брак не может быть расторгнут судом ранее истечения месяца со дня подачи супругами искового заявления, если они оба согласны на развод, но имеют общего несовершеннолетнего ребенка или же один из супругов не имеет возражений, но своими действиями либо бездействием уклоняется от расторжения брака (кстати, заметим, что в СК РА нет указания на уклонение супруга от расторжения брака в органах записи актов гражданского состояния, как это предусмотрено в п. 2 ст. 21 СК РФ, что не исключает, таким образом, и уклонение от развода в суде. В то же время в соответствии с ч. 3 ст. 22 СК РА: «В исключительных случаях судом может быть установлен срок, менее указанного в ч. 2 настоящей статьи». К сожалению, Пленум ВС РА не предлагает в исследуемом постановлении ни критерии определения исключительности случаев, ни примерный их перечень, что, безусловно, способствовало бы, как минимум, оптимизации рассмотрения судами дел о расторжении брака.

Таким образом, предложенная нами сравнительная характеристика отдельных положений Семейных кодексов РФ и РА, а также позиции Пленума Верховных Судов данных государств позволяет отметить как общие черты правового регулирования отношений по расторжению брака в суде и разъяснений для правоприменителя, так и отличия. В свою очередь, опыт законодателя и правоприменителя Российской Федерации и Республики Абхазия представляется взаимно интересным и полезным, в том числе и в контексте заимствования.

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23.03.2026 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Семейный кодекс Республики Абхазия от 21.07.2009 г. № 2428-с-IV [Электронный ресурс]. URL: https://minjust-

ra.org/%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/ (дата обращения: 05.05.2026).

3. Закон Республики Абхазия от 15.02.2007 г. № 1632-с-XIV «Об актах гражданского состояния» [Электронный ресурс]. URL: https://minjust-ra.org/%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/ (дата обращения: 05.05.2026).

4. Ильина О.Ю. Некоторые аспекты соотношения понятий семьи и брака // Современное право. 2006. № 5. С. 54–62.

5. Ильина О.Ю. Обеспечение права на уважение частной и семейной жизни при судебном рассмотрении дел о расторжении брака // Вестник судебной власти. 2006. № 2 (6). С. 59–64.

6. Ильина О.Ю. Особенности рассмотрения судами дел расторжении брака по законодательству Российской Федерации и республики Беларусь // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2018. № 4. С. 34–41.

7. Камкия Ф.Г. К вопросу об особенностях правовой системы Абхазии // Вестник РУДН, Серия Юридические науки. 2014. № 2. С. 173–188.

8. Кокова Д.А. Семья как семейное правоотношение по российскому семейному законодательству: монография. М.: Статут, 2026. 176 с.

9. Левушкин А.Н. Теоретическая модель построения системы семейного законодательства государств – участников СНГ. Монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2013. 327 с.

10. Саенко Л.В. Охрана и защита семейных прав на постсоветском пространстве: монография. М.: РУСАЙНС, 2020. 266 с.

11. Тагаева С.Н. Правовая сущность семейно-правовой ответственности (по материалам Республики Таджикистан). Душанбе: Ирфон, 2012. 226 с.

12. Тарусина Н.Н. Брак по семейному праву. М.: Проспект, 2011. 224 с.

13. Тарусина Н.Н. О правотворческом и коллизионном смысле правовых позиций высших судов РФ (на примере семейных дел) // Вестник гражданского процесса. 2023. № 2. С. 95–109.

14. Цугба М.Э. Регулирование брачно-семейных отношений у абхазов (XIX – начало XX веков): соотношение обычного права и законодательства Российской империи: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2010. 25 с.

15. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.11.1998 г. № 15 (ред. от 06.02.2007) «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» // СПС «КонсультантПлюс».

16. Постановление Пленума Верховного суда Республики Абхазия от 01.03.2024 г. № 4 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» [Электронный ресурс]. URL: https://vsdocs.apsny.land/view.php?id=6 (дата обращения: 05.05.2026).

17. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2019) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.11.2019 г.) // СПС «Гарант».

Об авторе:

ИЛЬИНА Ольга Юрьевна – доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой гражданского права юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 8737-6386, e-mail: Ilina.OY@tversu.ru

Legal regulation of relationships in divorce in the Russian Federation and the Republic of Abkhazia: some aspects of a comparative analysis

O.Y. Ilyina

Tver State University, Tver

This article presents a comparative analysis of certain provisions of family law in the Russian Federation and the Republic of Abkhazia governing divorce proceedings in court. Furthermore, it highlights the specifics of the clarifications of the Plenums of the Supreme Courts of these countries regarding the application of substantive and procedural law in divorce proceedings. Conclusions are formulated and substantiated regarding the potential for borrowing legal regulation and law enforcement practices to protect private and public interests in divorce proceedings.

Keywords: *Russian Federation, Republic of Abkhazia, family relations, divorce, property disputes, interests of minors.*

About author:

ILYINA Olga – doctor of Law, professor, dean of the faculty of Law, head of the department of civil law of the faculty of law of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova St., 33), SPIN-code: 8737-6386, e-mail: Ilina.OY@tversu.ru

Ильина О.Ю. Правовое регулирование отношений при расторжении брака в Российской Федерации и Республике Абхазии: некоторые аспекты сравнительной характеристики // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 2 (86). С. 17–25.

Статья поступила в редакцию 10.05.2026 г.

Подписана в печать 10.06.2026 г.

УДК 347.6
DOI: 10.26456/vtpravo/2026.2.026

Интересы детей как фактор перехода от супружеской к семейной собственности

Л.В. Туманова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Статья предлагает для обсуждения проблему, связанную с имущественными интересами детей. В прежние времена признавалась собственность семьи и даже рода, но затем, реализуя благую цель защитить имущественные права женщин, был введен режим совместной супружеской собственности. При разделе имущества доли супругов признаются равными. Об имущественных правах детей закон упоминает весьма оригинально: может быть отступление от равенства долей в интересах несовершеннолетних детей. А тот, как представляется, важнейший факт, что дети чаще всего остаются жить с одним из родителей, сам по себе, как следует из судебной практики, не означает, что должна быть увеличена доля такого бывшего супруга, поскольку содержание детей обеспечивается алиментными платежами. Еще печальнее вопрос об имущественных правах детей, когда выясняется, что все основное имущество, включая жилое помещение, является личной собственностью супруга, которой делиться он не намерен. Государство выделяет значительные средства семьям при рождении каждого ребенка. Может, пора и родителям с момента рождения их собственного ребенка выделять своего рода подарки из совместной, а также личной собственности, чтобы обеспечивать его материально? Семья – это сложное явление как по составу, так и по сложившимся обычаям и традициям, но ядром семьи выступает связь: родители и дети. Интересы детей как оценочное понятие толкуются каждым родителем по-своему, и даже суд применяет свое усмотрение. Полагаем, имущественные интересы детей следует закрепить законодательно не только как алиментные обязательства, это и будет переход от супружеской к семейной собственности, что повлияет и на многие другие правоотношения, связанные, например, с усыновлением или конфискацией транспортных средств, когда виноват один из членов семьи, а получается, что наказаны все, в том числе дети. Статья предполагает дискуссию, а в дальнейшем пересмотр ряда норм семейного законодательства.

Ключевые слова: *семья, интересы детей, совместная собственность супругов, раздел имущества, отступление от равенства долей.*

Слово «семья» очень многогранно, у каждого человека вызывает свои ассоциации. Даже в праве не меньше двух значений этого понятия: 1) семья как основной предмет семейного права и 2) в теории правовые семьи рассматриваются как особенности правового регулирования.

© Туманова Л.В., 2026

И филологи не находят единого подхода к этимологии слова «семья», поскольку на протяжении веков это слово имело разное значение: от того, когда семьей признавались все живущие вместе, независимо от родства и положения, до совершенно сокращенного – как синонима слова «жена». Но еще во времена, когда не было государства и права, общинная жизнь людей основывалась практически также на семейных связях и отношениях. И тезис «семья – ячейка общества» актуален для всех времен и народов. Своего рода семейные отношения существуют и в мире животных. Причем на примере, как принято говорить, «братьев наших меньших» (хоть многие представители совсем не меньшие!) определяется основное предназначение семьи – стремление к продолжению рода. И, сравнивая нас и различных животных, можно с некоторой долей удивления обнаружить, что разнообразие супружеского поведения животных очень похоже, особенно в современном мире, на соответствующие отношения людей. Как и в нашей жизни, есть животные, птицы, которые создают пару на всю жизнь; есть ежегодно и даже чаще меняющие партнеров; есть пары, которые совместно растят своих детенышей, а есть матери-одиночки, которые защищают малышей даже от своих родных отцов, а есть отцы-одиночки. Самое, пожалуй, поразительное, что есть представители, для которых рождение потомства сопровождается их гибелью, но они с упорством стремятся к этому. Потому что потомство – продолжение жизни. Термин «семья» употребляется во многих нормативно-правовых актах, но нигде нет его дефиниции, что совершенно оправдано, поскольку это понятие зависит от множества факторов, в том числе обычаев и традиций, сложившихся обстоятельств. Но, как представляется, ключевое значение семьи определено в ст. 38 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ), где сказано: «Материнство и детство, семья находятся под защитой государства» [1]. Анализируя особенности современных семейных отношений, И.В. Летова пишет: «главное предназначение семьи состоит в рождении и воспитании детей, поэтому обновленные конституционные положения направлены на установление дополнительных мер, обеспечивающих защиту института брака, материнства, отцовства и детства» [8, с. 147].

Семья – это очень сложное образование и, как уже отмечалось, не имеющее четкой дефиниции. В самом общем виде можно определить семью как неразрывную совокупность множества личных неимущественных и имущественных правоотношений. Имущественные правоотношения являются своего рода фундаментом для нормальных личных отношений. Разумеется, не следует понимать это так, что чем лучше материальное благосостояние семьи, тем надежнее в ней любовь, забота, взаимопонимание и внимание между членами семьи. Но все-таки некоторая зависимость есть, и слова В.В. Маяковского: «любовная лодка разбилась о быт…», – не утрачивают своей актуальности. Семья должна

где-то жить, обеспечивать членов семьи одеждой, обувью, питанием. А выполнение основных родительских обязанностей, предусмотренных ст. 63 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) [2], однозначно предполагает серьезное имущественное и финансовое обеспечение. Дети и забота о них являются главным, при этом закон практически не содержит реальных гарантий имущественного благополучия детей. Единственной такой законной гарантией является право на получение алиментов. Но и эта гарантия часто очень иллюзорна, если учесть сколько в стране злостных неплательщиков алиментов, да и сам размер алиментных платежей и порядок их взыскания не обеспечивают реальных потребностей. В современных условиях, к сожалению, очень легко можно изменить уровень своих доходов. Хотя даже значительные суммы алиментных платежей не гарантируют, что они будут потрачены именно на ребенка. Распорядителем денежных средств выступает тот родитель, с которым проживает ребенок. Этот вопрос уже неоднократно был объектом внимания в теории и судебной практике, но пока нет реального его решения. Когда расторгается брак, дети становятся буквально «потерпевшими», поскольку развод родителей, да еще далеко не мирный, можно приравнять к правонарушению, направленному против детей, как бы странно это ни показалось. При расторжении брака значительно чаще разрешаются имущественные проблемы и намного реже вопросы, касающиеся воспитания детей и места их проживания. И тут мы обнаруживаем, что закон практически не защищает имущественные интересы детей, поскольку в соответствии со ст. 39 СК РФ [2] доли супругов признаются равными, и отступление от равенства в общем имуществе возможно «в интересах несовершеннолетних детей». Данное положение представляется более чем странным, а судебная практика удивляет еще больше.

Так, в решении Никулинского районного суда г. Москвы указано: «доводы ответчика о проживании общих несовершеннолетних детей с ней не являются основанием для отступления от равенства долей супругов в совместно нажитом имуществе» [13]. А в Определении Судебной коллегии Второго кассационного суда содержится еще и пояснение: «Наличие на содержании истца несовершеннолетних детей не является безусловным основанием для увеличения супружеской доли, поскольку содержание детей обеспечивается алиментными обязательствами» [12]. Относительно того, что алименты обеспечивают надлежащее содержание детей, сомнения уже были высказаны.

Вероятно, проблема в том, что термин «интересы детей» является сложной оценочной категорией. Исследуя понятие «интересы детей», А.С. Калашникова пишет: «понятие это остается во многом неопределенным и размытым, что создает трудности при его практическом применении судами, органами опеки и попечительства и

иными должностными лицами, призванными защищать права и интересы детей. Отсутствие четкого определения и содержания этого понятия приводит к произвольному толкованию и субъективному применению норм семейного законодательства, что неблагоприятно влияет на эффективность правовой защиты интересов несовершеннолетних граждан, в том числе по делам по семейным спорам» [7, с. 86–87]. Трудно в полной мере согласиться с данным утверждением. Любое оценочное понятие дает большие возможности для его применения, а попытка ограничить превращает его, скорее, в «прокрустово ложе». Тем более что Верховный Суд Российской Федерации как раз дал перечень возможных вариантов, когда можно считать заслуживающими внимания интересы детей. Но, как следует из определения Судебной коллегии Второго кассационного суда, этот перечень рассматривается как исчерпывающий, поскольку, ссылаясь на соответствующее постановление Пленума Верховного Суда РФ, в определении указывается, что «приведенные истцом основания, свидетельствующие о необходимости отступления от равенства долей супругов, не являются такими основаниями» [11]. Представляется, что по таким делам надо использовать максимально право суда на судейское усмотрение.

Есть еще одна процессуальная проблема при решении вопроса об отступлении от равенства долей при разделе имущества в интересах детей. В Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ указано, что «вопрос о том, каким образом будут соблюдены интересы детей, ради которых и должно произойти данное отступление, не исследован» [10]. Это очень важный момент, но, представляется, что решить его исключительно процессуальными средствами невозможно. В суде сторона может обосновать, почему изменение долей при разделе имущества необходимо для детей, но главным является то, будет ли это реализовано. Можно получить большую долю в интересах детей, но это не будет реализовано, и дети ничего не получат от увеличения доли.

Вот с этого момента следует начать размышления о переходе от супружеской к семейной собственности.

Само понятие «семейная собственность» практически исчезло вместе с кардинальным изменением общественного строя в начале прошлого века. Была предпринята заведомо обреченная на провал попытка отучить людей от понятия не только частной, но и семейной, и личной собственности. На долю семейной собственности, если так можно выразиться, оставались семейные фотографии, документы, какие-то реликвии, а собственность в семье стала исключительно супружеской. Необходимая цель уравнивания прав женщины и мужчины была достигнута, но в борьбе за равноправие даже сами женщины забыли об имущественных интересах детей, и эта проблема до сих пор не стала основной в семейном праве.

Адвокат А. Добровинский, основываясь на своей практике по семейным спорам, написал исследование имущественных отношений в семье [4], но фактически эта интересная и значимая книга посвящена имущественным отношениям и спорам относительно ответственности супругов по сделкам и разделу особых объектов собственности, таких как бизнес-активы, акции, доли и «бенефициарная собственность». Ни одного слова или намека на имущественные права детей. Но ведь, как уже отмечалось в прежних публикациях, «часто материальное благополучие семьи достигается в ущерб прочим ее ценностям. Ребенок растет, не получая необходимого родительского внимания» [9, с. 43]. А нередко подростки активно помогают своим родителям, но при этом ничего не становится их собственностью.

Даже во времена безграничной родительской власти выделялись определенные средства на приданое дочерям, и предполагалось, как будет поделено имущество между сыновьями. И в самой бедной семье собиралось приданое, которое с раннего возраста девочка начинала готовить.

Совершенно особый порядок существовал в царской семье, где как раз было понятие «собственность семьи». Сразу при рождении сына ему выделялись значительная недвижимость и денежные средства, дочери – приданое. Читая про то, с каким приданым царские дочери покидали свою родину [1], изумляешься богатствам России, а также тому, что деньги, выделенные на приданое, оставались в России, увозили только драгоценности, ткани, посуду, мебель и прочее.

Разумеется, во многих современных семьях также обеспечивают и дочерей, и сыновей в соответствии с материальными возможностями семьи, но там, где все хорошо, не требуется право, а вот когда неблагополучие, развод – нужна правовая защита. И гораздо лучше, если это будет решено изначально, без учета возможных конфликтов и судебных споров.

Нередко родители проявляют заботу о детях и передают им в собственность объекты недвижимости, лишь когда появляется опасность привлечения к уголовной ответственности или чтобы с меньшими потерями выйти из процедуры банкротства. Тогда как, казалось бы, забота об имуществе детей должна быть в приоритете. И это не только предметы личного пользования. Решая вопрос о том, чтобы в семье появились дети, надо сразу определять, что выделить в собственность ребенку, как принято говорить в народе, «на первый зубок». Сегодня имущественное положение любой семьи значительно лучше, начиная с того, что подавляющее число граждан имеют в собственности жилое помещение, а чаще и несколько. В настоящее время в регулировании семейных отношений отчетливо просматривается развитие договорного регулирования, поэтому первым шагом к закреплению семейной собственности должно стать внедрение договоров о предоставлении

собственности детям. Этот договорный режим будет направлен на урегулирование правовых вопросов относительно имеющейся собственности и того, что потом появится в семье. Государство предпринимает беспрецедентные усилия по решению проблемы демографии. По сути, государство как бы поздравляет родителей с рождением каждого ребенка путем выделения так называемого «материнского капитала», размер которого постоянно повышается. Так что, государство больше радо рождению ребенка, чем его собственные родители? Может быть, и родители выделят сразу средства или какое-то имущество в собственность ребенка? Естественно, размер зависит от благосостояния семьи, но это должна быть определенная часть от имущества родителей.

Еще одна проблема касается личной собственности супругов, которая вообще не подлежит разделу. Средства массовой информации регулярно «развлекают» нас историями о том, как богатые и успешные мужчины легко меняют семьи, оставляют бывших жен, нередко многодетных матерей, при этом выясняется, что особняки, квартиры являются личной собственностью бывшего мужа или даже его родителей, соответственно, женщина с детьми вынуждена покинуть место жительства, хорошо, если у нее тоже было свое жилье до переезда в «замок». Но как должны чувствовать себя дети, ведь они привыкли к определенному уровню комфорта и достатка, а вдруг оказываются в совершенно других условиях: прощай, просторное жилье, дорогая элитная школа, отдых на курорте и прочее. Как объяснить ребенку такое резкое изменение, да еще и то, что такие отцы забывают про детей и не стремятся к общению с ними. Поэтому и возникает мысль: решили заводить детей, обеспечьте их сразу при рождении частью своей личной собственности и решите, как будет распределена общая семейная собственность. Ведь по действующему законодательству все приобретенное в браке – совместная собственность супругов, а чтобы дети получили что-то, суд должен найти тот самый «интерес ребенка», хотя он, как представляется, совершенно очевиден. Нередко бывают и другие ситуации, но также не в пользу детей. При расторжении брака делят поровну между супругами жилой дом, который был приобретен на деньги родителей жены, с нею и остаются дети после расторжения брака, но получается, что им уже в этом доме ничего не принадлежит. Интересы детей должны быть главными в разрешении имущественных споров бывших супругов точно так же, как они учитываются при решении других важных, но неимущественных проблем. Помимо всего прочего, есть надежда, что правило «семейной собственности» будет способствовать более взвешенному подходу к созданию семьи и особенно к ее разрушению.

Интересы детей должны учитываться не только в ситуации кровного родства, должен быть изменен подход и к проблеме усыновленных детей.

Общее правило требует, чтобы усыновители имели необходимое жилое помещение и постоянный источник дохода. Но в случае усыновления пасынка или падчерицы эти требования не действуют. О.В. Жукова обратила внимание на необходимость защиты именно таких усыновленных детей. Легко решив вопрос об усыновлении ребенка своей жены, можно так же легко расторгнуть этот брак и прекратились общение как с бывшей женой, так и с усыновленным ребенком. «В дальнейшем усыновитель обращается в суд с исковым заявлением об отмене усыновления, обосновывая свое требование тем, что не желает принимать участие в жизни ребенка и нести за него ответственность, поскольку не имеет привязанности как отца к ребенку. При этом суд, удовлетворяя такие требования, указывает, что это решение принимается прежде всего в интересах ребенка» [6, с. 70]. Отмена усыновления возможна и в других случаях, но невольно возникает вопрос, в чем же интересы ребенка, если у него были хоть такой отец или родители, а потом он их лишился и не может понять почему. Это может создать серьезную психологическую травму ребенку, гораздо большую, чем если бы такой отец-усыновитель просто перестал общаться. Родные отцы и даже матери могут не интересоваться жизнью ребенка, оставленного у другого родителя, но ребенок знает, что такой родитель есть. И, конечно очень немаловажный момент связан с алиментными обязательствами и возможным, пусть в очень отдаленной перспективе, наследством. Если будут введены правила семейной собственности, то они должны в полной мере распространяться и на усыновление. Подарок ребенку должен быть в первую очередь не от государства, а от родителей и усыновителей.

Интересы детей должны быть в приоритете не только при разделе имущества, но и в других ситуациях. Очень интересную проблему, связанную с конфискацией транспортных средств, исследовала Ю.А. Дронова. Управление транспортным средством в состоянии опьянения, бесспорно, представляет серьезную общественную опасность, конфискация – возможное реальное средство как-то повлиять на поведение такого водителя, но проблема состоит в том, что чаще всего этот автомобиль является совместной собственностью супругов, следовательно, получается, что наказаны определенным образом оба супруга. Следует полностью согласиться с позицией Ю.А. Дроновой: «Будучи рядовым гражданином и понимая определенную безысходность ситуации с количеством фактов управления транспортными средствами в состоянии опьянения и тщетность попыток законодателя бороться с ними в чистом виде инструментарием административных и уголовных наказаний, хочется сказать: “Может, хоть конфискация автомобилей остановит эту вакханалию среди наших граждан!”. И в этом порыве, казалось бы, можно забыть об интересах супруга-сособственника. Однако понимание принципов, на которых базируется юридическая ответственность, в совокупности с основами конституционного,

гражданско-правового и семейно-правового регулирования вопросов права собственности препятствует подобной идеализации публичного интереса в решении данного вопроса» [5, с. 66].

В контексте данного исследования важно отметить необходимость защиты интересов детей. Сегодня машина действительно уже не предмет роскоши, если, конечно, это не коллекционный вариант, а «рабочая лошадь». Ее наличие позволяет решать многие вопросы воспитания и обучения детей. Спецшкола расположена далеко от места проживания, а еще спортивная секция, танцы, рисование и так далее, но везде надо успеть, родители часто колесят со своим ребенком по городу и рано утром, и днем, и вечером. Конфискация единственной машины в семье очень осложняет все названное относительно воспитания и развития ребенка. Кроме того, конфискация – это серьезные финансовые потери, на новую машину не будет средств, а как меру «семейного воздействия» можно было бы использовать продажу автомобиля, который так манит сесть за руль нетрезвого супруга. В этом случае в семейном бюджете была бы сохранена значительная часть средств.

Интересы детей должны быть в приоритете всегда и во всем. А поскольку материальное является основой, то дети должны быть полноправными сособственниками имущества их родителей и усыновителей.

Понимая, что провозгласить семейную собственность вместо супружеской легче, чем добиться ее законодательного закрепления, не будем терять надежды. Многие нормы, которые еще совсем недавно казались почти фантастическими, благополучно приняты и действуют. А любая дискуссия рано или поздно приведет к истине.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г. // СПС «КонсультантПлюс».

2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024 г., с изм. от 30.10.2025 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Данилова А. Пять принцесс. Дочери императора Павла I. Биографические хроники. Изд. 3-е, доп. М.: Изографус, Эксмо-пресс, 2002. 464 с.: илл.

4. Добровинский А.А. Проблемы имущественных отношений в семейном праве Российской Федерации: теория, практика и реформа законодательства. М.: Эксмо, 2020. 208 с.

5. Дронова Ю.А. Конфискация имущества как мера уголовно-правового характера в отношении транспортных средств, находящихся в совместной собственности супругов: социально-политическая целесообразность vs ответственность без вины // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 1 (85). С. 62–67.

6. Жукова О.В. Обеспечение приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних при отмене усыновления // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 1 (85). С. 68–78.

7. Калашникова А.С. Трансформация понятия «интересы ребенка»: правовой и психологический аспект // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 1 (85). С. 86–94.

8. Летова И.В. Семейные отношения в условиях современности: состояние и перспективы // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 1 (85). С. 145–152.

9. Туманова Л.В. Некоторые аспекты извечной проблемы «отцы и дети» // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 4 (80). С. 41–53.

10. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 02.12.2025 г. № 56-КГ 25-2-К9 // СПС «Гарант».

11. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 26.08.2025 г. по делу № 8Г-22881/2025[88-21128/2025] // СПС «Гарант».

12. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 11.09.2025 г. по делу № 8Г-23555/2025[88- 21456/2025] // СПС «Гарант».

13. Решение Никулинского районного суда города Москвы от 26.08.2025 г. по делу № 02-8569/2025 // СПС «Гарант».

Об авторе:

ТУМАНОВА Лидия Владимировна – Заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 8705-4643, AuthorID: 648735, e-mail: gpipd@tversu.ru

Children's interests as a factor in the transition from marital to family property

L.V. Tumanova

Tver State University, Tver

The article raises the issue of children's property interests for discussion. In the past, family and even clan ownership was recognized, but then, in the noble effort to protect women's property rights, a system of joint marital property was introduced. When dividing property, the spouses' shares are recognized as equal. The law makes a rather unusual reference to children's property rights, stating that a deviation from equal shares may be allowed in the interests of minor children. And the seemingly crucial fact that children most often remain with one parent does not, according to judicial practice, in itself mean that the share of that former spouse should be increased, since child support is provided through alimony payments. The issue of children's property rights becomes even more distressing when it becomes clear that all primary property, including residential premises, is the personal property of the spouse, which they have no intention of sharing. The state allocates significant funds to families upon the birth of each child. Perhaps it's time for parents, from the

moment their own child is born, to allocate some kind of gift from their joint and personal property to provide for their child financially. Family is a complex phenomenon, both in its composition and in the customs and traditions it espouses, but its core is the bond between parents and children. Children's interests, as a value concept, are interpreted individually by each parent, and even the court exercises its own discretion. Perhaps, then, children's property interests should be enshrined in law, not just through alimony obligations. This would shift from marital to family property, which would also impact many other legal relationships, such as adoption or the confiscation of vehicles, when one family member is at fault, but everyone, including the children, is punished. This article encourages discussion and, ultimately, a revision of several family law provisions.

Keywords: *family, children's interests, joint property of spouses, property division, deviation from equal shares.*

About author:

TUMANOVA Lidia – Honored Lawyer of the Russian Federation, the doctor of the Legal Sciences, Professor, professor of the department of judiciary and Law Enforcement Affairs of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova st., 33), SPIN-code: 8705-4643, AuthorID: 648735; e-mail: gpipd@tversu.ru

Туманова Л.В. Интересы детей как фактор перехода от супружеской к семейной собственности // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 2 (86). С. 26–35.

Статья поступила в редакцию 10.05.2026 г.

Подписана в печать 10.06.2026 г.

Актуальные вопросы публичного права

УДК 349.3:364
DOI: 10.26456/vtpravo/2026.2.036

К проблеме унификации понятийного аппарата в праве социального обеспечения

А.В. Афтахова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Статья посвящена анализу проблемы необходимости унификации понятийного аппарата, используемого в сфере социальной защиты населения в Российской Федерации. Автор изучает отдельные меры социальной поддержки, предусмотренные действующим законодательством, анализируя их в контексте соотношения с другими мерами, которые предлагается именовать мерами социальной помощи. Отмечаются противоречия в нормативно-правовой регламентации, которые обусловливают сложности в толковании законодательных предписаний и в правоприменительной практике. Предлагается скорректировать действующее законодательство в части устранения двойственности и противоречий, связанных с некорректным использованием терминологии в сфере социального обеспечения.

Ключевые слова: *социальная защита, социальная поддержка, социальная помощь, социальное обслуживание, социальная услуга, социальное обеспечение.*

Законодательство, регламентирующее правоотношения в сфере социального обеспечения, отличается бессистемностью, разрозненностью и отсутствием единого понятийного аппарата. Это проявляется как в отсутствии в целом единого представления об институциональном делении отрасли права социального обеспечения, так и в отсутствии единообразного подхода в сфере терминологии, использующейся при классификации мер социальной защиты. Результатом недостаточной проработанности нормативно-правового регулирования выступает отсутствие единой научно разработанной концепции в сфере терминологии социально-обеспечительных понятий, а также единообразного подхода в их использовании, что проявляется в бессистемности и даже некоторой хаотичности их приминения в нормативно-правовых актах федерального и регионального уровней.

Например, в разных нормативных актах федерального и регионального уровней определенные выплаты могут именоваться как меры социальной помощи, меры социальной поддержки, дополнительные меры или компенсационные выплаты. Отсутствие единого комплексного подхода, который позволил бы четко выделить институты права социального обеспечения и создал основу для формулирования единого терминологического аппарата, создает

© Афтахова А.В., 2026

дискуссии среди представителей юридической науки и правоприменителей, однако общего мнения по данному вопросу на данный момент не выработано. Автором настоящей статьи предложен вариант унификации терминологического аппарата в сфере права социального обеспечения, который базируется на том, что социальная защита в Российской Федерации осуществляется в следующих формах:

1. Социальная поддержка. К мерам социальной поддержки следует отнести пособия, льготы, субсидии, компенсационные выплаты и подобные меры, которые направлены на улучшение уровня и качества жизни отдельных категорий граждан. При этом в данном случае получателями мер социальной поддержки могут быть не только граждане нуждающиеся, малоимущие, многодетные и т. п., но и граждане, имеющие особые заслуги перед Российской Федерацией (граждане, награжденные орденами, медалями, имеющие почетные звания, иные достижения, ветераны и другие подобные категории). Важным отличием мер социальной поддержки является то, что данные средства не являются основным источником средств к существованию, а предназначены для частичной компенсации понесенных расходов или для сокращения расходов, улучшения материального положения граждан за счет дополнительных выплат или экономии за счет льгот и субсидий. Отметим, что при предоставлении в собственность бесплатно военнослужащим, лицам, заключившим контракт о пребывании в добровольческом формировании, и другим категориям граждан земельных участков, данная мера также именуется мерой социальной поддержки [6].

2. Социальная помощь. К социальной помощи, как представляется, целесообразно отнести такие меры материального обеспечения, как пенсии, пособие по временной нетрудоспособности, пособие по беременности и родам, пособие в связи с несчастным случаем на производстве или профессиональным заболеванием и другие выплаты, которые выступают основным источником средств к существованию и предназначены для полной или частичной компенсации заработка, иных выплат и вознаграждений, утраченных в связи с наступлением социально значимых обстоятельств, таких как достижение пенсионного возраста, инвалидность, болезнь, утрата кормильца, беременность и роды и т. п.). Таким образом, существенным отличием социальной помощи от социальной поддержки выступает цель предоставления соответствующих мер – компенсация утраченного заработка, замещение утраченного заработка выплатами социального характера, которые предоставляет государство для поддержания уровня и качества жизни отдельных граждан в связи с невозможностью осуществления ими трудовой деятельности.

3. Обязательное социальное страхование, которое согласно действующему законодательству представлено несколькими видами:

– обязательное пенсионное страхование – система создаваемых государством правовых, экономических и организационных мер, направленных на компенсацию гражданам заработка (выплат, вознаграждений в пользу застрахованного лица), получаемого ими до установления обязательного страхового обеспечения [4];

– обязательное социальное страхование на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством – система создаваемых государством правовых, экономических и организационных мер, направленных на компенсацию гражданам утраченного заработка (выплат, вознаграждений) или дополнительных расходов в связи с наступлением страхового случая по обязательному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством [3];

– обязательное медицинское страхование - вид обязательного социального страхования, представляющий собой систему создаваемых государством правовых, экономических и организационных мер, направленных на обеспечение при наступлении страхового случая гарантий бесплатного оказания застрахованному лицу медицинской помощи за счет средств обязательного медицинского страхования в пределах территориальной программы обязательного медицинского страхования в рамках базовой программы обязательного медицинского страхования [2];

– обязательное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний. В соответствии с ч. 1 ст. 1 ФЗ от 24.07.1998 г. № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний является видом социального страхования и предусматривает:

1) обеспечение социальной защиты застрахованных и экономической заинтересованности субъектов страхования в снижении профессионального риска;

2) возмещение вреда, причиненного жизни и здоровью застрахованного при исполнении им обязанностей по трудовому договору и в иных установленных настоящим Федеральным законом случаях, путем предоставления застрахованному в полном объеме всех необходимых видов обеспечения по страхованию, включая оплату расходов на медицинскую, социальную и профессиональную реабилитацию;

3) обеспечение предупредительных мер по сокращению производственного травматизма и профессиональных заболеваний [6].

Таким образом, только в двух из приведенных определений видов социального страхования содержится указание на то, что данные виды относятся к обязательному социальному страхованию, что уже на уровне

понятийного аппарата создает неопределенность в толковании соотношения данных видов. Видится целесообразным внесение изменений в ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании», а также в ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» с обязательным указанием на то, что данный вид страхования является видом обязательного социального страхования. Определение, приведенное в ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний», необходимо дополнить словом «обязательного», поскольку в настоящий момент в нем указывается, что данный вид страхования является видом «социального страхования», что не соответствует даже названию нормативного акта.

4. Социальное обслуживание – деятельность по предоставлению социальных услуг гражданам [1]. Это отдельное направление (форма социальной защиты населения), поэтому терминологический аппарат, используемый в данном направлении, «пересекается» с другими формами социальной защиты лишь отчасти, в частности при регламентации вопросов, связанных с определением потребности конкретного человека в мерах социальной защиты.

5. Социальная самопомощь – совокупность социальных и социально-психологических средств, используемых отдельным индивидом или определенной социальной группой для поддержания достойных условий своего существования по оптимизации и организации совместной жизнедеятельности и собственной социальной активности. Данное направление (форма) социальной защиты населения не имеет законодательного закрепления, однако получает все большее распространение на практике.

К социальной самопомощи можно отнести деятельность общественных и благотворительных организаций, волонтерство, а также так называемые «группы помощи», которые формируются как в очном формате, так и в социальных сетях, и направлены на создание сообщества единомышленников с целью обмена опытом, взаимной поддержки, помощи, обмена вещами и т. п. Полагаем целесообразным разработать нормативно-правовую основу для данной формы социальной защиты населения, поскольку зачастую при отсутствии законодательного регулирования и надлежащей регламентации данная деятельность приобретает «стихийный» характер и сложно поддается контролю со стороны органов, уполномоченных на осуществление данной деятельности на государственном уровне. Кроме того, надлежащее правовое регулирование обеспечит координацию деятельности и создаст основу для эффективного взаимодействия уполномоченных органов, общественных организаций и граждан в решении вопросов социальной защиты населения.

Как уже неоднократно подчеркивалось ранее, среди теоретиков отсутствует единое представление о системе социальной защиты населения в Российской Федерации с учетом многообразия субъектного состава соответствующих правоотношений, а также исходя из разнообразия видов социального обеспечения. Именно поэтому практически каждым ученым-правоведом, исследующим вопросы права социального обеспечения, разработана своя, авторская позиция по рассматриваемому вопросу.

Если обратиться к приведенной автором выше классификации форм социальной защиты, то можно отметить, что основные трудности возникают именно в систематизации социальных благ материального характера, которые предоставляются в денежной форме. Меры нематериального характера, которые предоставляются в виде социальных услуг, нашли свою систематизацию в Федеральном законе от 28.12.2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» [1] (далее – «ФЗ «О социальном обслуживании»»), однако до настоящего времени не разрешен ряд вопросов, связанных с определенным дублированием нематериальных социальных мер в части их регламентации и предоставления. Так, в ст. 3 ФЗ «О социальном обслуживании» закреплены основные понятия, среди которых следует обратить внимание на следующие:

– социальное обслуживание граждан – деятельность по предоставлению социальных услуг гражданам;

– социальная услуга – действие или действия в сфере социального обслуживания по оказанию постоянной, периодической, разовой помощи, в том числе срочной помощи, гражданину в целях улучшения условий его жизнедеятельности и (или) расширения его возможностей самостоятельно обеспечивать свои основные жизненные потребности.

В то же время Федеральный закон от 17.07.1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» (далее – «ФЗ «О государственной социальной помощи»») в ст. 1 закрепляет определение «набора социальных услуг», который представляет собой перечень социальных услуг, предоставляемых отдельным категориям граждан в соответствии с данным Федеральным законом. В соответствии со ст. 6.2 того же Федерального закона в состав предоставляемого гражданам набора социальных услуг включаются следующие социальные услуги:

– обеспечение в соответствии со стандартами медицинской помощи необходимыми лекарственными препаратами для медицинского применения, медицинскими изделиями, а также специализированными продуктами лечебного питания для детей-инвалидов;

– предоставление при наличии медицинских показаний путевки на санаторно-курортное лечение;

– бесплатный проезд на пригородном железнодорожном транспорте, а также на междугородном транспорте к месту лечения и обратно [5].

При этом в Преамбуле данного Федерального закона закреплено, что он устанавливает правовые и организационные основы оказания государственной социальной помощи малоимущим семьям, малоимущим одиноко проживающим гражданам и иным категориям граждан, предусмотренным настоящим Федеральным законом, а также определяет порядок учета прав граждан на меры социальной защиты (поддержки), социальные услуги, предоставляемые в рамках социального обслуживания и государственной социальной помощи, иные социальные гарантии и выплаты, установленные законодательством Российской Федерации, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, муниципальными нормативными правовыми актами. Таким образом, Федеральный закон «О государственной социальной помощи» «разделяет» порядок предоставления социальных услуг в рамках оказания социальной помощи и в рамках предоставления социального обслуживания, что отчасти является верным, однако в очередной раз демонстрирует смешение понятий «оказание социальных услуг». Граждане и правоприменители должны ориентироваться в положениях действующего законодательства и различать разные виды социальных услуг с точки зрения их правовой регламентации, что не является верным, исходя из того, что положения законодательства о социальном обеспечении предназначены, прежде всего, для граждан и должны быть достаточно понятны для каждого человека.

Исходя из вышеизложенного и учитывая, что правовая природа, а также категории получателей набора социальных услуг в соответствии с ФЗ «О государственной социальной помощи» отличаются от социальных услуг, предусмотренных ФЗ «О социальном обслуживании», следует более четко разграничить данные понятия, изменив терминологию. Дополнительным фактором, свидетельствующим о подобной необходимости, выступает возможность отказа от набора социальных услуг (так называемая «монетизация льгот»), что невозможно в отношении социальных услуг, предоставляемых в рамках социального обслуживания. Полагаем целесообразным изменить конструкцию «набор социальных услуг» на иную, которая не будет смешиваться с социальными услугами в соответствии с законодательством о социальном обслуживании, например, обозначив рассматриваемый набор как «социальный пакет» или «социальный набор услуг».

Среди приведенной классификации форм социальной защиты населения, предложенных автором, следует отдельно остановиться на мерах социальной поддержки и социальной помощи как самостоятельных и обособленных формах, поскольку даже законодатель не всегда корректно использует данные понятия. До настоящего времени в законодательстве отсутствует четкое разграничение данных терминов, что приводит к терминологическому коллапсу, который ретранслируется

в региональное законодательство и в нормативные акты органов местного самоуправления. В результате некорректное использование рассматриваемых терминов приводит к некорректной классификации самих мер социального характера, противоречиям в нормативно-правовом регулировании и, как результат, к отсутствию систематизации в сфере социальных выплат.

Начать обоснование разделения применения указанных терминов представляется возможным с определений, которые приведены в Большой российской энциклопедии. Так, социальная поддержка определяется как «система мер, направленная на обеспечение социальных гарантий индивидам и группам лиц, устанавливаемая законами и иными нормативно-правовыми актами. Наряду с социальным обеспечением и социальной помощью социальная поддержка является организационно-правовой формой осуществления социальной защиты и заключается в сохранении, подкреплении, усилении жизнеспособности конкретного человека, столкнувшегося с социальными проблемами, за счет предоставления ему публичными им частными органами и организациями денежных выплат, материальных льгот и компенсаций, услуг по жизнеобеспечению и морально-психологической поддержки» [9]. С представленным определением можно в целом согласиться, сделав важную оговорку: предоставление социальных услуг не входит в комплекс мер социальной поддержки, поскольку последние регулируются отдельным Федеральным законом «О социальном обслуживании населения в Российской Федерации».

Обращает на себя внимание отсутствие законодательного закрепления термина «социальная поддержка», несмотря на то, что целый ряд федеральных нормативных актов данный термин использует. С 2014 г. действует Государственная программа Российской Федерации «Социальная поддержка граждан» [8], которая, по сути, аккумулирует меры социальной поддержки, выделяя данное направление как отдельную форму социальной защиты граждан государства.

Так, можно отметить следующие направления социальной поддержки, упоминаемые в программе:

– федеральные и региональные социальные доплаты к пенсиям неработающим пенсионерам;

– программы федерального и регионального материнского (семейного) капитала;

– социальное обслуживание в стационарной, полустационарной форме и на дому;

– отдельные выплаты семьям с детьми (единовременные и ежемесячные);

– создание системы долговременного ухода, которая связана с системами социального обслуживания и обязательного медицинского страхования);

– социальный контракт.

Анализируя приведенный перечень, полагаем целесообразным сделать корректировку, связанную с тем, что социальное обслуживание населения не может являться формой социальной поддержки граждан, поскольку регулируется отдельным федеральным законом и представляет собой относительно обособленную систему предоставления социальных услуг гражданам. Однако в целом следует согласиться с приведенным перечнем мер социальной поддержки, поскольку все они направлены именно на улучшение жизни людей в различных жизненных обстоятельствах. Вместе с тем, по мнению автора, в данный перечень необходимо включить компенсационные выплаты, некоторые виды пособий (например, пособие на погребение), субсидии и льготы, которые по своей сути также являются поддерживающими мерами, направленными на обеспечение благополучия отдельных категорий граждан.

Термин «социальная поддержка» встречается также в Федеральном законе от 24.11.1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (далее – ФЗ «О социальной защите инвалидов»). При этом сложности в использовании терминологического аппарата встречаются уже в Преамбуле данного нормативного акта. Так, в абз. 2 Преамбулы ФЗ «О социальной защите инвалидов» указано, что «предусмотренные настоящим Федеральным законом меры социальной защиты инвалидов являются расходными обязательствами Российской Федерации, за исключением мер социальной поддержки и социального обслуживания, относящихся к полномочиям государственной власти субъектов Российской Федерации в соответствии с законодательством Российской Федерации». Таким образом, законодатель разделяет понятия «социальная защита», «социальная поддержка» и «социальное обслуживание».

В ст. 2 рассматриваемого Федерального закона приведено определение социальной защиты инвалидов – система гарантированных государством экономических, правовых мер и мер социальной поддержки, обеспечивающих инвалидам условия для преодоления, замещения (компенсации) ограничений жизнедеятельности и направленных на создание им равных с другими гражданами возможностей участия в жизни общества. Исходя из буквального толкования данного определения, можно сделать вывод, что социальная поддержка рассматривается как один из элементов социальной защиты; можно даже сказать, что меры социальной поддержки – это средство достижения цели обеспечения социальной защиты инвалидов. Согласно той же статье социальная поддержка инвалидов – система мер, обеспечивающая социальные гарантии инвалидам, устанавливаемая законами и иными нормативными правовыми актами, за исключением пенсионного обеспечения. Таким образом, здесь законодатель четко

отграничивает правоотношения по пенсионному обеспечению, исключая их из мер социальной поддержки, что видится абсолютно справедливым и закономерным. Однако несмотря на четко сформулированные определения понятий «социальная защита инвалидов» и «социальная поддержка инвалидов», далее по тексту нормативного акта наблюдается некоторое смешение указанных понятий.

Статья 5 рассматриваемого Федерального закона именуется «Участие органов государственной власти субъектов Российской Федерации в обеспечении социальной защиты и социальной поддержки инвалидов» и содержит перечисление прав органов государственной власти субъектов РФ в рассматриваемых сферах. При этом термины «социальная защита» и «социальная поддержка» разделены союзом «и», однако по тексту нормативного акта содержательного разграничения данных понятий не прослеживается.

Более того, в абз. 2 ст. 5.1. рассматриваемого Федерального закона закреплено следующее положение: «Учет сведений об инвалидах, в том числе о детях-инвалидах, включая сведения о группе инвалидности, об ограничениях жизнедеятельности, о нарушенных функциях организма и степени утраты профессиональной трудоспособности инвалида, назначенных и проводимых реабилитационных или абилитационных мероприятиях, производимых инвалиду денежных выплатах и об иных мерах социальной защиты (поддержки), осуществляется в государственной информационной системе "Единая централизованная цифровая платформа в социальной сфере"». Таким образом, в приведенном положении данные термины синонимизированы, что, безусловно, создает сложности не только в понимании соотношения данных форм, но и затрудняет их систематизацию и грамотное применение.

Статья 17 ФЗ «О социальной защите инвалидов» содержит перечень гарантий по обеспечению инвалидов жильем, среди которых предусмотрены «меры социальной поддержки по оплате коммунальных услуг», ст. 28.2 того же нормативного акта закрепляет «меры социальной поддержки по оплате жилого помещения и коммунальных услуг, а также по обеспечению жильем инвалидов и семей, имеющих детей-инвалидов». Таким образом, мы можем уверенно предположить, что законодатель относит оплату коммунальных услуг к мерам социальной поддержки, что также дублируется в Федеральном законе от 17.07.1999 г. № 178-ФЗ «О социальной помощи в РФ».

Таким образом, на наш взгляд, социальная поддержка должна исходить из смысла слова «поддерживать» – предоставлять дополнительные средства, которые могут обеспечить улучшение уровня и качества жизни. При этом следует обратить внимание на то, что меры социальной поддержки предоставляются не только гражданам, которые находятся в трудной жизненной ситуации, или гражданам, имеющим

тяжелое материальное положение. Меры социальной поддержки, которые направлены на повышение качества жизни, могут предоставляться также гражданам, имеющим особые заслуги перед Российской Федерацией. Более того, на уровне конкретного субъекта РФ или муниципалитета могут устанавливаться дополнительные меры социальной поддержки для граждан, имеющих определенные достижения на региональном или муниципальном уровнях.

В этой связи в противоречие с вышеуказанными размышлениями вступает Федеральный закон от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ «О социальной помощи в РФ» [5], который, по своей сути, содержит перечисление мер социальной поддержки для отдельных категорий граждан. Прежде всего, в Преамбуле данного Федерального закона встречается указание на меры социальной защиты (поддержки), которые, по аналогии с положениями ФЗ «О социальной защите инвалидов в РФ», перечисляются как синонимы, что видится недопустимым.

Обращаясь к терминам и определениям, указанным в ФЗ «О государственной социальной помощи», следует обратить внимание на то, что законодателем четко сформулировано определение государственной социальной помощи – это предоставление малоимущим семьям, малоимущим одиноко проживающим гражданам, а также иным категориям граждан, указанным в настоящем Федеральном законе, социальных пособий, социальных доплат к пенсии, субсидий, социальных услуг и жизненно необходимых товаров. Таким образом, уже здесь наблюдается противоречие: в систему государственной социальной помощи включены элементы пенсионного обеспечения, а также предоставление социальных услуг и жизненно необходимых товаров. Что касается социальных пособий, поименованных в данном определении, то к ним данный Федеральный закон относит безвозмездное предоставление гражданам определенной денежной суммы за счет средств соответствующих бюджетов бюджетной системы Российской Федерации. Вместе с тем подробная характеристика видов таких пособий в рассматриваемом нормативном акте отсутствует, что создает очередную почву для теоретического осмысления видов пособий и их классификации, для того чтобы иметь основания классифицировать их как один из видов социальной помощи.

При обращении к теоретическим источникам мы видим, что социальная помощь определяется как одна из форм социальной защиты, заключающаяся в облегчении жизнедеятельности человека, оказавшегося в трудной жизненной ситуации, за счет предоставления ему публичными и частными организациями (в том числе государственными и муниципальными) различных выплат, а также жизненно необходимых товаров и услуг. Имплицитно (неявно) предполагается, что без посторонней социальной помощи человек самостоятельно с возникшей жизненной проблемой не справится и такая помощь играет решающую

роль в преодолении возникшей ситуации [10]. Данное положение соответствует предлагаемой автором классификации форм социальной защиты, поскольку толкует социальную помощь как необходимые средства, которые выступают важнейшим (или даже основным) источником средств к существованию гражданина. Поэтому говорить о том, что к социальной помощи можно отнести, например, набор социальных услуг, о котором говорилось ранее, не представляется возможным. Данный набор позволяет улучшить качество жизни отдельных категорий граждан, но без этих услуг человек может жить, имея средства к существованию.

Подводя итог проведенной классификации, можно сформулировать предложение о том, что законодательство в сфере социального обеспечения нуждается в существенном реформировании в части, связанной с проведением четкой классификации форм социальной защиты населения в Российской Федерации. Так, необходимо существенно скорректировать положения Федерального закона «О государственной социальной помощи», поскольку по своей сути данный нормативный акт регулирует меры социальной поддержки. В данный документ необходимо включить также и другие меры социальной поддержки, которые отмечаются в других федеральных нормативных актах, такие как отдельные виды пособий, компенсационные выплаты, материнский (семейный) капитал. При этом следует изменить название некоторых мер социальной поддержки, таких как «набор социальных услуг», с целью предотвращения смешения понятий из разных сфер социального обеспечения.

Список литературы

1. Федеральный закон от 28.12.2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» // СПС «Гарант».
2. Федеральный закон от 29.11.2010 г. № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» // СПС «Гарант».
3. Федеральный закон от 29.12.2006 г. № 255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» // СПС «Гарант».
4. Федеральный закон от 15.12.2001 г. № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» // СПС «Гарант».
5. Федеральный закон от 17.07.1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» // СПС «Гарант».
6. Федеральный закон от 24.07.1998 г. № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» // СПС «Гарант».
7. Распоряжение Президента РФ от 6.06.2023 г. № 174-рп «О дополнительных мерах социальной поддержки военнослужащих, лиц, заключивших контракт о пребывании в добровольческом формировании, содействующем выполнению задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации (войска национальной гвардии Российской Федерации),

лиц, проходящих службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации, и членов их семей» // СПС «Гарант».

8. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 г. № 296 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социальная поддержка граждан» // СПС «Гарант».

9. Социальная поддержка // Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: https://bigenc.ru/c/sotsial-naia-podderzhka-7ba36a (дата обращения: 24.04.2026).

10. Социальная помощь // Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: https://bigenc.ru/c/sotsial-naia-pomoshch-3a9ad3 (дата обращения: 24.04.2026).

Об авторе:

АФТАХОВА Александра Васильевна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры экологического права и правового обеспечения профессиональной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 5140-5804, AuthorID: 648735, e-mail: Aftakhova.AV@tversu.ru

On the problem of unifying the conceptual framework in social security law

A.V. Aftakhova

Tver State University, Tver

This article analyzes the need to standardize the conceptual framework used in the field of social protection in the Russian Federation. The author examines individual social support measures provided for by current legislation, analyzing them in the context of their relationship with other measures proposed to be referred to as social assistance measures. Contradictions in legal regulations are noted, which lead to difficulties in interpreting legislative provisions and in law enforcement. It is proposed to amend current legislation to eliminate ambiguities and contradictions associated with the inaccurate use of terminology in the field of social security.

Keywords: *social protection, social support, social assistance, social services, social service, social security.*

About author:

AFTAKHOVA Alexandra – PhD in philosophical sciences, associate professor department of environmental law and legal support of professional activities of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova street, 33), SPIN-code: 5140-5804, AuthorID: 648735, e-mail: Aftakhova.AV@tversu.ru

Афтахова А.В. К проблеме унификации понятийного аппарата в праве социального обеспечения // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 2 (86). С. 36–47.

Статья поступила в редакцию 10.05.2026 г.

Подписана в печать 10.06.2026 г.

УДК 343.83:35.082+614.29
DOI: 10.26456/vtpravo/2026.2.048

К вопросу определения категории годности к службе в уголовно-исполнительной системе

Л.Ю. Буданова[1], О.П. Александрова[2]

[1] ФКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний», г. Псков
[2] ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет», г. Псков

Целью исследования является рассмотрение правовых и организационных проблем определения категории годности к службе в уголовно-исполнительной системе при прохождении военно-врачебной комиссии с учетом современных тенденций. При проведении исследования основным применяемым методом являлся диалектический метод научного познания объективной действительности. Кроме того, методологическую основу исследования составил сравнительно-правовой метод, который позволил провести анализ нормативной правовой основы в рассматриваемой области правоохранительной деятельности. В качестве выводов авторами предложены изменения в действующее законодательство, направленные на повышение эффективности деятельности по определению категории годности к службе в уголовно-исполнительной системе.
Ключевые слова: *категория годности к службе, военно-врачебная комиссия, уголовно-исполнительная система.*

Отвечающее современным требованиям правовое обеспечение определения категории годности к службе в уголовно-исполнительной системе (далее – УИС) является одной из целей совершенствования эффективности формирования высокомотивированного и профессионального кадрового потенциала [12, с. 4].

По данным официальной статистики за 2023 г. кадровое обеспечение составило 304 859 единиц штатной численности персонала, при этом принято на службу в УИС – 35 841 человек (11,75 % от общего числа), уволено со службы – 40 221 человек (13,2 % от общего числа). Таким образом, в связи с наличием текучести кадров, совершенствование законодательства о прохождении службы в УИС целесообразно начать с этапа приема на службу граждан [8, с. 54].

Цель – исследование теоретических основ и организации обеспечения деятельности по определению категории годности к службе в УИС.

Для достижения указанной цели были поставлены и решены следующие задачи:

– определены основные понятия, относящиеся к деятельности по определению категории годности к службе в УИС;

© Буданова Л.Ю.,
Александрова О.П., 2026

– рассмотрено правовое обеспечение деятельности по определению категории годности к службе в УИС;

– исследованы теоретические аспекты организационного обеспечения деятельности по определению категории годности к службе в УИС;

– исследовано современное состояние деятельности по определению категории годности к службе в УИС, а также выработаны меры, направленные на повышение эффективности этой деятельности.

Вопросам правового и организационного обеспечения военно-врачебной экспертизы посвящены труды таких авторов, как А.М. Адаменко, Е.С. Брылякова, А.Э. Власов, А.В. Ганишев, И.А. Елфимова, Б.С. Ермиличев, И.И. Заболотных, А.П. Кабалин, Н.Н. Каменсков, Р.К. Кантемирова, Т.А. Кольцова, В.В. Корольков, Н.П. Потехин, Г.А. Саксонова, К.А. Саркисов, И.М. Старовойтова, Т.В. Шумейко и др.

Однако в большинстве рассматриваемых вопросов авторы затрагивают медицинские аспекты проведения военно-врачебной экспертизы, а вопросы организационно-правового обеспечения определения категории годности к службе в УИС не были предметом комплексного всестороннего исследования.

Военно-врачебная экспертиза (далее – ВВЭ) представляет собой особый раздел медицины, единый комплекс научно-методических, организационных и практических мероприятий, осуществляемых в целях комплектования и медицинского обеспечения правоохранительных органов, совершенствования медико-социальной помощи действующим сотрудникам и пенсионерам [4, с. 2].

Определение категории годности к службе является главной задачей военно-врачебной комиссии (далее – ВВК) [11, с. 254]. При этом ВВК должна руководствоваться рядом критериев, которые можно разделить на две большие группы: медицинские и социальные [7, с. 12–13].

Социальные же критерии представляют собой комплекс условий, в которых формировалась личность кандидата на службу в УИС [3, с. 96]. К ним можно отнести мотивацию к службе, а также психологические и социальные особенности личности [6, с. 14].

Таким образом, ВВЭ в настоящее время базируется на комплексной оценке медицинских критериев, однако требует адаптации к современным вызовам, включая цифровизацию и возможность привлечения на службу УИС участников специальных военных операций, получивших травмы, не позволяющие присвоить им даже четвертую категорию годности, а также увечья.

Основным нормативным актом, регламентирующим порядок определения категории годности к службе в УИС, является Приказ Федеральной службы исполнения наказаний от 22.12.2023 г. № 812 «Об утверждении Требований к состоянию здоровья граждан, поступающих на службу в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации,

сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, перечня дополнительных обязательных диагностических исследований, проводимых до начала медицинского освидетельствования, Порядка проведения контрольного обследования и повторного освидетельствования по результатам независимой военно-врачебной экспертизы, Порядка создания военно-врачебных комиссий в уголовно-исполнительной системе ...» (далее – Приказ 812) [1].

Приказ 812 принимался на основании Постановления Правительства Российской Федерации от 04.07.2013 г. № 565 (ред. от 17.04.2024 г.) «Об утверждении Положения о военно-врачебной экспертизе», устанавливающего общие положения и руководящие начала определения категорий годности для всех правоохранительных служб в России.

Приказ 812 выделяет всего четыре категории годности к службе в УИС. Однако помимо выявления наличия болезней и увечий, препятствующих службе в УИС, ВВК при определении категории годности должны учесть и вес кандидата на службу, а также возможность сдачи им нормативов по огневой и физической подготовке.

Пункт 10 Приказа 812 предусматривает возможность в отношении сотрудников, проходящих службу в УИС и направленных на ВВК для определения годности к дальнейшему продолжению службы, которым при медицинском освидетельствовании установлена категория годности к службе «В – ограниченно годен к службе в УИС», при положительном настрое на продолжение службы и мотивированном мнении уполномоченного руководителя учреждения или органа УИС о сохранении на службе, отраженном в служебной характеристике, после слов «В – ограниченно годен к службе в УИС» ВВК в порядке индивидуальной оценки выносить заключение о годности к службе в должностях, отнесенных к четвертой группе предназначения. Однако такая возможность в отношении лиц, принимаемых на службу в УИС, отсутствует в настоящее время в действующих нормативных актах.

Представляется целесообразным определить перечень должностей, для которых не будет применяться определение категории годности к службе, а лишь учитываться возможность осуществления трудовой деятельности по аналогии с сотрудниками органов Прокуратуры Российской Федерации, а также существенное снижение нормативов по огневой и физической подготовке для этих должностей. Например, к таким должностям можно отнести должности профессорско-преподавательского состава образовательных организаций Федеральной службы исполнения наказаний России (далее – ФСИН России), вспомогательных отделов и служб учреждений и органов УИС (финансово-экономические отделы/отделения, тыловые службы, кадровые подразделения), структурные отделения видеонаблюдения и др.

Так, на подведении итогов о деятельности ФСИН России Константин Чуйченко определил приоритетные направления на 2025 г., среди которых продолжение работы в области цифровой трансформации [5]. Для реализации этого направления развития потребуются специалисты в области информационных технологий, обладающие необходимыми навыками, но, возможно, не подходящие по состоянию здоровья под перечень категорий годности к службе в УИС, т. к. при определении категории годности к службе приоритет отдается оценке степени выраженности функциональных нарушений [10, с. 56–57].

Заметим, что в условиях проведения специальной военной операции (далее – СВО) получают увечья высококвалифицированные специалисты в области работы с такой техникой, как беспилотные летательные аппараты (дроны); навыки и умения таких лиц достигают высокого профессионального уровня, поэтому могут применяться, например, для патрулирования территории учреждений в системе видеонаблюдения, используемой на постах видеоконтроля учреждений. Однако их привлечение на службу в УИС, даже в качестве лиц профессорско-преподавательского состава, невозможно.

Представляется целесообразным для участников СВО, получивших тяжелое телесное повреждение, лишающее пострадавшего частично или полностью трудоспособности (увечье), также установить перечень должностей в Приказе 812, для которого не требуется определение категории годности к службе в ходе прохождения ВВК, а также для них следует ввести нормативы, которые позволят им выполнить их с учетом наличия установленных протезов и иных «заместителей» человеческих функций, помогающих с учетом современных медицинских технологий сохранить человеку мобильность и вести активный образ жизни.

Должности, условия и требования к ним, позволяющие принять на службу в УИС граждан без учета установления категории годности, а также участников СВО, целесообразно выделить отдельным дополнительным разделом, вносимым в Приказ 812, в котором следует установить порядок получения медицинского заключения о возможности осуществления трудовой деятельности отдельно для граждан, принимаемых на определенные должности тыловой службы и др., и отдельно для участников СВО, получивших увечья. Также следует установить порядок получения ими ходатайства начальника учреждения, утверждаемого территориальным органом, о возможности выполнения обязанностей лицом на этой должности по аналогии с п. 10 Приказа 812, а также пониженные нормативы по огневой и физической подготовке, необходимые к сдаче.

В настоящее время ВВК при оценке уровня физического развития освидетельствуемого использует Таблицу 1 (соотношение роста и массы тела в норме и при нарушениях питания) приложения к Требованиям к состоянию здоровья граждан, поступающих на службу УИС,

сотрудников УИС (Приложение № 1 к Приказу 812), при этом в целях ВВЭ при определении категории годности к службе в УИС целесообразно использовать классификацию степеней ожирения по индексу массы тела (ВОЗ, 1997), поскольку такая классификация является более гибкой и учитывает реалии текущего времени. Полагаем возможным внести соответствующие изменения в Приказ 812, в том числе, исключив вышеуказанную Таблицу 1.

Таким образом, в настоящее время в правовом регулировании определения категории годности к службе в УИС Приказ ФСИН № 812 не учитывает возможность принятия на службу лиц с ограниченной годностью (категория «В») на должности, не требующие физических нагрузок (например, IT-специалисты, преподаватели). Кроме того, отсутствует законодательная регламентация освидетельствования участников СВО с увечьями, чей профессиональный опыт мог бы компенсировать физические ограничения как на службе в образовательных организациях ФСИН России, так и на должностях в учреждениях и органах УИС, обязанности которых не связаны с большими физическими нагрузками.

Для возможности оценки эффективности привлечения на службу в УИС участников СВО, получивших увечья или травмы, не позволяющие им установить категорию годности, представляется целесообразным провести пилотные проекты, например, по трудоустройству участников СВО в УИС на должности операторов дронов, преподавателей тактико-специальной подготовки в образовательных организациях ФСИН России.

Таким образом, в целях совершенствования действующего законодательства видится целесообразным внести изменения в Приказ № 812, установив перечень должностей, для которых категория годности заменяется заключением о трудовой пригодности (по аналогии с органами Прокуратуры Российской Федерации). Также следует разработать для этих должностей специальные нормативы по физической и огневой подготовке, позволяющие их сдать лицам с увечьями (с учетом использования протезов / технических средств).

Кроме того, в практической деятельности прослеживается проблемный сегмент, связанный с определением категории годности сотрудника УИС, получившего ранее травму, а именно: представление документов на ВВК. Так, Приказ 812 содержит перечень обследований для освидетельствования при поступлении на службу и дальнейшего несения службы, но данный перечень не носит исчерпывающего характера и может в индивидуальном порядке определяться председателем ВВК. Если руководствоваться приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 14.09.2020 г. № 972н «Об утверждении порядка выдачи медицинскими организациями справок и медицинских заключений», то согласно п. 10 «Справки выдаются на

основании записей в медицинской документации пациента, внесенных лечащим врачом, другими врачами-специалистами, принимающими непосредственное участие в медицинском обследовании и лечении пациента…». Таким образом, требование личной печати врача при оказании неотложной помощи создает бюрократические барьеры при проведении ВВЭ и может быть пересмотрено с учетом заверения справки медицинской организацией, ее выдавшей [2, с. 165].

Кроме того, представляется целесообразным обратить внимание на практический опыт при проведении ВВК в органах внутренних дел с применением информационного сервиса «Медицина», который позволяет оптимизировать деятельность комиссии при проведении экспертизы [9, с. 24].

Внедрение подобной цифровой платформы в деятельность ВВК УИС позволит автоматизировать процедуру освидетельствования с четко установленными ролями – полномочиями ее субъектов, что повысит эффективность при проведении ВВЭ. Также введение единого цифрового реестра ВВК (аналог сервиса «Медицина» МВД) позволит усилить контроль сроков освидетельствования и вынесения заключения ВВЭ, исключит возможность представления освидетельствуемыми фальсифицированных документов.

Можно сделать вывод, что результат проведенного нами анализа алгоритма правового обеспечения категории годности к службе в УИС свидетельствует о необходимости его совершенствования в соответствии с вызовами реального времени с учетом человеческого потенциала, развития науки и техники, а также информационных технологий.

Таким образом, совершенствование механизма определения категории годности к службе в УИС требует: дифференцированного подхода к оценке здоровья (с учетом специфики должностей); гибкости нормативной базы для интеграции высококвалифицированных специалистов, включая лиц с ограниченными физическими возможностями; цифровизации процессов ВВК для повышения прозрачности и скорости экспертизы.

Реализация предложенных мер позволит укрепить кадровый потенциал УИС в соответствии с целями Концепции развития до 2030 г., обеспечив баланс между требованиями к здоровью и профессиональной компетентностью сотрудников.

Список литературы

1. Приказ Федеральной службы исполнения наказаний от 22.12.2023 г. № 812 «Об утверждении Требований к состоянию здоровья граждан, поступающих на службу в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации, сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, перечня дополнительных обязательных диагностических исследований, проводимых до начала медицинского освидетельствования,

Порядка проведения контрольного обследования и повторного освидетельствования по результатам независимой военно-врачебной экспертизы, Порядка создания военно-врачебных комиссий в уголовно-исполнительной системе ...» // РГ. 2024. 16 января.

2. Брылякова Е.С. Отдельные правовые аспекты медицинского обеспечения сотрудников уголовно-исполнительной системы // Вестник Кузбасского института. 2021. № 4 (49). С. 163–176.

3. Власов А.Э. Психологические особенности кандидатов на службу в органы внутренних дел Российской Федерации с выявленным фактором риска девиантного поведения // Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии (Васильевские чтения – 2022). Материалы международной научно-практической конференции. СПб., 2022. С. 95–100.

4. Ганишев А.В. Основные принципы военно-врачебной экспертизы в органах внутренних дел Российской Федерации // Медицинский вестник МВД. 2010. № 1 (44). С. 2–7.

5. Директор ФСИН России провел расширенное заседание по итогам работы ведомства [Электронный ресурс]. URL: https://riamo.ru/news/obschestvo/direktor-fsin-rossii-provel-rasshirennoe-zasedanie-po-itogam-raboty-vedomstva (дата обращения: 10.04.2025).

6. Елфимова И.А., Саксонова Г.А. Анализ заболеваемости сотрудников органов внутренних дел, участвовавших в разрешении вооруженных конфликтов // Материалы НПК, посвященной 60-летию ГКГ МВД России. М., 2002.

7. Заболотных И.И., Кантемирова Р.К. Клинико-экспертная диагностика патологии внутренних органов. СПб.: СпецЛит, 2008. 207 с.

8. Итоги деятельности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации за 2023 г. [Электронный ресурс]. URL: https://fsin.gov.ru (дата обращения: 10.04.2025).

9. Корольков В.В., Кольцова Т.А. Некоторые предложения оптимизации комплектования кадрового состава органов внутренних дел Российской Федерации (на примере опыта работы военно-врачебной комиссии ФКУЗ МСЧ МВД России по Челябинской области) // Вестник современной клинической медицины. 2020. Т. 13. № 6. С. 23–27.

10. О единстве экспертных подходов при осуществлении медико-социальной и военно-врачебной экспертизы / И.М. Старовойтова [и др.] // Медико-социальная экспертиза и реабилитация. 2014. Т. 17. № 3. С. 53–57.

11. Основы военновračебной экспертизы: пособие для врачей / Адаменко А.М., Ермиличев Б.С., Кабалин А.П., Каменсков Н.Н. [и др.]. М.: Прогрессивные Биомедицинские Технологии, 2001. 261 с.

12. Правовое регулирование прохождения военно-врачебной комиссии кандидатами на службу в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и сотрудниками уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: практические рекомендации / Абрамова Н.Г. [и др.]. Псков: Псков. филиал Университета ФСИН России, 2023. 37 с. [рукопись].

Об авторах:

БУДАНОВА Людмила Юрьевна – кандидат юридических наук, доцент

кафедры гражданско-правовых дисциплин Псковскиого филиала ФКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний», 180014, г. Псков, Зональное шоссе, д. 28, ORCID: 0000-0003-1106-9188, SPIN-код: 6522-3420, e-mail: milabudanovapskov@mail.ru

АЛЕКСАНДРОВА Ольга Павловна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры правоохранительной деятельности, уголовного права и процесса ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет», 180000, Псков, площадь Ленина, дом 2, ORCID: 0000-0003-3496-8012, SPIN-код: 6116-2416, e-mail: pavlovna.76@mail.ru

On the issue of determining the category of fitness for service in the penal system

L.Y. Budanova[1], O.P. Alexandrova[2]

[1] Saint Petersburg University of the Federal Penitentiary Service, Pskov
[2] Pskov State University, Pskov

The purpose of the study is to consider the legal and organizational problems of determining the category of fitness for service in the penal correction system during the military medical commission, taking into account current trends. During the research, the main method used was the dialectical method of scientific cognition of objective reality. In addition, the methodological basis of the study was the comparative legal method, which made it possible to analyze the regulatory legal framework in the field of law enforcement in question. As a conclusion, the authors proposed changes to the current legislation aimed at improving the effectiveness of activities to determine the category of fitness for service in the penal system.

Keywords: *category of fitness for service, military medical commission, penal enforcement system.*

About authors:

BUDANOVA Lyudmila – PhD in Law, associate professor of the department of civil law disciplines of the Pskov Branch of the St. Petersburg University of the Federal Penitentiary Service (180014, Pskov, Zonalnoe shosse, 28), ORCID: 0000-0003-1106-9188, SPIN-code: 6522-3420, e-mail: milabudanovapskov@mail.ru

ALEKSANDROVA Olga – PhD in Law, associate professor, department of law enforcement, criminal law and proceedings, Pskov State University (180000, Pskov, Lenin Square, 2), ORCID: 0000-0003-3496-8012, SPIN code: 6116-2416, e-mail: pavlovna.76@mail.ru

Буданова Л.Ю., Александрова О.П. К вопросу определения категории годности к службе в уголовно-исполнительной системе // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 2 (86). С. 48–55.

Статья поступила в редакцию 03.10.2025 г.
Подписана в печать 10.06.2026 г.

УДК 343.85:343.352+341
DOI: 10.26456/vtpravo/2026.2.056

Антикоррупционный комплаенс: международные стандарты и действующее законодательство Российской Федерации

Н.В. Ковалева

ФГКОУ ВО «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации», г. Москва
ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», г. Москва

В статье рассматривается антикоррупционный комплаенс как превентивный механизм, переводящий запреты и ограничения в проверяемые корпоративные процедуры. Анализируются требования российского законодательства, связь комплаенса с административной ответственностью и роль антикоррупционной экспертизы. Показано значение универсальных стандартов ООН и внешних критериев «мягкого права» для трансграничного оборота.

Ключевые слова: *антикоррупционный комплаенс, профилактика коррупции, конфликт интересов, антикоррупционная экспертиза, посреднические схемы, незаконное вознаграждение.*

Коррупционные практики в российском правопорядке квалифицируются как совокупность деяний, охватывающих злоупотребление служебным положением, дачу и получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп и иные формы незаконного использования должностного статуса вопреки законным интересам общества и государства в целях извлечения выгоды, включая случаи, когда такие действия совершаются от имени либо в интересах юридического лица [4]. Подобная законодательная конструкция принципиальна, поскольку переносит акцент с последующей уголовно-правовой реакции на выявление условий, в которых коррупционные риски воспроизводятся в управленческих и хозяйственных процедурах при соприкосновении публичных полномочий с частными интересами, прежде всего в сфере закупок, разрешительных режимов, контроля и надзора, а также предоставления льгот и преференций [14]. На практике именно в таких ситуациях результат начинает зависеть от усмотрения и неформальных коммуникаций. В этой связи неизменно возрастает роль процедурных фильтров, которые заранее ограничивают пространство произвольного выбора для участников такого рода правоотношений [15]. Законодательная модель противодействия коррупции прямо фиксирует приоритет профилактики и комплексность мер, где профилактика в правовом смысле означает перевод внешних запретов и ограничений в проверяемые регламенты. К ним относятся сроки, основания и критерии принятия решений, маршруты согласования и документируемые контрольные точки [16].

© Ковалева Н.В., 2026

Антикоррупционный комплаенс в организации представляет собой систему внутренних правил и процедур, которая помогает компании заранее предотвращать коррупцию и снижать связанные с ней риски. Российская модель прямо закрепляет обязанность организаций формировать набор превентивных мер: ст. 13.3 Федерального закона от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ (далее – Закон о противодействии коррупции) ориентирует юридическое лицо на выявление и снижение коррупционных рисков через внутренние регламенты и контрольные процедуры, а не только через реакцию на уже совершенные правонарушения.

Важно отметить, что законодатель задает минимальный набор обязательных элементов комплаенса, оставляя организации пространство для риск-ориентированного наполнения. В частности, меры должны быть соразмерны масштабу деятельности, структуре управления, степени контакта с публичным сектором, роли посредников и особенностям финансовых потоков. Практический смысл такого подхода – перевод зон усмотрения в режим заранее заданных критериев и документируемых проверок, при котором коррупционное поведение становится существенно более затруднительным.

Антикоррупционный комплаенс в современных реалиях выполняет три главные задачи. Первую разумно охарактеризовать как регулятивную: формирование внутренней антикоррупционной политики и стандартов поведения, включая кодекс этики, правила взаимодействия с контрагентами и публичными должностными лицами, требования к подаркам и представительским расходам, процедуры декларирования и урегулирования конфликта интересов. Вторая задача сочетает в себе преимущественно контрольные мероприятия и представляет собой создание документированной фиксации управленческого решения (полномочий, проверка деловой цели платежей, бухгалтерская прозрачность, контроль посредников, фиксация оснований выбора поставщика), что снижает зависимость результата от неформальных коммуникаций. Третья задача связана с формированием устойчивой организационной основы комплаенса: распределением ответственности внутри организации, назначением уполномоченных лиц (подразделений), обучением работников, а также созданием каналов для сообщений о нарушениях с процедурами их рассмотрения и внутренней проверки.

В отечественной правоприменительной практике ориентиром для детализации и практического наполнения указанных мер выступают методические рекомендации уполномоченных органов, например, Методические рекомендации Минтруда России по разработке и принятию организациями мер по предупреждению и противодействию коррупции конкретизируют меры ст. 13.3 и формируют своего рода типовой каркас антикоррупционной системы (политика,

ответственность, контроль, реагирование). Их применение переводит законодательно заданный минимум в прикладные процедуры без формального копирования [12].

Ключевые элементы антикоррупционного комплаенса концентрируются вокруг зон повышенного риска, где вероятность злоупотреблений выше. Практика показывает, что в первую очередь к таким зонам относятся закупочные процедуры, использование агентских и посреднических схем, разрешительные взаимодействия с публичным сектором, контроль качества и приемка работ, а также благотворительная и спонсорская деятельность [18]. Существенную роль играет и система проверок контрагентов, предполагающая анализ деловой репутации, выявление аффилированности и документирование экономической обоснованности вознаграждений и оказываемых услуг. Существенное значение имеет и внутренняя организационная составляющая комплаенса, обеспечивающая устойчивость профилактических процедур: независимость уполномоченных лиц, регулярный мониторинг, проведение внутренних проверок с соблюдением трудовых и процессуальных гарантий, а также применение дисциплинарных и корректирующих мер по итогам выявленных нарушений.

В рассматриваемой сфере правоотношений такие принципы, как законность, публичность, неотвратимость ответственности, комплексность мер, сотрудничество государства и общества имеют прикладное значение прежде всего через приоритет профилактики. На уровне институционального дизайна закон закрепляет вертикаль ответственности и координации: Президент Российской Федерации определяет основные направления государственной политики и решает ключевые организационные вопросы в сфере противодействия коррупции [9], Прокуратура России координирует деятельность правоохранительных органов по борьбе с коррупцией, а внешняя финансовая дисциплина и контроль публичных ресурсов подкрепляются механизмами государственного аудита [6, 7].

Профилактический смысл Закона о противодействии коррупции раскрывается через ограничения и обязанности раскрытия сведений, которые переводят риски из сферы подозрений в режим контролируемых юридических фактов. Ограничения, направленные на снижение финансовой уязвимости должностных лиц закреплены в виде запрета для установленных категорий лиц открывать и иметь счета (вклады) в иностранных банках, хранить денежные средства и иные ценности за пределами территории Российской Федерации, а также владеть и пользоваться иностранными финансовыми инструментами (ст. 7.1 Закона о противодействии коррупции). Одновременно проверяемость добросовестности обеспечивается режимом имущественной прозрачности: обязанностью представлять сведения о доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера, а в

предусмотренных законом случаях и о расходах, что формирует доказательный массив для контроля достоверности и полноты представляемых данных (ст. 8 Закона о противодействии коррупции).

С точки зрения комплаенса эти нормы важны прежде всего тем, что задают понятные правила работы. Они фиксируют сроки и формы предоставления сведений, порядок их проверки, условия запроса подтверждающих документов и алгоритм действий при выявлении расхождений. Если таких процедур нет, раскрытие информации быстро превращается в формальную отчетность [17]. Задача же регулирования состоит в том, чтобы по представленным данным можно было проверить состав имущества, подтвердить законность происхождения средств и исключить скрытую зависимость, способную повлиять на решения.

Центральным элементом профилактики выступает конфликт интересов, который в Законе о противодействии коррупции описан как ситуация, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) влияет или может повлиять на объективное исполнение обязанностей и вступает в противоречие с законными интересами граждан, организаций, общества или государства (ст. 10). Существенно, что законодатель фиксирует именно «возможность влияния», т. е. правовой режим ориентирован на предупреждение, а не на доказывание уже состоявшегося ущерба. Отсюда следует некая процедурная природа урегулирования: уведомление, рассмотрение, выбор управленческой меры (отвод от участия в решении, перераспределение полномочий, изменение состава комиссии, иные организационные действия) и фиксация принятых шагов. Дополнительное профилактическое значение имеют постслужебные ограничения, препятствующие капитализации прежнего статуса и доступа к информации через трудоустройство в заинтересованные организации. Институционально эту линию усиливают последствия в виде увольнения «в связи с утратой доверия» и публично-кадровый контур контроля, включая ведение реестра таких лиц [11]. Для организации, выстраивающей комплаенс, это означает необходимость не только закрепить запреты, но и создать воспроизводимые алгоритмы: идентификация заинтересованности, журнал уведомлений, сроки рассмотрения, стандарты мотивировки решений и контроль исполнения мер.

Ключевым связующим звеном между публичной антикоррупционной политикой и частным сектором является ст. 13.3 Закона о противодействии коррупции, закрепляющая обязанность организаций принимать меры по ее предупреждению. Следовательно, оценка соблюдения положений ст. 13.3 неизбежно смещается в плоскость фактического внедрения и того, как нормы работают на практике, включая доведение требований до работников, обучение, реальность проверок контрагентов и посредников, контроль подарков и представительских расходов, а также прозрачность бухгалтерских

оснований и первичных документов. Практическая значимость этого особенно заметна в делах о незаконном вознаграждении от имени юридического лица, где ответственность установлена ст. 19.28 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. В таких делах правоприменитель оценивает не только сам эпизод, но и то, создала ли компания процедурные фильтры и реально ли применяла их для предотвращения или выявления неправомерного платежа [3].

Таким образом российская правовая основа комплаенса представляет собой связанную систему профилактических механизмов, которая одновременно снижает риски через ограничения и имущественную прозрачность, задает рамки для выявления и урегулирования конфликта интересов, устанавливает постслужебные барьеры и закрепляет обязанность организаций внедрять антикоррупционные меры.

Антикоррупционная экспертиза. Во многом самостоятельным превентивным инструментом российской антикоррупционной политики выступает антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов [13]. Ее назначение отличается от контроля и ответственности: она ориентирована не на поведение конкретного лица и не на разбор уже возникшего нарушения, а на выявление в тексте нормативного правового акта или его проекта таких формулировок и конструкций, которые заранее создают благоприятные условия для злоупотреблений. Тем самым профилактика переносится на стадию подготовки правового материала и позволяет уменьшать риски еще до того, как они закрепятся на законодательном уровне.

Правовая основа института антикоррупционной экспертизы закреплена соответствующим Федеральным законом от 17.07.2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», который определяет круг субъектов экспертизы и общий порядок ее проведения [5]. Ключевым результатом такой экспертизы должно быть мотивированное заключение с указанием выявленных коррупциогенных факторов и предложениями по их устранению.

Для единообразия подходов и сопоставимости выводов антикоррупционной экспертизы Постановлением Правительства Российской Федерации от 26.02.2010 г. № 96 утверждены Правила и Методика ее проведения [10]. В практическом плане это означает, что экспертиза строится как формализованная проверка по заранее заданным критериям, ориентированным на юридическую определенность, проверяемость условий применения и прозрачность процедур.

Безусловная ценность Методики в том, что она фокусирует внимание на типичных источниках регуляторных рисков. Например, в ситуации, когда итоговое решение чрезмерно зависит от усмотрения должностного лица из-за отсутствия четких оснований, сроков, условий,

критериев или процедур, а также из-за конструкций, допускающих неодинаковое применение нормы при сходных фактических обстоятельствах. Отдельную группу рисков образуют случаи, когда регулирование создает затруднительную для исполнения модель поведения для граждан и организаций: требования сформулированы неопределенно, допускают двусмысленное толкование либо выстраивают непропорциональные барьеры, провоцирующие обращение к «посредникам» и неформальным каналам. В обоих блоках ключевой юридический смысл один: чем яснее правило и чем детальнее порядок его реализации, тем меньше окон для давления, вымогательства и выборочного предоставления преимуществ.

Институционально антикоррупционная экспертиза осуществляется несколькими субъектами, что повышает ее устойчивость как механизма профилактики. Существенную роль в этом играет Прокуратура Российской Федерации, которая проводит экспертизу в пределах компетенции и в установленном порядке, выступая внешним контролером качества нормотворческого результата и его потенциальной коррупциогенности. Параллельно Министерство юстиции Российской Федерации реализует экспертную и контрольную функцию в рамках своих полномочий, в том числе при работе с проектами нормативных правовых актов и при юридической оценке принятых актов в предусмотренных законом процедурах. Наряду с этим экспертиза проводится органами и организациями в отношении собственных проектов и актов при правовой экспертизе и мониторинге применения.

Можно констатировать, что существующая многоуровневая архитектура снижает риск внутреннего согласования без внешней проверки, так как даже при ведомственной разработке текста сохраняется вероятность внешнего выявления представляющих угрозу законности формулировок.

Значение изучаемого института для правоприменения проявляется через обязательность рассмотрения выводов экспертизы и через корректировку проекта на стадии до принятия акта либо через устранение проблемных положений при доработке. В итоге антикоррупционная экспертиза переводит антикоррупционную профилактику в систему юридически определенных процедур и компетенций. Для антикоррупционного комплаенса это имеет прикладное продолжение: бизнес-процессы и внутренние регламенты неизбежно опираются на требования, задаваемые государством, а качество этих требований напрямую влияет на управляемость рисков в закупках, разрешительных взаимодействиях и контрольных режимах.

Международные стандарты антикоррупционного комплаенса целесообразно описывать через связку hard law и soft law («жесткое право» и «мягкое право), поскольку именно она объясняет, почему корпоративные процедуры оцениваются не только по буквальному

соответствию национальному закону, но и по определенному ожидаемому минимуму добросовестности в трансграничном обороте. Так называемое hard law формирует обязательный для государств каркас: криминализация ключевых форм подкупа, ответственность организаций (в совместимой с правопорядком форме), финансовая прозрачность, международная правовая помощь и возврат активов. При этом soft law, не создавая договорных обязанностей, подразумевает собой критерий должной осмотрительности: банки, аудиторы и контрагенты ориентируются на него при проверке, а правоприменитель нередко использует его как своего рода фон для оценки разумности мер контроля и управляемости рисков.

Универсальной основой hard law в сфере противодействия коррупции выступает Конвенция ООН против коррупции 2003 г. (UNCAC) [1]. Ее прикладное значение для комплаенса выражается в профилактике коррупционных рисков: Конвенция последовательно связывает предотвращение коррупции с бухгалтерской дисциплиной, прозрачностью процедур и прослеживаемостью экономических выгод. Особенно показательна ориентация вышеупомянутой Конвенции ООН на частный сектор (ст. 12): государствам предлагается не ограничиваться декларациями, а выстраивать режим, препятствующий типичным способам маскировки неправомерного преимущества через учет и документооборот (фиктивные расходы, подложные документы, преждевременное уничтожение записей) [19, 20].

В корпоративной плоскости это трансформируется в критерий юридической пригодности процедуры, который позволяет отличить добросовестную хозяйственную операцию от формально легализованной, но по своей сути экономически необоснованной транзакции. Речь идет о способности организации в любой момент восстановить логику принятия решения и экономическое содержание платежа: установить его деловую цель, определить основание возникновения обязательства, проследить маршрут согласования внутри компании и соотнести произведенный платеж с фактически достигнутым результатом. Если же платеж подтвержден исключительно формальным набором документов – договором, актом и платежным поручением, без возможности показать, какие управленческие решения ему предшествовали, какие функции были реально выполнены и каким образом результат соразмерен вознаграждению, такая операция утрачивает признаки юридически осмысленного хозяйственного действия и приобретает характеристики транзакции с повышенным коррупционным риском.

Специализированные режимы запрета иностранного подкупа в определенном смысле задают иной угол зрения: риск для компании формируется не только национальным уголовным правом страны присутствия, но и экстерриториальными стандартами и трансграничной

финансовой инфраструктурой. В рамках Конвенции об Организации экономического сотрудничества и развития (далее – Конвенция ОЭСР) о борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих операций 1997 г. и национальных правопорядков, имплементирующих ее положения, акцент смещается с формального статуса лица на его фактическую вовлеченность в осуществление публичных функций. Для квалификации риска определяющим является не принадлежность к корпусу государственных служащих, а функциональная связь лица с публичными полномочиями, включая работников государственных предприятий, публичных агентств и иных структур, через которые реализуется государственное влияние. Существенное значение при этом придается использованию посредников, агентов и консультантов, рассматриваемых как потенциальный канал передачи неправомерной выгоды, что позволяет охватывать ситуации опосредованного воздействия на принятие решений независимо от формального положения конечного получателя [2]. Отсюда вытекает характерный набор коррупционных рисков: привлечение агентских и консультационных услуг без подтверждаемого результата; вознаграждение, зависящее от достижения управленческого решения; использование спонсорских и маркетинговых расходов в качестве прикрытия; искусственное дробление платежей, а также перечисление денежных средств в пользу лиц, не совпадающих с договорным контрагентом.

Именно здесь soft law приобретает практическую силу. Руководства и рекомендации (включая методические материалы Конвенции ООН против коррупции, отраслевые принципы, стандарты делового поведения и правила саморегулирования, используемые Международной торговой палатой) описывают комплаенс как набор минимально необходимых контрольных контуров: ответственность руководства, оценку уязвимых процессов, проверку контрагентов и посредников, контроль представительских расходов, каналы сообщений и защиту заявителей, внутренние проверки и корректирующие меры, а также документальную доказуемость реальности и экономической обоснованности хозяйственных операций [21]. Для внешней проверки (банк, аудитор, ключевой заказчик) такие документы становятся удобным языком оценки: отклонение от рекомендаций само по себе не образует правонарушения, но затрудняет доказательство добросовестности и повышает вероятность неблагоприятной реконструкции событий, особенно при трансграничном запросе или комплаенс-аудите. В результате международные стандарты комплаенса работают как двухуровневая модель регулирования, где hard law фиксирует обязательные запреты и государственные механизмы пресечения, а soft law превращает эти запреты в операциональные критерии должной осмотрительности.

Международные стандарты антикоррупционного комплаенса целесообразно систематизировать по трем взаимосвязанным уровням: универсальному (ООН), региональному (европейские механизмы) и специализированному (режимы запрета иностранного подкупа и корпоративные стандарты должной осмотрительности). Такое деление позволяет показать, какие нормы формируют обязательный минимум для государств, какие механизмы обеспечивают мониторинг исполнения, а какие – задают прикладные критерии проверки добросовестности в трансграничном обороте.

Первый уровень – универсальный: Конвенция ООН против коррупции 2003 г. формирует базовый контур, одинаково релевантный для публичного управления и частного сектора: профилактика, криминализация ключевых коррупционных деяний, финансовая прозрачность, международное сотрудничество, возврат активов, а применительно к бизнесу – требования к внутреннему контролю и бухгалтерской дисциплине как к способу сформировать институциональные и процедурные барьеры для коррупционных практик (ст. 12).

Второй уровень представлен региональными механизмами (Совет Европы и ГРЕКО). Именно региональный контур в европейской модели традиционно давал наиболее «жесткую» плотность стандартов благодаря сочетанию конвенционных обязательств и мониторинга их исполнения через Группу государств против коррупции (GRECO). Однако для Российской Федерации после 2022–2023 гг. данный контур утратил практическую применимость: прекращение членства в Совете Европы повлекло прекращение участия Российской Федерации в GRECO и соответствующих мониторинговых процедурах, а затем была оформлена денонсация Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию 1999 г. (ETS 173) [8].

Третий уровень – специализированные режимы (ОЭСР и иные стандарты делового оборота). Условно формируемая специализированная плоскость строится вокруг запрета иностранного подкупа и корпоративной ответственности, где риск для компании возникает не только из национального закона страны присутствия, но и из трансграничных стандартов финансовой инфраструктуры. В данной архитектуре ключевой особенностью является повышенное внимание к посредникам и маскирующимся коррупционным конструкциям. При этом важно зафиксировать положение Российской Федерации в данной системе: участие в рабочих форматах и большинстве процедур Рабочей группы ОЭСР по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц приостановлено в силу решения Совета ОЭСР, при сохранении мониторинга в объеме, предусмотренном ст. 12 Конвенции ОЭСР о борьбе с подкупом иностранных должностных лиц в международных коммерческих сделках. Следовательно, данный уровень для Российской

Федерации функционирует преимущественно как внешний стандарт оценки со стороны иностранных контрагентов, аудита и финансовых институтов, а не как полноценный канал регулярного методического сопровождения и участия в рабочих механизмах [22].

В итоге трехуровневая система для Российской Федерации в 2022–2026 гг. приобретает неоднородную структуру. Универсальная рамка ООН сохраняет нормативную и методическую релевантность как hard law глобального уровня [23]. Региональный европейский контур Совета Европы/GRECO для Российской Федерации прекращен и не может рассматриваться как действующий источник обязательств и мониторинга. Специализированный уровень (ОЭСР и soft law делового оборота) сохраняет прикладное значение главным образом как внешний стандарт добросовестности в трансграничных отношениях и как набор критериев, через которые финансовая инфраструктура и контрагенты оценивают допустимость операций и возможные риски.

Резюмируя, можно отметить, что антикоррупционный комплаенс раскрыт как организационный механизм профилактики, который переводит запреты и ограничения из уровня деклараций в проверяемые процедуры и доказуемые управленческие решения. Показано, что российская модель противодействия коррупции фактически оценивает качество и применимость процедур контроля, обеспечивающих прозрачность деловой цели операций, управляемость посреднических отношений и документируемость согласований. Одновременно систематизация международных стандартов по трехуровневой модели (ООН – региональные европейские механизмы – специализированные режимы и soft law) позволила уточнить современное положение Российской Федерации в международном контексте противодействия коррупции.

Для усовершенствования отечественной системы комплаенса представляется целесообразным рассмотреть введение следующих мер. Во-первых, установить требование для обязательного закрепления в локальных нормативных правовых актах переченя критериев и доказательственных требований по уязвимым операциям (посредники, консалтинг, маркетинг/спонсорство, представительские расходы). На этом уровне регулирования может быть установлен минимально необходимый перечень документов и цифровых следов, позволяющих подтвердить фактический результат и соразмерность вознаграждения. Во-вторых, разумным видится развивать контур контрагентского и посреднического контроля как документированную процедуру оценки рисков, в рамках которой фиксируются основания допуска или отказа во взаимодействии, а также условия и периодичность последующего контроля. В-третьих, требуется закрепить регулярную проверку работоспособности механизмов комплаенса на основе риск-ориентированных критериев, применимых в трансграничном обороте.

Такая проверка позволяет заранее выявлять и устранять недостаточность документального обоснования по уязвимым операциям до того, как соответствующие сведения будут затребованы банками, аудиторами или ключевыми контрагентами. Это снижает риск приостановления расчетов и предъявления дополнительных требований.

Учитывая сложность и многоаспектность рассмотренной тематики необходимы дальнейшие комплексные исследования в сфере антикоррупционного комплаенса с целью дальнейшего совершенствования действующего законодательства Российской Федерации.

Список литературы

1. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 г. Резолюцией 58/4 на 51-м пленарном заседании 58-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Конвенция ОЭСР о борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок (заключена в г. Париже 17.12.1997 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://docs.cntd.ru/document/902343859 (дата обращения: 19.02.2026).

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 29.12.2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

4. Федеральный закон от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс».

5. Федеральный закон от 17.07.2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс».

6. Федеральный закон от 17.01.1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс».

7. Федеральный закон от 05.04.2013 г. № 41-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации» (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс».

8. Федеральный закон от 28.02.2023 г. № 42-ФЗ «О денонсации Российской Федерацией Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию» (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс».

9. Указ Президента Российской Федерации от 23.05.2023 г. № 368 (ред. от 26.06.2023 г.) «Об Управлении Президента Российской Федерации по вопросам государственной службы, кадров и противодействия коррупции» (вместе с «Положением об Управлении Президента Российской Федерации по вопросам государственной службы, кадров и противодействия коррупции») // СПС «КонсультантПлюс».

10. Постановление Правительства Российской Федерации от 26.02.2010 г. № 96 (ред. от 20.04.2024 г.) «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» (вместе с Правилами проведения антикоррупционной экспертизы и Методикой ее проведения) // СПС «КонсультантПлюс».

11. Постановление Правительства Российской Федерации от 05.03.2018 г. № 228 (ред. от 12.07.2023 г.) «О реестре лиц, уволенных в связи с утратой доверия» (вместе с «Положением о реестре лиц, уволенных в связи с утратой доверия») // СПС «КонсультантПлюс».

12. Методические рекомендации по разработке и принятию организациями мер по предупреждению и противодействию коррупции // Официальные разъяснения и рекомендации Минтруда России [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 19.02.2026).

13. Антонова Н.А. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов и гарантии обеспечения ее эффективности // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2023. № 4(76). С. 51–58.

14. Артемьев А.А., Зайковский В.Н., Лепехин И.А. Проблемы действующего российского антикоррупционного законодательства и предложения по их разрешению // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2019. № 2(58). С. 76–84.

15. Ковалева Н.В. Понятие, цели и признаки административных процедур // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2016. № 5. С. 84–92.

16. Ковалева Н.В. Социальное и технико-юридическое регулирование в обществе // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2019. № 4 (86). С. 18–24.

17. Ковалева Н.В. Изменение в структуре правоотношений как фактор социальных опасностей в эпоху современных трансформаций // Преступность. Общество. Безопасность: сборник научных статей по материалам Международного форума и международной научно-практической конференции (к 100-летию со дня рождения профессора С.В. Бородина) и круглого стола, Москва, 31 октября 2024 г.: в 2 ч. М.: Академия управления МВД России, 2024. С. 82–86.

18. Ткачук Т.А., Ключникова М.А. Сфера государственных закупок как почва для коррупционных преступлений // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2019. № 4 (60). С. 60–68.

19. Законодательное руководство по осуществлению Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции: вторая переработанная редакция, 2012 // Управление ООН по наркотикам и преступности (UNODC). Вена, 2012 [Электронный ресурс]. URL: https://www.unodc.org/ (дата обращения: 19.02.2026).

20. Антикоррупционная этика и комплаенс-программа для бизнеса: практическое руководство // Управление ООН по наркотикам и преступности (UNODC). Вена: Организация Объединенных Наций, 2013 [Электронный ресурс]. URL: https://www.unodc.org/documents/corruption/Publications/2013/An_Anti-Corruption_Ethics_and_Compliance_Programme_for_Business.pdf (дата обращения: 19.02.2026).

21. Правила Международной торговой палаты по противодействию коррупции (ICC Rules on Combating Corruption). Париж: Международная торговая палата (ICC), 2023 [Электронный ресурс]. URL: https://iccwbo.org/news-publications/policies-reports/icc-rules-on-combating-corruption/ (дата обращения: 19.02.2026).

22. Статус ратификации Конвенции ОЭСР по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок (по состоянию на сентябрь 2024 г.). Париж: Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), 2024 [Электронный ресурс]. URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/topics/policy-sub-

issues/fighting-foreign-bribery/OECD%20WGB%20Ratification%20Status%20-%20September%202024.pdf (дата обращения: 19.02.2026).

23. Статус подписания и ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции (UNCAC) [Электронный ресурс] // Управление ООН по наркотикам и преступности (UNODC): официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: https://www.unodc.org/corruption/en/uncac/ratification-status.html (дата обращения: 19.02.2026).

Об авторе:

КОВАЛЕВА Наталья Витальевна – доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра ФГКОУ ВО «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации» (Россия, 125993, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8); профессор ФГБОУ ВО «Государственный университет управления» (Россия, 109542, г. Москва, Рязанский проспект, дом 99), SPIN-код: 7445-8801, AuthorID: 581160; e-mail: doktor.kovaleva.nv@yandex.ru

Anti-Corruption compliance: international standards and current legislation of the Russian Federation

N.V. Kovaleva

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow
State University of Management, Moscow

The article examines anti-corruption compliance as a preventive mechanism that translates prohibitions and restrictions into verifiable corporate procedures. It analyzes the requirements of Russian legislation, the link between compliance and administrative liability, and the role of anti-corruption expert review. It also shows the significance of universal UN standards and external "soft law" criteria for cross-border business.

Keywords: *anti-corruption compliance, corruption prevention, conflict of interest, anti-corruption expert review, intermediary schemes, illegal remuneration.*

About author:

KOVALEVA Natalia – Doctor of Law, associate professor, chief researcher at the Scientific Research center of the Academy of Management of the Ministry of internal affairs of the Russian Federation (8 Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh str., Moscow, 125993, Russia); Professor, State University of Management (Russia, 99 Ryazansky Prospekt, Moscow, 109542), SPIN-code: 7445-8801, AuthorID: 581160; e-mail: doktor.kovaleva.nv@yandex.ru

Ковалева Н.В. Антикоррупционный комплаенс: международные стандарты и действующее законодательство Российской Федерации // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 2 (86). С. 56–68.

Статья поступила в редакцию 03.03.2026 г.

Подписана в печать 12.06.2026 г.

УДК 353:351.86+355.58
DOI: 10.26456/vtpravo/2026.2.069

Особенности регионального управления при введении режима чрезвычайной ситуации

Т.В. Кувырченкова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Объектом исследования являются правовые отношения, возникающие при осуществлении управления органами государственной власти субъекта в условиях введения режима чрезвычайной ситуации. Предметом исследования выступают правовые нормы, регулирующие административно-правовой режим чрезвычайной ситуации, а также теоретические разработки об особенностях регионального управления при действии режима чрезвычайной ситуации. Цель исследования – установление возможных пробелов в законодательстве и дефектов в механизме его применения, а также разработка предложений по их совершенствованию. Одними из основных методов, используемых в работе, стали сравнительный, системный. В результате проведенного исследования установлено, что отсутствует законодательное закрепление понятия «режим чрезвычайной ситуации», имеются пробелы в правовом урегулировании полномочий и ответственности органов государственной власти субъектов, неэффективны правоприменительные инструменты. В связи с имеющимися недостатками требуется дальнейшее совершенствование законодательства и повышение эффективности механизма его применения.

Ключевые слова: *органы государственной власти субъекта, чрезвычайная ситуация, полномочия региональных органов, объекты повышенной опасности, ответственность органов государственной власти субъекта, режим чрезвычайной ситуации.*

Внутренние и внешние угрозы для российского государства способны дестабилизировать обстановку на отдельных территориях страны. К таким вызовам можно отнести природные катаклизмы, техногенные катастрофы, межнациональные конфликты и др. Все они требуют немедленного реагирования и принятия экстренных решений, предполагающих введение экстраординарных режимов, в том числе режима чрезвычайной ситуации. Огромное значение для ликвидации последствий при возникновении чрезвычайных ситуаций отводится органам государственной власти субъекта. Но в правовом регулировании их деятельности имеются определенные пробелы и коллизии. Механизм реализации экстренных полномочий зачастую не работает. Все это перманентно требует совершенствования законодательства и повышения эффективности регионального управления.

Согласно ст. 72 Конституции Российской Федерации в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации

 © Кувырченкова Т.В., 2026

находятся осуществление мер по борьбе с катастрофами, стихийными бедствиями, эпидемиями и ликвидация их последствий (ч. 1, п. «з») [1]. Также ст. 44 Федерального закона от 21.12.2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» к полномочиям органов государственной власти субъекта России по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации относит решение вопросов предупреждения чрезвычайных ситуаций межмуниципального и регионального характера, стихийных бедствий, эпидемий и ликвидации их последствий, реализации мероприятий, направленных на спасение жизни и сохранение здоровья людей при чрезвычайных ситуациях [3]. Все эти мероприятия осуществляются за счет средств бюджета субъекта за исключением субвенций из федерального бюджета. Кроме этого, иные полномочия государственных органов субъекта могут быть переданы федеральным органам, если наступают вышеизложенные обстоятельства.

Федеральный закон от 21.12.1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» дает определение чрезвычайной ситуации, под которой понимается обстановка на определенной территории, сложившаяся в результате аварии, опасного природного явления, катастрофы, распространения заболевания, представляющего опасность для окружающих, стихийного или иного бедствия, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей [2]. Соответственно, органы государственной власти субъектов при возникновении одного из перечисленных явлений должны прилагать все возможные и достаточные усилия для их урегулирования, а также предпринимать все необходимые предупредительные меры для исключения таких ситуаций.

В рамках предоставленных полномочий в Тверской области Законодательным собранием были приняты Закон Тверской области от 30.07.1998 г. № 26-ОЗ-2 «О защите населения и территорий области от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» [8], Постановление Правительства Тверской области от 01.07.2022 г. № 347-пп «О предоставлении мер социальной поддержки гражданам, пострадавшим в результате чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера на территории Тверской области» [14] и ряд других нормативных актов. Аналогичные акты приняты также и в других регионах России: Закон Брянской области от 30.12.2005 г. № 122-З «О защите населения и территории Брянской области от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» [10], Закон Тульской области от 02.02.1998 г. № 75-ЗТО «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в

Тульской области» [11], Закон Тамбовской области от 09.03.2016 г. № 642-З «Об организации защиты населения Тамбовской области от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» [12], Закон Ярославской области от 07.04.2003 г. № 19-з «О защите населения и территорий Ярославской области от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» [13] и др.

Также на территории субъекта могут находиться объекты повышенной опасности, требующие особого контроля и выполнения превентивных правил безопасности. Нахождение их в районе, где возникла чрезвычайная ситуация природного характера, может привести к катастрофическим последствиям, если изначально не предприняты меры для их особой охраны. В Федеральном законе от 21.12.1994 г. № 68-ФЗ дается определение таких объектов: объект повышенной опасности – это критически важный объект, под которым понимается объект, нарушение или прекращение функционирования которого приведет к потере управления экономикой Российской Федерации, субъекта Российской Федерации или административно-территориальной единицы субъекта Российской Федерации, ее необратимому негативному изменению (разрушению) либо существенному снижению безопасности жизнедеятельности населения [2]. Также в федеральном законе закреплено понятие потенциально опасного объекта – это объект, на котором расположены здания и сооружения повышенного уровня ответственности, либо объект, на котором возможно одновременное пребывание более пяти тысяч человек [2].

Во исполнение положений федерального закона Постановлением Правительства Российской Федерации от 14.08.2020 г. № 1225 «Об утверждении Правил разработки критериев отнесения объектов всех форм собственности к критически важным объектам» были утверждены Правила разработки критериев отнесения объектов всех форм собственности к критически важным объектам [5]. Если говорить о последствиях с точки зрения безопасности для субъекта, то сюда можно отнести критически важные объекты федерального уровня значимости (нарушение или прекращение функционирования которых приведет к потере управления экономикой двух и более субъектов РФ) и критически важные объекты регионального уровня значимости (аналогичные последствия наступят для субъекта региона). Также Постановлением Правительства от 24.06.2021 г. № 981 «Об утверждении Правил формирования и утверждения перечня критически важных объектов» разработаны Правила формирования и утверждения перечня критически важных объектов [6]. Юридически такие объекты получили закрепление в паспорте безопасности критически важного объекта (Постановление Правительства РФ от 10.11.2022 г. № 2034 «Об утверждении Правил разработки и формы паспорта безопасности критически важного объекта [7]). Так, на сайте Главного управления МЧС России по Тверской области

дается: Перечень объектов надзора, которым присвоены категории риска (федеральный государственный пожарный надзор) (например, ООО «Санаторий Кашин»), Перечень объектов надзора в области гражданской обороны, расположенных и/или осуществляющих деятельность на территории Тверской области, отнесенных к категории среднего риска (например, ГБУЗ ЗАТО «Озерный»), Перечень объектов надзора в области защиты населения и территории от чрезвычайных ситуаций, расположенных и/или осуществляющих деятельность на территории Тверской области, отнесенных к категории среднего риска (например, ОАО «Редкинский опытный завод») [17]. В приложении к приказу Верхне-Волжского межрегионального управления Росприроднадзора от 23.05.2022 г. № 173 дается Перечень объектов, подлежащих федеральному государственному контролю (надзору) на территории Тверской области, которым присвоены категории риска (от 1 до 4) [18]. Следовательно, при осуществлении регионального управления в кризисных ситуациях органы государственной власти субъектов должны реализовывать свои полномочия с учетом характеристики этих объектов и возможных последствий для безопасности субъекта.

Кроме этого, уникальность территории России заключается также в том, что в различных регионах могут объективно возникнуть опасные природные явления, разные в зависимости от местонахождения территорий субъектов. Это могут быть наводнения, землетрясения, ураганы, пожары и т. д. Для Тверской области это прежде всего пожары, ежегодно уничтожающие гектары лесов. На их возникновение влияет и человеческий фактор, и недостаточность профилактических действий со стороны региональных органов власти. Так, в Тверской области был принят Закон Тверской области от 15.11.2005 г. № 137-ЗО «О пожарной безопасности в Тверской области». Согласно этому закону в систему противопожарной службы Тверской области входят: исполнительный орган Тверской области, уполномоченный решать задачи в области противопожарной безопасности; государственные учреждения Тверской области, создаваемые в целях реализации задач противопожарной службы. Финансирование осуществляется за счет бюджета Тверской области [9].

На сайте Главного управления МЧС России по Тверской области периодически размещается оперативный ежедневный прогноз возникновения и развития чрезвычайных ситуаций на территории Тверской области, где дается оценка состояния явлений и параметров происшествий (ЧС): гидрологическая обстановка, лесопожарная обстановка, сейсмическая обстановка, гелиогеофизическая обстановка, радиационная обстановка, техногенная обстановка, санитарно-эпидемиологическая обстановка, агрометеорологическая обстановка, экологическая обстановка и др. [17].

Можно утверждать, что на всех уровнях (федеральном, региональном, муниципальном) выработаны единые подходы к мероприятиям по предупреждению чрезвычайных ситуаций и защите населения и территорий в случаях их наступления согласно Указу Президента РФ от 11.01.2018 г. № 12 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций на период до 2030 года» [4]. Но с учетом особенностей территорий субъектов, на каждой из них региональные органы власти выполняют индивидуальный комплекс мероприятий для предупреждения и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций различного характера. Еще в 2007 г. Н.Г. Жаворонкова предлагала внести необходимые изменения организационно-правового характера, касающиеся компетенции органов государственной власти субъектов. Она утверждала, что органы управления субъектов Федерации должны иметь соответствующую компетенцию и структуру в соответствии с особенностями потенциальных опасностей на своих территориях, иметь свои специфические направления работы и методы предупреждения чрезвычайных ситуаций [16, с. 13–16].

Порой при возникновении чрезвычайной ситуации происходят события, требующие немедленного реагирования, а алгоритм действий отсутствует или недостаточно адаптирован к возникшей обстановке. Так, в ночь на 18.09.2024 г. в связи с атакой беспилотных летательных аппаратов на территории Торопецкого муниципального образования была объявлена чрезвычайная ситуация муниципального уровня, хотя с учетом разрушений и причиненного ущерба необходимо было объявить чрезвычайную ситуацию регионального характера [19]. Эвакуировано было 7,5 тысяч человек. Причиненный ущерб был значительный – более 18,81 млн рублей.

В связи с возрастанием количества чрезвычайных ситуаций на муниципальном и региональном уровнях требуется выделение дополнительных средств для их ликвидации, т. к. бюджеты субъекта порой ограничены. События в Торопце наглядно показали, что, хотя чрезвычайная ситуация произошла на территории муниципального образования, масштабы разрушения требовали реагирования на федеральном уровне. Это еще раз подтверждает необходимость совершенствования законодательства и механизма его применения, т. к. на местах часто принимаются инициативные решения, порой запоздалого характера. Естественно, все урегулировать правовыми нормами невозможно, в том числе закрепить и в нормативных актах соответствующих органов государственной власти, поэтому требуется выработать практику применения уже существующих правовых норм, разработать методические рекомендации их применения в похожих ситуациях.

Кроме этого, как определяет Федеральный закон от 21.12.1994 г. № 68-ФЗ (ч. 10 ст. 4.1), при введении чрезвычайной ситуации может быть определен руководитель ликвидации чрезвычайной ситуации, который будет нести ответственность за проведение работ [2]. Федеральный закон от 21.12.2021 г. № 414-ФЗ в ч. 3 ст. 29 регламентирует полномочия Президента Российской Федерации, который вправе вынести предупреждение, объявить выговор высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации за ненадлежащее исполнение своих обязанностей (в том числе по осуществлению переданных полномочий Российской Федерации) [3].

На практике в основном к ответственности привлекают представителей муниципальной власти, т. к. доказать их прямую вину намного проще, нежели вину органов государственной власти субъектов. В качестве примера привлечения к ответственности органов государственной власти субъекта можно привести Решение судьи Кировского районного суда г. Томска от 7.10.2025 г. по жалобе начальника Департамента ЖКХ и государственного жилищного надзора Томской области на постановление мирового судьи судебного участка № 3 Кировского судебного района г. Томска. Как следует из материалов дела, постановлением мирового судьи Департамент ЖКХ и государственного жилищного надзора был привлечен к административной ответственности по ч. 1 ст. 20.6 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях за необеспечение исполнение полномочий, возложенных на органы государственной власти субъекта Российской Федерации в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера на территории г. Томска, а именно: не в полном объеме создал резервы материальных ресурсов для ликвидации чрезвычайных ситуаций межмуниципального и регионального характера (постановление Администрации Томской области от 09.08.2021 г. № 325а). Жалоба начальника Департамента ЖКХ и государственного жилищного надзора Томской области была удовлетворена в части (снижен размер административного штрафа), но отказано в удовлетворении по существу жалобы [15].

Несмотря на то что действующий Федеральный закон от 21.12.1994 г. № 68-ФЗ закрепляет в ст. 1 основные понятия чрезвычайной ситуации, определение режима чрезвычайной ситуации в статье не приводится, что негативно влияет на практическое применение правовых норм. Хотя, например, законодательно сформулированы режимы военного положения и чрезвычайного положения.

Таким образом, с момента принятия Федерального закона от 21.12.1994 г. № 68-ФЗ (ред. от 08.08.2024 г.) «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» прошло определенное время, и хотя за этот период были

восполнены имеющиеся пробелы, разрешены коллизии в законодательстве, принято значительное количество подзаконных актов практического применения, выстроена определенная система правового регулирования кризисных отношений, но остался ряд вопросов, требующих своего разрешения и дальнейшего совершенствования законодательства с целью его эффективного практического применения. Это касается в первую очередь регионального управления, т. к. оно должно осуществляться оперативно, системно, координированно с иными территориальными органами, федеральными органами власти и муниципалитетами.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 21.04.2026).

2. Федеральный закон от 21.12.1994 г. № 68-ФЗ (ред. от 08.08.2024 г.) «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» // СЗ РФ. 26.12.1994. № 35. Ст. 3648.

3. Федеральный закон от 21.12.2021 г. № 414-ФЗ (ред. от 28.12.2025 г.) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // СЗ РФ. 27.12.2021. № 52 (часть I). Ст. 8973.

4. Указ Президента Российской Федерации от 11.01.2018 г. № 12 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2018. № 3. Ст. 515.

5. Постановление Правительства Российской Федерации от 14.08.2020 г. № 1225 «Об утверждении Правил разработки критериев отнесения объектов всех форм собственности к критически важным объектам» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 21.04.2026).

6. Постановление Правительства Российской Федерации от 24.06.2021 г. № 981 «Об утверждении Правил формирования и утверждения перечня критически важных объектов» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 21.04.2026).

7. Постановление Правительства Российской Федерации от 10.11.2022 г. № 2034 «Об утверждении Правил разработки и формы паспорта безопасности критически важного объекта // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 21.04.2026).

8. Закон Тверской области 30.07.1998 г. № 26-ОЗ-2 «О защите населения и территорий области от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» // Тверские ведомости. 1998. № 70.

9. Закон Тверской области от 15.11.2005 г. № 137-ЗО «О пожарной безопасности в Тверской области» // Тверские ведомости. 2005. № 48.

10. Закон Брянской области от 30.12.2005 г. № 122-З «О защите населения и территории Брянской области от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» // СПС «КонсультантПлюс».

11. Закон Тульской области от 02.02.1998 г. № 75-ЗТО «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в Тульской области» [Электронный ресурс]. URL: https://docs.cntd.ru/document/801200778 (дата обращения: 21.04.2026).

12. Закон Тамбовской области от 09.03.2016 г. № 642-З «Об организации защиты населения Тамбовской области от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» [Электронный ресурс]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/6800201603100007 (дата обращения: 21.04.2026).

13. Закон Ярославской области от 07.04.2003 г. № 19-з «О защите населения и территорий Ярославской области от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» [Электронный ресурс]. URL: https://docs.cntd.ru/document/934012428 (дата обращения: 21.04.2026).

14. Постановление Правительства Тверской области 01.07.2022 г. № 347-пп «О предоставлении мер социальной поддержки гражданам, пострадавшим в результате чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера на территории Тверской области» // Тверские ведомости. 2022. № 28.

15. Решение Кировского районного суда г. Томска от 16.10.2025 г. № 12-266/2025 по делу № 12-266/2025 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/nfSBMYkF2IQ8/ (дата обращения: 21.04.2026).

16. Жаворонкова Н.Г. Эколого-правовые проблемы обеспечения безопасности при чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2007. 51 с.

17. Главное управление МЧС России по Тверской области [Электронный ресурс]. URL: https:// 69.mchs.gov.ru/ (дата обращения: 21.04.2026).

18. Федеральная служба по надзору в сфере природопользования [Электронный ресурс]. URL: https://rpn.gov.ru/regions/76/for_users/supervised-objects/ (дата обращения: 21.04.2026).

19. Остановите правонарушения при ликвидации ЧС в Торопецком МО Тверской области [Электронный ресурс]. URL: https://www.change.org/p/ (дата обращения 21.04.2026).

Об авторе:

КУВЫРЧЕНКОВА Татьяна Владимировна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного, административного и таможенного права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 6900-5462, AuthorID: 541033, e-mail: kuvirchenkova@rambler.ru

Regional governance characteristics during the introduction of a state of emergency

T.V. Kuvyrchenkova

Tver State University, Tver

This study examines the legal relationships that arise during the governance of regional government bodies under a state of emergency. It examines the legal norms governing the administrative and legal regime of emergency situations, as well as theoretical developments on the specifics of regional governance under a state of emergency. The objective of this study is to identify potential gaps in legislation and shortcomings in its enforcement mechanisms, as well as to develop proposals for their improvement. The primary methods used in this study are comparative and systemic approaches. The study revealed that the concept of "state of emergency" is not legally defined, there are gaps in the legal regulation of the powers and responsibilities of regional government bodies, and law enforcement tools are ineffective. Due to existing shortcomings, further improvement of the legislation and increased effectiveness of its enforcement mechanisms are required.

Keywords: *regional government bodies, emergency situation, powers of regional authorities, high-risk facilities, responsibility of regional government bodies, emergency regime.*

About author:

KUVYRCHENKOVA Tatyana – PhD in Law, associate professor, associate professor of the department of constitutional, administrative and customs law of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova St., 33), SPIN-code: 6900-5462, AuthorID: 541033, e-mail: kuvirchenkova@rambler.ru

Кувырченкова Т.В. Особенности регионального управления при введении режима чрезвычайной ситуации // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 2 (86). С. 69–77.

Статья поступила в редакцию 10.05.2026 г.

Подписана в печать 10.06.2026 г

УДК 352:36
DOI: 10.26456/vtpravo/2026.2.078

Некоторые аспекты реализации социальной политики органами муниципальной власти

В.С. Очагова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье рассматриваются вопросы, связанные с обеспечением социальных гарантий на уровне муниципалитетов. Представлен анализ функционально-компетенционных механизмов деятельности органов местного самоуправления в сфере осуществления социальной политики. Сделан акцент на специфике нормативно-правового регулирования, организационно-управленческих моделях и проблемах ресурсного обеспечения при предоставлении социальных услуг населению в рамках отдельно взятого муниципального образования.

Ключевые слова: *социальная политика, местное самоуправление, полномочия органов местного самоуправления, вопросы непосредственного обеспечения, жизнедеятельность населения.*

В современных реалиях правовое государство одновременно имеет статус и социального, так как эти характеристики являются взаимодополняющими. Изучая особенности социального государства, на практике мы имеем дело с социально-правовой формой. В частности, «в современных условиях подразумеваем, что оно одновременно является и социально-правовым» [6]. Рассматривая эту позицию, отмечаем, что характеристики социального государства с его правовой сущностью – это важная особенность. Социальные функции субъекта-государства приобрели прочные правовые аспекты, которые стали ведущими для многих стран. В.М. Горшенев отмечал, что правовая форма – это специфическая организационная форма деятельности органов власти и должностных лиц, которая осуществляется на основе строжайшего соблюдения требований закона и других нормативных актов; ее результаты всегда влекут определенные юридически значимые последствия или связаны с их наступлением [7, с. 27].

Конечно же, именно федеральная власть определяет политику в социальной сфере. При этом необходимо использовать правовое регулирование взаимосвязей в социальной сфере, разрабатывать действенные программы и заниматься утверждением социальных стандартов для выработки системы гарантий со стороны государства. Социальная политика – это важный инструмент управления интересами. С его помощью можно устранять пробелы между неравнозначными интересами субъектов, а также приоритетными интересами.

Социальная политика активно реализуется и на муниципальном уровне. Так как данный уровень власти наиболее близок к населению,

 © Очагова В.С., 2026

активная социально ориентированная деятельность государства может и должна проявляться в различных формах и явлениях. Анализируя Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [3] и полномочия органов местного самоуправления по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения, закрепленных Федеральным законом от 20.03.2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» [2], получаем, что к приоритетным направлениям социальной политики муниципалитета, реализуемой представителями муниципальной власти, относятся:

– продвижение программ по обеспечению жильем нуждающихся лиц посредством выработки условий для прямого обеспечения свободными помещениями и улучшения жилищных условий;

– предоставление социально-правовой поддержки некоторых групп населения;

– участие в предоставлении благоприятных условий труда и выработке новых рабочих мест на территории муниципалитета;

– поддержка системы здравоохранения и сохранение санитарной безопасности;

– выработка условий для благоприятной деятельности учреждений на территории муниципалитета, финансовое обеспечение муниципальных учреждений культуры, слежение за сохранением исторических памятников, находящихся на муниципальном балансе;

– предоставление общеобразовательных услуг, а также содействие благоприятному функционированию муниципальных учреждений дошкольного образования, профобразования и основного образования;

– применение программ муниципальной политики в молодежной среде;

– выработка условий для поддержки учреждений спорта на территории муниципалитета, материальное содержание спортивных сооружений.

На субъекты Российской Федерации и, в частности, на муниципалитеты возложены функции ведения социальной политики с уклоном на культурные, моральные и исторические ценности [8, с. 20–32]. Так, устанавливаются социальные стандарты, регламентирующие основы дальнейшей деятельности. Социальная отрасль и политика, проводимая в данном направлении, изучаются с разных позиций. К социальной сфере в широком представлении относят средства, обеспечивающие достаточную жизнедеятельность гражданина. К социальной сфере в узком смысле относят объекты, относящиеся к социально-культурному направлению.

Согласно данной политике и вышеприведенным положениям, например, граждане-инвалиды освобождаются от земельной платы и

оплаты за помещения, используемые для подсобного хранения средств реабилитации, находящихся в персональном пользовании [4]. Таким лицам могут быть выделены дополнительные помещения в соответствии с регламентом заболеваний (утв. Правительством РФ). Представители местных властей с привлечением общественных объединений устанавливают порядок бытового обслуживания в соответствии с индивидуальными требованиями и меры для исполнения законодательного акта «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации».

Конституция Российской Федерации указывает на то, что субъект-государство должно гарантировать гражданам социальное обеспечение в случае потери кормильца, нетрудоспособности, для воспитания детей и в прочих случаях (ст. 38–39).

Муниципальная политика имеет явные социальные оттенки в данном представлении. Органы местного самоуправления обязаны заниматься сохранением социальной инфраструктуры; осуществлять мониторинг соблюдения норм законодательства в разных направлениях проводимой политики; заниматься подготовкой квалифицированных кадров в сфере образования, здравоохранения и обеспечения социальной безопасности.

В российском государстве здоровье и трудовая деятельность населения занимают одно из первых мест в социальной системе. Для этого устанавливают гарантированный минимум оплаты труда, вводят программы для поддержки семей, пожилых и маломобильных граждан. Также формируется система социальных гарантий в виде пособий, пенсий и прочих мер [1].

Муниципальная социальная политика может быть реализована посредством предоставления разного рода услуг гражданам той или иной территории. В частности, Администрация в г. Костроме предоставляет такие муниципальные услуги: регистрация многодетных и малоимущих граждан, имеющих больше трех детей, для предоставления участков земли; взятие на учет лиц, нуждающихся в получении жилья по договорам аренды в рамках жилищного фонда социального обеспечения; поиск жилья по договорам найма для малоимущих лиц, которые прошли регистрацию в должном порядке. Также в г. Костроме реализуются различные социально ориентированные муниципальные программы: «Обеспечение жильем молодых семей», «Переселение граждан из аварийного жилищного фонда на территории городского округа город Кострома», «Развитие городского пассажирского транспорта», «Развитие образования, культуры, спорта, физической культуры и совершенствование молодежной политики в городе Костроме». Кроме того, реализуются меры социальной поддержки в части освобождения от внесения платы, взимаемой с граждан по договору социального найма, за наем муниципального жилого помещения, расположенного на территории города Костромы участникам специальной военной операции

[5]. Надо отметить, что анализ уже имеющихся данных за предыдущие годы свидетельствует, что некоторые муниципальные программы и подпрограммы были не дофинансированы «в связи с недостатком средств бюджета, а также по причине невыполнения некоторых мероприятий по объективным причинам» [10]. Недостаточность финансирования является частой причиной невыполнения заранее намеченных планов и мероприятий муниципалитетов, но пространная формулировка про наличие «объективных причин», не раскрывающаяся впоследствии и не дающая четкое понимание о складывающейся ситуации, на наш взгляд, не является уместной в контексте представления отчета муниципальных властей о проделанной за текущий год работе.

Резюмируя, можно сказать, что к организационным правовым формам на уровне муниципалитета относится вид деятельности муниципальных властей, который в целях реализации возложенных на них полномочий, законодательно зафиксирован.

В некоторых муниципалитетах, помимо прочего, разрабатываются планы мероприятий по социальной поддержке некоторых групп населения. Так, в городе Торжке ранее осуществлялся план мероприятий «Города для детей. 2020» по комплексной работе с семьями и детьми, которые столкнулись в жизни с трудностями. Программа была ориентирована на создание максимально благоприятных условий для развития, самореализации и воспитания подрастающего поколения. Также предусмотрена работа с детьми из числа сирот, инвалидов, с правонарушителями, не достигшими совершеннолетия. Специалисты стремятся сделать все возможное, чтобы сберечь их семью, вовлечь детей в культурную жизнь, проводят исторически-ориентированные мероприятия; мероприятия по повышению качества жизни и улучшению условий воспитания детей, проведению семейного досуга, а также туристической привлекательности города; воспитанию сопричастности детей к историческому и культурному наследию малой родины; улучшению положения детей, находящихся в конфликте с законом; формированию среды, благоприятной для роста и развития детей на территории муниципального образования Торжка. На сегодняшний день подобные социальные инициативы находят отражение в нескольких подпрограммах реализуемой муниципальной программы «Развитие социальной инфраструктуры города Торжка» на 2022–2027 гг.

Но несмотря на то, что одной из первостепенных задач социальной политики, как уже было упомянуто, государство ставит охрану здоровья граждан, повышение качества их жизни и долголетия, существенная убыль населения все так же имеет место. Например, в городе центрального федерального округа Туле, как и в других городах, уровень смертности преобладает над уровнем рождаемости. Это результат естественной убыли населения. Уменьшение количества населения прямо пропорционально сказывается на коэффициенте

демографической нагрузки. Федеральная служба государственной статистики (далее – Росстат) опубликовывала данные о смертности в регионах России, согласно которым в Брянской области в июне 2020 г. умерли 1 616 человек, что почти на 300 человек больше, чем было годом ранее. Смертность в регионе выросла на 22 %. Статистики не приводят объяснений этим цифрам. Отмечается, что в соседней Калужской области рост смертности в июне составил 32 %, в Смоленске 27 % [9]. В период пандемии эти цифры были еще выше. Так, уровень смертности в России за январь–октябрь 2020 г. достиг максимального значения за последние десять лет, следует из соотношения количества умерших на 10 тысяч живущих за соответствующие периоды 2011–2020 гг. (расчеты РБК произведены на основе данных Росстата) [11]. Примечательно, что до мая 2025 г. Росстат публиковал данные о демографической ситуации в своих ежемесячных докладах, именуемых «Социально-экономическое положение России». Впоследствии эта информация не представлялась до сих пор (на ноябрь 2025 г.). Данные доклада «Социально-экономическое положение России» за январь–апрель 2025 г. свидетельствуют о сохранившейся тенденции сокращения численности населения. В I квартале 2025 г. по сравнению с аналогичным периодом 2024 г. в России отмечалось снижение числа родившихся. В целом по стране в I квартале 2025 г. число умерших превысило число родившихся в 1,6 раза, как и в I квартале 2024 г., в 64 субъектах Российской Федерации это превышение составило 1,5–3,1 раза.

Определенным маркером успешности проводимой социальной политики, безусловно, являются демографические показатели, которые в последние годы вызывают озабоченность. Несмотря на те меры и усилия, которые предпринимает государство в области социальной политики, смертность превышает рождаемость. Это может свидетельствовать о низком качестве предоставляемых гражданам услуг, общей неудовлетворенности населения получаемой помощью от государства. Необходимо подчеркнуть, что существующая на данный момент социальная политика представляется недостаточно эффективной и отвечающей интересам граждан. Социальная политика должна быть в большей степени направлена на нужды и потребности нуждающихся слоев населения, граждан, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. Но также необходимо поддерживать и молодое поколение, стимулировать рождаемость, улучшать их материально-финансовое положение в первые годы самостоятельной, взрослой жизни.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Федеральный закон от 20.03.2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // СЗ РФ. 2025. № 12. Ст. 1200.

3. Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

4. Федеральный закон от 24.11.1995 г. №181-ФЗ (ред. от 07.03.2017 г.) «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» // СЗ РФ.1995. № 48. Ст. 4563.

5. Постановление Администрации города Костромы от 18.12.2024 г. № 2382 «Об утверждении порядка предоставления меры социальной поддержки в виде освобождения от внесения платы, взимаемой с граждан по договору социального найма за наем муниципального жилого помещения, расположенного на территории города Костромы, наниматель или член семьи нанимателя которого призван на военную службу по мобилизации в вооруженные силы российской федерации, заключил контракт (имеет иные правоотношения) с организациями, содействующими выполнению задач, возложенных на вооруженные силы российской федерации, поступил в созданные по решению органов государственной власти российской федерации добровольческие формирования, содействующие выполнению задач, возложенных на вооруженные силы российской федерации, в ходе специальной военной операции на территориях Украины, Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики с 24 февраля 2022 года, на территориях Запорожской и Херсонской областей с 30 сентября 2022 года, лицом, принимавшим в соответствии с решениями органов государственной власти Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики участие в боевых действиях в составе вооруженных сил Донецкой Народной Республики, народной милиции Луганской Народной Республики, воинских формирований и органов Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики, начиная с 11 мая 2014 года» [Электронный ресурс]. URL: https://gradkostroma.ru/i/u/docs/municipal/АГ-2024.12.18_N2382.pdf (дата обращения 14.04.2026).

6. Гафуров З.Ш., Николаенко И.Н. Социально-правовое государство: генезис, объективные основы, социальная природа // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2008. № 4 (60). С. 64.

7. Горшенев В.М. Правовые формы деятельности в общенародном государстве. Харьков, 1985. 192 с.

8. Зотов В.Б., Голованов В.И. Система муниципального управления в схемах: учебное пособие: изд. 4-е, доп. и перераб. М.: Юстицинформ, 2018. 166 с.

9. Данные о смертности в регионах России // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 15.03.2026).

10. Сводный годовой доклад о ходе реализации и оценке эффективности муниципальных программ города Костромы по итогам 2024 года [Электронный ресурс]. URL: https://grad.kostroma.gov.ru/deyatelnost/munitsipalnye-programmy.php (дата обращения: 14.04.2026).

11. Смертность в России на фоне пандемии стала рекордной за десять лет [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/society/16/12/2020/5fbd65c79a794747f677e904 (дата обращения: 31.03.2026).

Об авторе:

ОЧАГОВА Валерия Станиславовна – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры конституционного, административного и таможенного права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 6686-2358, AuthorID: 1290298, e-mail: Ochagova.VS@tversu.ru

Some aspects of the implementation of social policy by municipal authorities

V.S. Ochagova

Tver State University, Tver

The article discusses issues related to the provision of social guarantees at the municipal level. The article presents an analysis of the functional and competence mechanisms of the activities of local governments in the field of social policy implementation. The emphasis is placed on the specifics of regulatory and legal regulation, organizational and managerial models and the problems of resource provision in the provision of social services to the population within a single municipality.

Keywords: *social policy, local self-government, powers of local self-government bodies, issues of direct provision, vital activity of the population.*

About author:

OCHAGOVA Valeria – PhD in Law, senior lecturer at the department of constitutional, administrative and customs law, Tver State University, (Zhelyabova str., 33, Tver, 170100), SPIN-code: 6686-2358, AuthorID: 1290298, e-mail: Ochagova.VS@tversu.ru

Очагова В.С. Некоторые аспекты реализации социальной политики органами муниципальной власти // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 2 (86). С. 78–84.

Статья поступила в редакцию 10.05.2026 г.

Подписана в печать 10.06.2026 г.

Актуальные вопросы науки и правоприменительной практики

УДК 342.95:347.157+347.64
DOI: 10.26456/vtpravo/2026.2.085

Лица, участвующие в деле, как фактор законности разрешения дел в порядке глав 31.2 и 31.3 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации

О.В. Жукова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье анализируется состав лиц, участвующих в деле, при рассмотрении административных дел, связанных с применением к несовершеннолетним мер воспитательно-профилактического воздействия в случае совершения ими общественно опасных деяний. Специфика рассмотрения данных категорий дел заключается в том, что они базируются на правовых основах системы профилактики правонарушений несовершеннолетних, которые не только не соответствуют действующему законодательству, но и не содержат необходимых разъяснений, в том числе по вопросу о том, кто и в каком качестве должен участвовать в административном судопроизводстве. Отмечается целесообразность закрепления состава и процессуального положения всех заинтересованных лиц, поскольку сегодня в каждом конкретном случае этот вопрос решается исключительно судом. В работе проанализирована судебная практика по данным категориям дел, которая может помочь сформировать представление о том, в каком качестве будет участвовать тот или иной субъект правоотношений. Особое внимание уделено участию в судебном разбирательстве прокурора, органов опеки и попечительства, иных органов системы профилактики. Исследуется вопрос о статусе родителей как законных представителей несовершеннолетнего, поскольку они не являются лицами, участвующими в деле. Аналогичным образом решен и вопрос об адвокате как представителе несовершеннолетнего, который также относится к иным участникам судебного процесса. Обосновывается, что адвокат как представитель не только обеспечивает реализацию конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи, но и является самостоятельным субъектом, у которого может быть иная позиция по делу. Представляется, что по данным категориям дел приоритет должен отдаваться принципу законности и не зависеть от позиции несовершеннолетнего и его законных представителей в процессе.

Ключевые слова: *административное судопроизводство, лица, участвующие в деле, прокурор, органы опеки и попечительства, законные представители, адвокат, несовершеннолетний.*

© Жукова О.В., 2026

Рассмотрение дела в суде предполагает не только определение закона, подлежащего применению, и фактов, которые должны быть установлены, но и состава лиц, участвующих в деле, как условие законности разрешения спора. Хотя эта задача является единой для всего цивилистического процесса (этот термин в последнее время приобрел почти официальный статус), то, как показывает анализ соответствующих норм различных процессуальных кодексов, состав лиц, участвующих в деле, не является единообразным в гражданском процессе и административном судопроизводстве.

В гражданском процессе к лицам, участвующим в деле, относятся стороны (истец и ответчик), третьи лица (заявляющие самостоятельные требования относительно предмета спора и не заявляющие таких требований), прокурор, лица, обращающиеся в суд за защитой прав, свобод и законных интересов других лиц или вступающие в процесс в целях дачи заключения, заявители и другие заинтересованные лица по делам особого производства. В свою очередь в административном судопроизводстве не только закреплен иной состав лиц, участвующих в деле, но и присутствует объединенный термин – заинтересованные лица. В частности, ст. 47 Кодекса административного судопроизводства РФ [1] (далее – КАС РФ) установлено, что под заинтересованным лицом понимается лицо, права и обязанности которого могут быть затронуты при разрешении административного дела.

Представляется целесообразным использование различной терминологии в процессуальном законодательстве только тогда, когда это действительно оправданно спецификой процесса, что не всегда очевидно. Но, с другой стороны, законодательство об административном судопроизводстве, наверное, вполне оправдано закрепляет более широкий термин «заинтересованные лица». Поскольку очень сложно определить процессуальный статус участников процесса по всем категориям административных дел. Возможно, этот термин даже в большей степени подходит и для гражданского процесса. Ведь, если говорить о третьих лицах, не заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора, то это тоже очень своеобразное понятие. Кроме того, необходимость участия именно заинтересованных лиц может возникнуть, например, при рассмотрении групповых исков. Этот термин сам по себе является более точным при определении состава лиц, участвующих в деле. Но в связи с тем, что КАС РФ имеет особую структуру, в соответствии с которой каждой категории дел посвящена отдельная самостоятельная глава, зачастую в ней уже указано, кто должен участвовать в судебном разбирательстве.

Процессуальный порядок, закрепленный в гл. 31.2 и 31.3 КАС РФ, в своей основе базируется на положениях Федерального закона от 24.07.1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [2] (далее – ФЗ

об основах системы профилактики несовершеннолетних), который был принят еще в прошлом веке. И можно с уверенностью утверждать, что этот закон не только устарел, но и не соответствует современному законодательству [4, с. 67–70]. Кроме того, ФЗ об основах системы профилактики несовершеннолетних не содержит необходимых разъяснений, в том числе и по вопросу о том, кто и в каком качестве должен участвовать в судебном разбирательстве при применении к несовершеннолетним правонарушителям мер воспитательного воздействия. Так, в ст. 4 закона перечислены только органы власти, которые входят в систему профилактики правонарушений несовершеннолетних. Статья 22 содержит основания и порядок обращения при помещении в центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел (далее – специальные центры). Положения о пребывании несовершеннолетних правонарушителей в специальном учебно-воспитательном учреждении закрытого типа (далее – специальное учреждение) закреплены в ст. 26. Получается, что в ФЗ об основах системы профилактики несовершеннолетних перечислены только лица, которые могут быть привлечены при рассмотрении административных дел. Важно именно закрепление процессуального положения заинтересованных лиц, поскольку сегодня в каждом конкретном случае этот вопрос решается исключительно судом. В частности, когда и кого необходимо привлекать к участию в деле. Кроме того, в КАС вообще нет такой процессуальной фигуры, как адвокат, который поименован в ФЗ об основах системы профилактики несовершеннолетних. Поэтому анализ существующей судебной практики может помочь сформировать представление о том, в каком качестве будет участвовать тот или иной субъект правоотношений.

Интерес представляет вопрос о процессуальном положении прокурора, поскольку он является специфическим субъектом независимо от вида судопроизводства, сохраняющий не только свое наименование и не занимающий какого-то иного положения, но и реализующий свою основную функцию, несмотря на форму участия в суде. По данным категориям дел прокурор, осуществляя защиту публичных интересов, обращается в суд с целью не только привлечь несовершеннолетнего к ответственности и не допустить совершения им повторных общественно опасных деяний, но и обеспечить защиту частных интересов – самого несовершеннолетнего правонарушителя. Поэтому процессуальное положение прокурора в суде определяется возложенными на него публичными функциями [7, с. 16]. Представляется, что и при помещении несовершеннолетних в специальный центр или учреждение прокурор также должен занимать особое положение. Ведь, с одной стороны, он может быть в процессе лицом, которое дает заключение по делу, но с другой стороны, у него несколько иной статус. Все-таки прокурор не просто дает заключение с точки зрения законности применения мер

воспитательного воздействия к несовершеннолетнему, но и должен выступить основным субъектом, который в данной ситуации обеспечивает защиту неопределенного круга лиц, т. к. при помещении подростка, склонного к девиантному поведению, прокурор обеспечивает безопасность от антиобщественных проявлений со стороны этого несовершеннолетнего. И, соответственно, в гл. 31.2 и 31.3 КАС РФ должно быть закреплено право только прокурора на обращение в суд с административным исковым заявлением о помещении несовершеннолетнего в специальный центр или учреждение, а не органов внутренних дел. Вместе с тем не совсем верно именовать прокурора административным истцом, поскольку это будет особый случай предъявления прокурором административного иска именно в защиту неопределенного круга лиц в порядке ст. 39 КАС РФ.

В полной мере не решен вопрос о процессуальном статусе органов опеки и попечительства, которые, по сути, должны занимать особое положение в процессе. Поскольку их интерес проявляется в том, что, участвуя в судебном разбирательстве по этим категориям дел, органы опеки и попечительства осуществляют в такой специфической форме свою основную функцию – защиту прав и интересов несовершеннолетних. И именно реализацией этой функции и определяется их обязательное участие в процессе. Ведь нельзя допустить, чтобы они были просто сторонними наблюдателями, которых пригласили в суд для того, чтобы они посмотрели процесс. Напротив, суд должен не только выяснить, какова роль органов опеки и попечительства в профилактике девиантного поведения несовершеннолетнего, но и установить причины, по которым семья несовершеннолетнего состоит на учете как находящаяся в социально-опасном положении.

Проблема осложняется тем, что органы опеки и попечительства во всех субъектах РФ малочисленны, а также состоит в том, что в каждом регионе вообще не существует такого самостоятельного органа власти. Поэтому статус органов опеки и попечительства зависит от того, на какой орган государственной или муниципальной власти возложены эти полномочия. Зачастую в органах опеки и попечительства работают люди, которые не имеют профильного образования (например, юридического). При этом в соответствии со ст. 70 Семейного кодекса РФ именно на органы опеки и попечительства возложена обязанность по охране прав несовершеннолетних детей. Собственно органы опеки и попечительства имеют первоочередное право на обращение в суд с требованием о лишении родительских прав. И в судебной практике встречаются случаи, когда при лишении родительских прав именно орган опеки и попечительства выступает истцом по делу [11, 12]. Вместе с тем эти полномочия не реализуются в рамках рассмотрения дел о помещении несовершеннолетних в специальный центр или учреждение, даже несмотря на то, что судом может быть установлено, что родители

осуществляли свои права в ущерб интересам ребенка, не исполняли надлежащим образом свои обязанности, не обеспечивали получение им общего образования.

Так, например, при обращении ОМВД России по г. Обнинску с административным иском о помещении несовершеннолетней в специальный центр было установлено, что ребенок воспитывается в неполной семье, мать несовершеннолетней умерла. Отец состоит на профилактическом учете за ненадлежащее исполнение родительских обязанностей, своевременно не обращался в полицию с сообщением о самовольных уходах несовершеннолетней из дома, поскольку часто находился в рабочих командировках в других регионах. Сам подросток неоднократно совершала общественно опасные деяния, но не была привлечена к ответственности в связи с недостижением возраста. Несовершеннолетняя была помещена в социальный центр для получения необходимых мер поддержки, но самовольно покинула этот центр. Сотрудники полиции смогли ее найти в другом субъекте РФ. Причиной самовольного ухода подростка из дома является желание находиться на улице в позднее время суток без какого-либо контроля со стороны взрослых. В судебном заседании участвовал представитель органа опеки и попечительства, но вопрос об ограничении или лишении отца родительских прав не исследовался [22]. Стоит отметить, что факт уклонения от выполнения обязанностей родителями постоянно отмечается в судебной практике в случаях удовлетворения судом требований о помещении подростков в специальный центр или учреждение [13, 14].

В качестве заинтересованных лиц по данным категориям также нередко привлекают представителей подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел, комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, иных органов, входящих в систему профилактики правонарушений. Например, педагог того образовательного учреждения, где проходит обучение несовершеннолетний, может сообщить о том, находится ли он под контролем родителей (законных представителей), регулярно ли посещает образовательное учреждение или имеются систематические пропуски занятий по неуважительным причинам, другие сведения о поведении подростка. Но вызывает сомнение, что сотрудники всех органов, входящих в систему профилактики, должны участвовать в судебном разбирательстве в качестве заинтересованных лиц. Скорее всего, информация, которую они сообщают суду о несовершеннолетнем правонарушителе, является их показаниями как свидетелей. Поэтому в процесс должен привлекаться не орган системы профилактики как лицо, участвующее в деле, а то должностное лицо, в чью компетенцию входит представление такой информации. Ведь цель участия всех этих должностных лиц – дать характеристику несовершеннолетнему

правонарушителю, его поведению, что и составляет предмет доказывания по данным категориям дел.

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что в случае удовлетворения административных исковых требований о направлении несовершеннолетнего в специальное учреждение в этом судебном решении должен быть указан срок помещения подростка в специальный центр, необходимый для его доставления в специальное учреждение. Но такое пребывание подростка в специальном центре не является ни мерой воспитательного воздействия, ни мерой ответственности. Поскольку только сотрудники органов внутренних дел могут доставить несовершеннолетнего в специальное учреждение. И в тех случаях, когда срок, установленный в судебном решении для доставки подростка, окажется недостаточным для решения организационных вопросов (оформление заявки на выделение путевки, издание приказа, заказ билетов, другие организационные вопросы), представитель подразделения по делам несовершеннолетних, в ведении которого находится соответствующий специальный центр, обязан повторно обратиться в суд с требованиями о продлении нахождения несовершенного в специальном центре. При этом в судебном заседании участвуют те же лица, что и при решении вопроса о направлении несовершеннолетнего в специальное учреждение [27].

Более того, проблематичным является и вопрос о статусе родителей как законных представителей несовершеннолетнего. В настоящее время все процессуальные кодексы содержат главы, которые так и именуются – представительство. Такое закрепление означает, что представительство необходимо рассматривать как какой-то институт, а не представителя как субъекта процесса. Но при этом ст. 48 КАС РФ, в отличие от гражданского процессуального законодательства, называет представителей в качестве иных участников судебного процесса без какой-либо оговорки по отношению к законным представителям. Получается, что законные представители даже по КАС РФ не являются лицами, участвующими в деле, и не обладают юридической заинтересованностью в процессе. Ведь подростки могут пребывать в специальном учреждении с 11 до 18 лет, а возраст, с которого несовершеннолетние помещаются в специальные центры, законодательно не установлен. Поэтому по данным категориям дел несовершеннолетние не обладают полной процессуальной дееспособностью. Это значит, что она должна быть восполнена участием в деле законных представителей. Однако это не всегда возможно: суд вправе отстранить законного представителя от участия в деле, если считает, что его действия наносят ущерб интересам несовершеннолетнего или законный представитель совершил общественно опасное деяние в отношении несовершеннолетнего или вместе с ним [8]. В случае противоречия интересов несовершеннолетнего

и его родителей недопустимо привлечение органов опеки и попечительства в качестве законных представителей, поскольку заинтересованность в деле у законного представителя и у органа, участвующего в судебном разбирательстве в порядке ст. 47 КАС РФ, разная [6, с. 35]. Вряд ли можно говорить о том, что родители как законные представители не имеют никакого юридического интереса в процессе. Поэтому вопрос об участии родителей как законных представителей при рассмотрении дел в порядке гл. 31.2 и 31.3 КАС РФ заслуживает подробного самостоятельного изучения. Только отметим, что по общему правилу родители несовершеннолетних правонарушителей привлекаются в процесс как законные представители несовершеннолетнего. Представляется, что именно родители должны занимать активную позицию по делу, участвовать в процессе доказывания, поскольку, например, могут сообщить суду сведения, которые препятствуют помещению подростка в специальный центр или учреждение. Так, суд, принимая во внимание состояние здоровья несовершеннолетнего и учитывая, что в специальном центре отсутствуют необходимые врачи, которые в случае ухудшения здоровья несовершеннолетнего могут оказать ему необходимую помощь, вправе отказать в удовлетворении административного иска [24].

Можно привести и другой пример судебной практики, в котором Девятым кассационным судом общей юрисдикции было отменено решение суда первой и апелляционной инстанции, административное дело направлено на новое рассмотрение в связи с тем, что органом внутренних дел не представлено и судами не было истребовано заключение медицинской организации об установлении наличия (отсутствия) у несовершеннолетнего Р. заболевания либо особенностей психического и физического развития, препятствующих его пребыванию в специальном учреждении, которое должно включать, в числе прочего, психиатрическое освидетельствование, проведенное детским врачом-психиатром. Судами первой и апелляционной инстанций не была дана и оценка пояснений матери Р. о том, что бабушка ее сына страдала таким заболеванием, как шизофрения. В суде апелляционной инстанции были даны пояснения руководителя территориальной психо-медико-педагогической комиссии, в соответствии с которыми заключение комиссии содержит особое мнение специалистов о необходимости консультации в психиатрическом учреждении [9].

Или другой пример судебной практики, в котором родители как законные представители малолетнего возражали против изоляции 11-летнего ребенка на срок до 30 суток, поскольку утверждали, что условия ограниченной свободы могут вызвать стресс у ребенка, усугубить поведенческие проблемы. Родители подтвердили готовность участвовать в альтернативных мерах – работе с психологом в школе, семейном консультировании. Эти меры не только менее травматичны, но и более

соответствуют цели предупреждения правонарушений [20]. Суд отказал в удовлетворении требований и поддержал предложение родителей о возможном изменении поведения несовершеннолетнего без помещения в специальный центр.

Аналогичным образом получается, что и адвокат как представитель несовершеннолетнего также не имеет статуса лица, участвующего в деле, а относится к иным участникам судебного процесса в соответствии со ст. 48 КАС РФ. Уже давно ведется дискуссия о том, что адвокат как обязательный представитель по определенным категориям дел обладает юридической заинтересованностью, поскольку он обеспечивает реализацию не только конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи, но и является самостоятельным субъектом, у которого может быть иная позиция по делу, но при этом преимущество имеет позиция доверителя. Представляется, что в случаях, когда предусмотрено обязательное участие адвоката как представителя несовершеннолетнего, приоритет должен отдаваться принципу законности и не зависеть от позиции несовершеннолетнего и его законных представителей. Ведь адвокат по данным категориям дел может участвовать в судебном разбирательстве как единственный представитель, например, в тех случаях, когда родители не могут быть привлечены в качестве законных представителей в силу противоречия интересам несовершеннолетнего. Вместе с тем в юридической литературе отмечается, что позиция адвоката как представителя по этим административным делам может быть достаточно формальной и заключаться только в поддержке мнения законного представителя, по мотивам необходимости совпадения позиции адвоката и представляемой им стороны [5, с. 66]. Анализ судебной практики показывает, что в основном адвокаты как представители поддерживают позицию родителей подростка [18].

Так, например, при обращении в суд УМВД России по г. Алуште с требованием о помещении О.Р. в специальный центр было установлено, что законный представитель административного ответчика в судебном заседании против исковых требований не возражала, поскольку полагала, что это будет осуществлено в интересах несовершеннолетнего и в целях предупреждения совершения им повторно общественно опасных деяний. Адвокат, участвующий в деле, в судебном заседании также заявил, что, учитывая позицию законного представителя несовершеннолетнего, не возражает против удовлетворения исковых требований [24].

Хотя есть и другие примеры, которые показывают, что, несмотря на позицию несовершеннолетнего и его законного представителя, адвокат может в ходе рассмотрения дела просить суд отказать в удовлетворении административного иска, мотивируя тем, что необходимо учесть данные о личности несовершеннолетнего, его семейное окружение, а также тот факт, что помещение подростка в специальный центр преждевременно,

т. к. проведенных мер профилактической работы за короткий промежуток времени было явно недостаточно для вывода о его склонности к совершению повторных противоправных деяний [17].

Адвокат может стать единственным представителем также в случаях помещения в специальный центр для несовершеннолетних иностранных граждан [21, 26]. Ведь, если несовершеннолетний иностранный гражданин нарушает требования миграционного законодательства и режим пребывания, а самое главное – проживает на территории РФ без законных представителей, то единственный способ обеспечения защиты его жизни и здоровья – это помещение в специальный центр для последующей передачи под надзор родителей либо органов власти, исполняющих функции органа опеки и попечительства, государства, гражданином которого и является этот несовершеннолетний [3]. Хотя в отдельных случаях суды в качестве законных представителей привлекают органы опеки и попечительства [23].

Следует обратить внимание на положения ст. 285.16 КАС РФ, в которых закреплено обязательное участие адвоката по делам, связанным с пребыванием в специальном учреждении. Ведь гл. 31.3 КАС РФ предусматривает и иные категории дел, например, о продлении срока пребывания в таком учреждении, о досрочном прекращении пребывания, о переводе в другое учреждение, о восстановлении срока пребывания в специальном учреждении, а также предусмотрены отдельные положения о проведении медицинского освидетельствования несовершеннолетнего в недобровольном порядке. Получается, что обязательное участие адвоката обусловлено характером данных правоотношений и необходимостью защиты прав и интересов несовершеннолетнего. Так, например, адвокат как представитель несовершеннолетнего обязательно должен участвовать при рассмотрении дела о продлении срока пребывания в специальном учреждении в случаях, если необходимо завершение освоения соответствующих образовательных программ или профессионального обучения [15, 19].

Кроме того, с административным исковым заявлением о досрочном прекращении пребывания подростка в специальном учреждении может обратиться не только учреждение, в котором он находится, но и сам несовершеннолетний. Безусловно, без помощи адвоката подросток не сможет подготовить все необходимые документы в суд, обосновать положительную динамику в исправлении своего поведения, а также положительные результаты в обучении, что может свидетельствовать об отсутствии необходимости в дальнейшем пребывании в учреждении [16]. Возможно, адвоката-представителя следует привлекать еще до обращения в суд, на этапе, когда будет принято заключение психолого-медико-педагогической комиссии о целесообразности досрочного прекращения его пребывания в специальном учреждении.

Приоритет законности проявляется также в том, что адвокат имеет право обжаловать решение суда первой инстанции независимо от позиции по делу несовершеннолетнего и его законных представителей. Так, например, адвокат как представитель по делу обратился с апелляционной жалобой на решение Дорогомиловского районного суда г. Москвы, поскольку считал, что оно принято с нарушением норм материального и процессуального права [10]. Безусловно, самостоятельно несовершенный правонарушитель вряд ли смог бы обеспечить защиту своих прав и интересов в суде второй инстанции.

В заключение необходимо отметить, что правовое регулирование системы профилактики несовершеннолетних предполагает обязательное закрепление разъяснений по вопросу надлежащего определения положения всех лиц, которые должны участвовать в судебном разбирательстве при применении к несовершеннолетним правонарушителям мер воспитательного воздействия. Ведь правильное определение состава всех заинтересованных в процессе лиц напрямую связано с обеспечением прав и законных интересов несовершеннолетних.

Список литературы

1. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 г. № 21-ФЗ (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.
2. Федеральный закон от 24.07.1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // СЗ РФ. 1999. № 26. Ст. 3177.
3. Приказ МВД России от 27.11.2023 г. № 908 «Об утверждении Наставления по организации деятельности центров временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 20.04.2026).
4. Жукова О.В. Вопросы обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетних правонарушителей // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 2 (82). С. 66–77.
5. Иванов Д.А. Участие адвоката по назначению по административным делам и делам об административных правонарушениях // Роль адвоката в обеспечении эффективности судебной защиты: монография / под общ. ред. Л.В. Тумановой. М.: Проспект, 2023. 160 с.
6. Решетникова И.В. Обязательное представительство и доказывание в административном судопроизводстве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2025. № 6. С. 33–39.
7. Рогачева О.С. Участие прокурора при рассмотрении отдельных категорий административных дел: формы участия и особенности процессуального положения // Журнал административного судопроизводства. 2018. № 2. С. 14–22.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2024 г. № 20 «О некоторых вопросах, возникающих в практике судов общей юрисдикции при рассмотрении административных дел, связанных с пребыванием

несовершеннолетнего в центре временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органа внутренних дел, в специальном учебно-воспитательном учреждении закрытого типа (главы 31.2 и 31.3 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» // Российская газета. 2024. 9 июля.

9. Кассационное определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 11.09.2024 г. по делу № 88а-8278/2024 // СПС «Консультант Плюс».

10. Апелляционное определение Московского городского суда от 23.09.2025 г. № 33а-7151/2025 // СПС «Консультант Плюс».

11. Решение Булунского районного суда республики Саха (Якутия) от 15.03.2021 г. по делу № 2-ZH-12/2021 [Электронный ресурс]. URL: https://bulun--jak.sudrf.ru (дата обращения: 20.04.2026).

12. Решение Алтайского районного суда Республики Хакасия от 16.05.2022 г. по делу № 2-250/2022 [Электронный ресурс]. URL: https://altaysky--hak.sudrf.ru (дата обращения: 20.04.2026).

13. Решение Бурейского районного суда Амурской области от 06.03.2023 г. по делу № 2а-108/2023 // СПС «Гарант».

14. Решение Холмского городского суда Сахалинской области от 11.02.2025 г. по делу № 2А-335/2025 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru (дата обращения: 20.04.2026).

15. Решение Себежского районного суда Псковской области от 12.03.2025 г. по делу № № 2А-108/2025 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru (дата обращения: 20.04.2026).

16. Решение Себежского районного суда Псковской области от 13.03.2025 г. по делу № 2а-109/2025 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru (дата обращения: 20.04.2026).

17. Решение Волжского городского суда Волгоградской области от 18.03.2025 г. по делу № 2а-2055/2025 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru (дата обращения: 20.04.2026).

18. Решение Черемушкинского районного суда г. Москвы от 25.03.2025 г. по делу № 2а-591/2025 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru (дата обращения: 20.04.2026).

19. Решение Себежского районного суда Псковской области от 02.04.2025 г. по делу № 2А-133/2025 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru (дата обращения: 20.04.2026).

20. Решение Ленинского районного суда г. Красноярска от 04.04.2025 г. по делу № 2а-1741/2025 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru (дата обращения: 20.04.2026).

21. Решение Люблинского районного суда г. Москвы от 11.04.2025 г. по делу № 2а-436/2025 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru (дата обращения: 20.04.2026).

22. Решение Обнинского городского суда Калужской области от 22.09.2025 г. по делу № 2А-2391/2025 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru (дата обращения: 20.04.2026).

23. Решение Куйбышевского районного суда г. Самары от 09.10.2025 г. по делу № 2А-2259/2025 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru (дата обращения: 20.04.2026).

24. Решение Алуштинского городского суда Республики Крым от 14.10.2025 г. по делу № 2А-1528/2025 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru (дата обращения: 20.04.2026).

25. Решение Каспийского городского суда республики Дагестан от 20.10.2025 г. по делу № 2А-2864/2025 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru (дата обращения: 20.04.2026).

26. Решение Симоновского районного суда г. Москвы от 21.10.2025 г. по делу № 02А-3100/2025 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru (дата обращения: 20.04.2026).

27. Решение Дзержинского районного суда г. Перми от 23.10.2025 г. по делу № 2а-3061/2025 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru (дата обращения: 20.04.2026).

Об авторе:

ЖУКОВА Олеся Витальевна – кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой судебной власти и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 4257-9631, AuthorID: 322563; ORCID: 0000-0001-6716-3726, e-mail: Zhukova.OV@tversu.ru

Participants in a case as a factor in the legality of case resolution under chapters 31.2 and 31.3 of the Code of administrative procedure of the Russian Federation

O.V. Zhukova

Tver State University, Tver

This article analyzes the composition of the parties involved in administrative cases involving the application of preventive measures to minors for committing socially dangerous acts. The specific nature of these categories of cases lies in their reliance on legal frameworks for juvenile delinquency prevention, which not only fail to comply with current legislation but also lack necessary clarification, including on who should participate in administrative proceedings and in what capacity. The article emphasizes the advisability of establishing the composition and procedural status of all interested parties, as currently this issue is determined exclusively by the court in each specific case. The article analyzes judicial practice in these categories of cases, which can help formulate an understanding of the capacity of each party involved. Particular attention is paid to the participation of the prosecutor, guardianship and trusteeship authorities, and other preventive bodies in the proceedings. The issue of the status of parents as legal representatives of a minor is examined, as they are not parties to the case. The issue of a lawyer as a representative of a minor, who is also considered a participant in the legal proceedings, is similarly resolved. It is argued that a lawyer, as a representative, not only ensures the exercise of the constitutional right to qualified legal assistance but is also an independent subject who may have a different position on the case. It is believed that in these categories of cases, priority should be given to the

principle of legality and should not depend on the position of the minor and their legal representatives in the proceedings.

Keywords: *administrative proceedings, parties to the case, prosecutor, guardianship and trusteeship authorities, legal representatives, lawyer, minor.*

About author:

ZHUKOVA Olesya – PhD in Law, Associate Professor, Head at the Department of Judicial Power and Law Enforcement of the Tver State University (Tver, Zhelyabova st., 33), SPIN-code: 4257-9631, AuthorID: 322563; ORCID: 0000-0001-6716-3726, e-mail: Zhukova.OV@tversu.ru

Жукова О.В. Лица, участвующие в деле, как фактор законности разрешения дел в порядке глав 31.2 и 31.3 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 2 (86). С. 85–97.

Статья поступила в редакцию 10.05.2026 г.

Подписана в печать 10.06.2026 г.

УДК 343.9
DOI: 10.26456/vtpravo/2026.2.098

«Беловоротничковый профессионал» как преступник «нового типа» современности[1]

К.А. Зарубина

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», г. Курск

В статье исследуется профессиональная «беловоротничковая» преступность в России как опасное явление современности. Определено, что указанная разновидность преступной деятельности имеет ряд отличительных от «традиционных» форм криминального поведения «профессионалов» черт. Целью настоящего исследования является установление ключевых характеристик профессиональной «беловоротничковой» преступности в России в современных условиях трансформации криминального профессионализма. Для достижения поставленной цели в исследовании применялись методы синтеза, анализа, обобщения, а также формально-юридический метод. В ходе исследования определено, что «беловоротничковые профессионалы» как преступники «нового типа», обладающие легальным профессиональным статусом, используют свои юридические, финансовые и управленческие компетенции в противоправных целях и легко трансформируют легальные знания и институциональные ресурсы в инструмент преступной деятельности. Также установлено, что важной чертой данного криминального явления выступает моральная амбивалентность и деформация профессионального сознания, выражающаяся в феномене «двойной морали компетентности», когда нарушение закона воспринимается как рационально оправданное средство достижения личных целей. Кроме того, выявлено, что в современных условиях данный вид преступной деятельности приобретает гибридный характер, сочетая признаки и «беловоротничковой», и организованной преступности, в результате чего профессиональная «беловоротничковая» преступность выступает одной из опасных форм современной криминальной активности, требующей комплексного научного осмысления и выработки новых подходов к противодействию данному явлению.

Ключевые слова: *криминальный профессионализм, профессиональная преступность, «беловоротничковая» преступность, профессиональный преступник, служебное положение.*

Феномен профессиональной преступности традиционно связывают с деятельностью устойчивых криминальных сообществ, члены которых обладают криминальной квалификацией, специализацией, связями с

[1] НИР подготовлена в рамках выполнения Госзадания Правовые меры обеспечения стратегических приоритетов по противодействию угрозам национальной безопасности (FENM-2025-0010). Регистрационный номер 1024031900131-7-5.5.1

© Зарубина К.А., 2026

преступной средой, необходимыми для систематического совершения преступлений с целью извлечения постоянного дохода от такой общественно опасной деятельности и обеспечения собственной неуязвимости от уголовного преследования. Однако в последние десятилетия наблюдается процесс качественной трансформации преступности, вызванный усложнением экономических отношений и социально-экономических структур общества. В этих условиях активно развивается такой относительно новый вид преступности, как «беловоротничковая».

Понятие «беловоротничковая» преступность («white-collar crime») впервые в научный оборот было введено известным американским криминологом Э.Х. Сатерлендом. В работе «Беловоротничковая преступность», изданной в 1939 г., Эдвин Хардин указывал на формирование преступной деятельности «нового типа», так называемую «беловоротничковую» преступность, представляющую собой совокупность преступлений, «совершенных респектабельными лицами с высоким социальным статусом в процессе их профессиональной деятельности» [9, с. 45–59]. В дальнейшем многочисленные дискуссии среди криминологов относительно сущности, природы возникновения преступной деятельности такого рода привели к формированию разных точек зрения на предмет содержания данного или смежных понятий.

Часть исследователей в качестве синонима «беловоротничковой» преступности стали употреблять понятие «профессиональная преступность», подразумевая под этим правонарушения, совершаемые лицами на государственной службе, в деловой сфере или представителями свободных профессий [5, с. 290]. Другие, например Я.И. Гилинский, ввели в научный оборот тождественный термин «респектабельная преступность», выделяя в качестве подвидов такой преступности экономическую, должностную и политическую [2, с. 227]. Также в качестве схожих по сущностному содержанию видов преступности нередко выделяют «служебные преступления» и «корпоративную преступность», подразумевая под первыми все правонарушения, совершаемые в процессе исполнения тех или иных служебных функций», а под вторыми – «хозяйственную» или «экономическую» преступность [13, с. 44]. А некоторые исследователи стали использовать в качестве синонима «беловоротничковой» преступности термин «бизнес-преступность» [10, с. 30].

Несмотря на то что представленные понятия нередко не совпадают по объему, а суждения как отечественных, так и зарубежных криминологов относительно содержания рассматриваемой разновидности преступной деятельности и в целом указанного вида преступности противоречивы и неоднозначны, в общем виде большинство исследователей в настоящее время придерживаются мнения о том, что под «беловоротничковой» (или тождественной по

наименованию) преступностью следует подразумевать совокупность преступлений, совершенных лицом или группой лиц в процессе выполнения законной профессиональной деятельности (с использованием своего должностного, служебного положения). При этом именно такого рода противоправная деятельность одинаково признается большей частью криминологов особо опасной в условиях современной трансформации экономических отношений и социально-экономических структур общества.

Отдельно подчеркнем, что ориентация такого рода криминальной активности на получение прибыли от совершения преступлений «на службе» или с использованием должностного положения неизбежно сближает указанный вид преступности с одним из наиболее опасных видов преступной деятельности, имеющим особо ярко выраженную направленность на получение дохода от совершения преступлений, но уже на постоянной основе, – с профессиональной преступностью, что справедливо отмечают отдельные современные исследователи [6, с. 121–128]. Однако уточним, что в этом случае абсолютное тождество, устанавливаемое, как указывалось ранее, некоторыми учеными между «беловоротничковой» и профессиональной преступностью, исходя из соображений об использовании своего профессионального положения при совершении преступлений, не совсем верно, поскольку в данном сочетании только «беловоротничковые» преступники совершают преступления с использованием такого положения, а преступники-профессионалы применяют для достижения преступных целей специальные криминальные умения и навыки, не связанные с их официальной трудовой деятельностью, и тем самым проявляют криминальный профессионализм. Так, соглашаясь с мнением С.К. Илий [4, с. 102–106], определим, что несмотря на формальное тождество «беловоротничковой» и профессиональной преступности в криминологической наукепод данными видами преступности справедливо подразумевают разные явления, хотя, как уже отмечалось ранее, одной из разновидностей профессиональной преступности в современности справедливо является профессиональная «беловоротничковая» преступная деятельность, которая имеет ряд отличительных характеристик.

В первую очередь укажем, что в отличие от «классических форм» проявления профессиональной преступности, где центральную роль играют криминальные умения и навыки (например, навыки изготовления поддельных денежных средств при фальшивомонетничестве, проникновения в карманы верхней одежды при совершении карманной кражи, психологических уловок при занятии на профессиональной основе мошенничеством и т. д.), профессионализм «беловоротничкового» преступника выражается в юридической, финансовой и управленческой компетенции, полученной при

осуществлении легальной трудовой деятельности. Отдельно подчеркнем, что соответствующие знания, умения и навыки такие преступники приобретают именно «на работе», ввиду чего они одновременно являются и криминальными знаниями, умениями и навыками, позволяющими им вести преступную деятельность и оставаться неуязвимыми к уголовному преследованию, и не являются таковыми.

В качестве примера приведем дело преступного сообщества, состоящего из сотрудников органов внутренних дел и осуществляющего на протяжении продолжительного периода времени на территории Краснодарского края «покровительство» за установленную сумму, полученную в виде взятки, лицам, осуществляющим торговую деятельность с нарушениями. Согласно материалам следствия, должностные лица Главного управления Министерства внутренних дел России (далее – ГУ МВД России), входящие в данное преступное сообщество, производили подыскание лиц, осуществляющих торговую деятельность, для систематического получения денежных средств в виде взяток за совершение заведомо незаконных бездействий, а именно – непроведение проверок соблюдения административного и иного законодательства в сфере потребительского рынка, тем самым обеспечив их непривлечение к административной и иной ответственности. Сумма взятки в данном случае составляла от 1 000 до 50 000 рублей в месяц, которую надлежало передавать одному из членов преступного сообщества с заранее установленной систематичностью. Обратим особое внимание на то, что должностные лица ГУ МВД России, входящие в данное преступное сообщество, с целью сокрытия непроведения проверок в отношении «покровительствуемых лиц», применяли свои профессиональные знания, умения и навыки, тем самым «перепрофилируя» их в криминальные. Так, например, используя знания об осуществлении торговли немаркированной акцизами табачной продукции, алкогольной продукции без лицензии, ведения торговой деятельности без регистрации юридического лица или в качестве индивидуального предпринимателя и прочих законодательных основ в сфере потребительской торговли, члены преступного сообщества настойчиво предупреждали предпринимателей о мерах ответственности за ведение подобной противозаконной деятельности, предлагали свою «помощь» и фактически осуществляли «юридическое сопровождение» их торговли [16]. Вследствие этого заключим, что несмотря на то, что деятельность данного преступного сообщества была соответствующим образом организованна, такого рода криминальная активность, ввиду наличия признака систематичности совершения преступления с целью получения постоянного дохода (ежемесячно в строго определенных суммах), криминальной специализации (исключительно на «торговых объектах») и криминальной квалификации (использования умений и навыков «работы» с «потенциальными объектами» «торгового

крышевания»), составляющих неотъемлемые элементы структуры криминального профессионализма, является не только организованной, но и профессиональной преступной. Кроме того, данная общественно опасная деятельность вполне обоснованно может быть квалифицирована как форма «беловоротничковой» преступности, природа которой обусловлена спецификой служебно-должностной деятельности субъектов преступления, что в полной мере соответствует характеру профессиональной активности сотрудников правоохранительных органов в рассматриваемом примере.

Также к криминологическим особенностям профессиональной «беловоротничковой» преступности можно отнести использование данными лицами для достижения преступных целей не только своих профессиональных знаний, умений и навыков, но и непосредственно легальных институтов – банковской системы, финансовых инструментов, государственных закупок, IT-платформ и т. д. Так, например, гражданка А. в нарушение своих служебных обязанностей бухгалтера ФКУ «КП-2 УФСИН России по Алтайскому краю» в период времени с 2017 по 2018 г., действуя из корыстных побуждений, производила систематическое хищение путем обмана и злоупотребления доверием денежных средств в особо крупном размере, принадлежащих учреждению, выделенных на оплату труда и иные выплаты его работникам. Для реализации преступного умысла гражданка А. использовала не только свои профессиональные знания, умения и навыки, но и специальное программное обеспечение, установленное на ее рабочем компьютере, например, программу «Сбербанк Бизнес Онлайн». Вследствие этого виновная похитила денежные средства на сумму более 1,5 млн рублей, причем платежи поступали на банковские счета гражданки А. в течение продолжительного периода, т. е. систематически, что также указывает на наличие криминального профессионализма, обнаруживаемого в ее действиях [17].

Как видим, легальные ресурсы, вовлекаемые в подобную деятельность, выступают не просто вспомогательным элементом, а неотъемлемым инструментом конструирования преступных «схем». Первоначально функционируя вне криминального контекста, они со временем превращаются в структурную основу формирования криминального профессионализма, обеспечивая преступникам возможность действовать в пределах формальной законности и использовать правовые механизмы и конкретные легальные ресурсы в преступных целях. Такое трансформирование легальных институтов в орудие криминальной практики отражает высокий уровень интеллектуальной и организационной адаптации, присущий субъектам профессиональной «беловоротничковой» преступности. Именно это обстоятельство делает данный вид преступности особенно опасным и активно развивающимся в современности.

Отдельно укажем, что важным элементом формирования криминального профессионализма у «беловоротничковых» преступников является трансформация профессиональной идентичности. Индивид, обладающий высокой легальной профессиональной квалификацией и необходимым правовым знанием, постепенно утрачивает этическое различие между легальной и противоправной деятельностью. Подобная деформация профессионального сознания формирует «двойную мораль компетентности», при которой успешность в достижении целей – даже преступных – воспринимается как показатель профессионализма. Такое искажение профессиональной идентичности сопровождается постепенным размыванием границ правосознания и возникновением эффекта «профессиональной рационализации» преступных действий. Преступник начинает воспринимать противоправное поведение как рационально оправданный способ достижения личных целей, а соблюдение норм права – как избыточное ограничение эффективности деятельности. В результате в рамках своеобразной «корпоративной преступной этики» формируется внутренняя система оправдания, основанная на принципах эффективности, результативности и лояльности, что создает благоприятную почву для устойчивого воспроизводства криминальных практик.

Для примера приведем дело о систематическом присвоении главным бухгалтером организации Н., расположенной в г. Хабаровске, в 2022–2023 гг. при выполнении своих служебно-должностных обязанностей по ведению бухгалтерского учета хозяйственно-финансовой деятельности и банковских операций по расчетным счетам организации, начислению заработной платы, пособий и других выплат, предоставляемых работникам, денежных средств данной организации посредством применения особых знаний, умений и навыков при использовании программы «1С:Предприятие», путем осуществления незаконных переводов на свой расчетный счет. Согласно материалам дела, подсудимая вину в совершении преступления не признала и пояснила, что данные денежные средства являлись ее неофициальной заработной платой за качественное выполнение своего труда, а проявление такого рода профессионального «мастерства» в целом гражданкой оценивалось положительно. При этом даже неопровержимые доказательства не заставили подсудимую подтвердить противозаконность совершаемых ею действий, вследствие чего устойчиво определялась демонстрация «двойной морали компетентности» [15].

Как видим, трансформация профессиональной идентичности является центральным процессом становления криминального профессионализма у «беловоротничковых» преступников. Она превращает формально легальные компетенции в инструмент противоправной деятельности, а социально одобряемую

профессиональную культуру – в механизм самовоспроизводства преступных практик.

И, наконец, в качестве отличительной черты деятельности современных профессиональных «беловоротничковых» преступников укажем на ее высокую степень организованности. Как справедливо заключают некоторые исследователи, начиная с 1990-х гг. преступность в России вобрала в себя сущностные свойства и групповой, и профессиональной, и экономической преступности, а «беловоротничковая» стала тесно «взаимодействовать» с организованной [11, с. 638–648]. На «пересечение» профессиональной «беловоротничковой» и организованной преступности указывает и В.И. Омигов, подчеркивая их устойчивую взаимосвязь [8, с. 54–58]. В свою очередь, некоторые другие исследователи, например В.Б. Малинин и В.А. Измалков, также определяют, что особенностью современного развития организованной преступности является ее нацеленность на сферу экономики, вследствие чего она перестает быть «откровенно бандитской» и становится «беловоротничковой», но от этого не менее опасной [7, с. 48–52].

В подтверждение укажем, что достаточно распространенным криминальным видом деятельности современности является систематическое получение взяток в виде денежных средств за осуществление противозаконных действий, входящих в служебно-должностные полномочия, в пользу взяткодателя или представляемых им лиц, в составе организованных преступных формирований [14]. С одной стороны, данная преступная деятельность относится к проявлениям «беловоротничковой» преступности по признаку совершения преступлений с использованием своего служебного, должностного положения (совершение преступлений «на работе»). С другой стороны, систематичность такой противозаконной деятельности, наличие цели получения от нее постоянного дохода (в виде взяток), использование криминальных умений и навыков (для осуществления в пользу взяткодателя необходимых действий в рамках своей профессиональной компетенции) позволяет отнести такого рода криминальную активность к профессиональной преступной деятельности. И в то же время наличие организованных преступных группировок, в составе которых чаще всего совершаются такие преступления, позволяет утверждать, что это одно из проявлений организованной преступности, вследствие чего определяется пересечение сразу по трем видам преступности, а учитывая устойчивую взаимосвязь профессиональной и организованной преступности, подтверждаемую многими современными исследования криминологов [1, с. 7–15; 3, с. 110–114; 12, с. 166–172], включение в эту систему «беловоротничковой» преступности также не вызывает сомнений.

Это дает основание заключить, что современная профессиональная «беловоротничковая» преступность перестала быть «мягкой» формой

девиантного поведения – напротив, она превратилась в ключевой элемент современной криминальной «инфраструктуры». Следовательно, в настоящее время профессиональная «беловоротничковая» преступность обладает ярко выраженным гибридным характером. Такое взаимодействие приводит к повышению устойчивости и адаптивности преступных «схем», усложняет процесс их выявления и раскрытия, а также требует пересмотра концептуальных и методологических подходов к исследованию и противодействию данной разновидности преступной деятельности.

Таким образом, профессиональная «беловоротничковая» преступность представляет собой особую форму криминальной деятельности современных «профессионалов», характеризующуюся использованием лицами, обладающими легальным профессиональным статусом, своих юридических, финансовых и управленческих компетенций в противоправных целях. В отличие от традиционных форм проявления профессиональной преступности, основанных на специфических криминальных навыках, профессионализм «беловоротничкового» преступника проявляется в умении трансформировать легальные знания и институциональные ресурсы в инструмент преступной деятельности. Данная особенность обеспечивает высокую степень социальной адаптации таких субъектов и затрудняет их идентификацию в рамках правоприменительной практики. Важной чертой такого рода криминальной активности, ко всему прочему, является моральная амбивалентность и деформация профессионального сознания, выражающаяся в феномене «двойной морали компетентности», когда нарушение закона воспринимается как рационально оправданное средство достижения личных преступных целей. Также в современных условиях данная разновидность преступной деятельности приобретает гибридный характер, сочетая признаки «беловоротничковой» и организованной преступности, в результате чего выступает одной из опасных форм криминальной активности, требующей комплексного научного осмысления, а появление такого преступника «нового типа» – разработки новых подходов к противодействию этому явлению: от усиления уголовно-правовых механизмов реагирования до формирования моральных и культурных барьеров против девиантных форм профессионального поведения.

Список литературы

1. Биркин М.М. Организованная и профессиональная преступность в России // Вестник экономики, управления и права. 2013. № 1 (22). С. 7–15.

2. Гилинский Я.И. Криминология: курс лекций. СПб., 2002. 356 с.

3. Гринберг С.А. Классификация организованных форм профессиональной преступной деятельности. Вестник экономической безопасности. 2021. № (4). С. 110–114.

4. Илий С.К. Концепция беловоротничковой преступности // Научный портал МВД России. 2008. № 4. С. 102–106.

5. Кайзер Г. Криминология. Введение в основы: перевод с немецкого / отв. ред. К.Ф. Скворцов, пер. В.Д. Балакина. М.: Юрид. лит., 1979. 319 с.

6. Кондратюк С.В., Смирнов И.А., Запорожец М.А. Криминальный профессионализм: содержание и профилактика // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 2 (45). С. 121–128.

7. Малинин В.Б., Измалков В.А. Постановка проблем борьбы с организованной преступностью // Царскосельские чтения. 2017. № 1. С. 48–52.

8. Омигов В.И. Профессиональная преступность: ее современное содержание // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2011. № 21. С. 54–58.

9. Сатерленд Э.Х. Являются ли преступления людей в белых воротничках преступлениями? // Социология преступности. Современные буржуазные теории. М.: Прогресс, 1966. С. 45–59.

10. Свенссон Б. Экономическая преступность. М.: Прогресс, 1987. 160 с.

11. Скуратов Ю.И., Глазкова Л.В., Грудинин Н.С., Незнамова А.А. Развитие организованной преступности в России: системный анализ // Всероссийский криминологический журнал. 2016. № 4. С. 638–648.

12. Фадеев Н.В., Тэсс Л.В. Профессионально-организованная преступность // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 6. С. 166–172.

13. Шнайдер Г.Й. Криминология / под ред. Л.О. Иванов. М.: Прогресс-Универс, 1994. 502 с.

14. Приговор Видновского городского суда Московской области от 19.03.2025 г. № 1-92/2025 по делу № 1-92/2025 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/tgMeuYgq041C/ (дата обращения: 19.10.2025).

15. Приговор Железнодорожного районного суда г. Хабаровска от 19.03.2025 г. № 1-722/2024 1-81/2025 по делу № 1-722/2024 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/1FyyiMRvyqi/ (дата обращения: 13.10.2025).

16. Приговор Октябрьского районного суда г. Краснодара от 04.03.2025 г. № 1-393/2024 1-87/2025 по делу № 1-393/2024; [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/6sRl6XIIz8JA/ (дата обращения: 13.10.2025).

17. Приговор Бийского городского суда Алтайского края от 24.02.2020 г. № 1-35/2020 1-868/2019 по делу № 1-35/2020 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/fQUyRI8yBDmY/ (дата обращения: 13.10.2025).

Об авторе:

ЗАРУБИНА Кристина Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Россия, г. Курск, ул. 50 лет октября 94), SPIN-код: 6376-0807, AuthorID: 1058731, e-mail: kris1996z@mail.ru

The «white-collar professional» as a criminal of the «new type» of modernity

K.A. Zarubina

South-West State University, Kursk

The article examines professional «white collar» crime in Russia as a dangerous phenomenon of our time. It is determined that this type of criminal activity has a number of distinctive features from the «traditional» forms of criminal behavior of «professionals». The purpose of this study is to establish the key characteristics of professional «white-collar» crime in Russia in modern conditions of transformation of criminal professionalism. To achieve this goal, the research used methods of synthesis, analysis, generalization, as well as the formal legal method. The study found that «white-collar professionals» as «new type» criminals with legal professional status use their legal, financial and managerial competencies for illegal purposes and easily transform legal knowledge and institutional resources into a tool of criminal activity. Another important feature of this phenomenon is moral ambivalence and deformation of professional consciousness, expressed in the phenomenon of «double morality of competence», when violation of the law is perceived as a rationally justified means of achieving personal or corporate goals. In addition, it has been established that in modern conditions this type of criminal activity acquires a hybrid character, combining signs of «white-collar» and organized crime, as a result of which professional «white-collar» crime is one of the dangerous forms of modern criminal activity, requiring a comprehensive scientific understanding and the development of new approaches to countering this phenomenon.

Keywords: *criminal professionalism, professional crime, «white-collar» crime, professional criminal, official position.*

About author:

ZARUBINA Kristina – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Southwest State University (Russia, Kursk, ul. 50 let Oktyabrya 94), SPIN code: 6376-0807, AuthorID: 1058731, e-mail: kris1996z@mail.ru

Зарубина К.А. «Беловоротничковый профессионал» как преступник «нового типа» современности // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 2 (86). С. 98–107.

Статья поступила в редакцию 23.10.2025 г.

Подписана в печать 10.06.2026 г.

УДК 349.222.1:330.322.12
DOI: 10.26456/vtpravo/2026.2.108

Роль коллективных соглашений в вовлечении работников в инвестиционные процессы

И.А. Крусс

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье исследуются вопросы заключения коллективных договоров как формы социального партнерства в аспекте повышения инвестиционной активности работников. На сегодняшний день нововведения в области инвестирования в экономику России с опорой на внутренние возможности российского общества видятся весьма актуальной задачей. Однако есть определенные проблемы применения опционных программ и распространения акций работникам как форм повышения их участия в инвестиционных процессах. Более того, такая деятельность должна быть обусловлена интересами государства и соотноситься с основными принципами экономической деятельности России, особенно в условиях экономических ограничений, исходящих от недружественных государств. Методами исследования являются формальная логика, сравнительный анализ правовых категорий, синтез (обобщение), комплексность и системный подход.

Ключевые слова: *коллективное соглашение, работник, инвестиционная деятельность, опционное соглашение.*

В соответствии с трудовым законодательством регулирование трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений может осуществляться путем заключения работниками и работодателями коллективных договоров. При этом действующее законодательство не устанавливает каких-либо обязательных требований к структуре и содержанию коллективного договора.

В ч. 2 ст. 41 Трудового кодекса РФ (далее – ТК РФ) обозначен лишь примерный перечень вопросов, обязательства по которым могут включаться в коллективный договор [1].

В определении Верховного Суда РФ от 14.12.2020 г. № 64-КГ20-7-К9 отмечена особая роль коллективного договора в регулировании социально-трудовых отношений между работниками и работодателями: положения ч. 2 ст. 41 ТК РФ создают правовую основу для установления в коллективном договоре обязательств работников и работодателя по различным вопросам трудовых отношений, определенных сторонами, включая выплату пособий и компенсаций, и с учетом предписания ч. 2 ст. 9 ТК РФ, согласно которой, в частности, коллективные договоры не могут содержать условий, ограничивающих права или снижающих уровень гарантий работников по сравнению с установленными трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами,

© Крусс И.А., 2026

содержащими нормы трудового права, позволяют обеспечивать работникам наиболее благоприятный режим реализации их прав и интересов в трудовых отношениях [6].

Таким образом, заключение коллективного договора должно быть выгодно как работникам, так и работодателям, поскольку этот инструмент способствует эффективному управлению коллективом и, как форма социального партнерства, выступает гарантом социальной стабильности. По смыслу ч. 3 ст. 41 ТК РФ в коллективном договоре с учетом финансово-экономического положения работодателя могут устанавливаться льготы и преимущества для работников, условия труда, более благоприятные по сравнению с установленными законами, иными нормативными правовыми актами, соглашениями.

В качестве льгот и гарантий, включаемых в коллективные договоры, зачастую используются дополнительные выплаты и (или) вознаграждения, прописываются условия для выделения материальной помощи работникам, системы премирования, беспроцентные займы и другие элементы поощрений и льгот. Такого рода социальная поддержка направлена на рост производительности труда, удержание квалифицированных кадров, а также может иметь целью повышение благосостояния работников и др. Если работодатель заинтересован в развитии предприятия, то эффективные инвестиции в сотрудников, как правило, реализуются в виде увеличенной прибыли.

Таким образом, коллективный договор может быть средством достижения согласия между работниками и работодателями по отдельным вопросам социально-трудового характера, определяющим наиболее благоприятные для сторон условия по сравнению с положениями, установленными законодательством.

Теперь обратимся непосредственно к вопросу об эффективности системы коллективных соглашений работодателей и работников в части повышения активности участия работников в инвестиционных процессах.

Как указано выше, работодатели и работники могут устанавливать в рамках коллективного соглашения дополнительные льготы, гарантии и поощрения. Так, для поощрения работников некоторые организации создают так называемый опционный пул как резерв ценных бумаг для распространения их между работниками. Опцион – это право работника быть поощренным или приобрести акции предприятия на определенных условиях. Например, по фиксированной цене, ниже рыночной, или безвозмездно, работник получает ценные бумаги при достижении высоких результатов в работе. Безусловно, это серьезный мотиватор для сотрудников, и, более того, возможность стать совладельцем компании с пониманием рисков и ответственности в деятельности предприятия.

Вместе с тем, становясь акционером или дольщиком, работник приобретает корпоративные права и автоматически становится

участником реализуемой в компании корпоративной политики, основанной на корпоративных нормативных актах организации.

Однако названные выше опционы и соответствующие опционные программы недостаточно активно распространяются в среде российских компаний. Что же препятствует их внедрению?

Первоначально зададимся вопросом о возможности выплаты заработной платы работникам акциями акционерного общества, и могут ли такие условия включаться в содержание коллективного договора.

В соответствии со ст. 131 ТК РФ выплата заработной платы производится в денежной форме в валюте РФ (в рублях). В случаях, предусмотренных законодательством РФ о валютном регулировании и валютном контроле, выплата заработной платы может производиться в иностранной валюте. В соответствии с коллективным договором или трудовым договором по письменному заявлению работника оплата труда может производиться и в иных формах, не противоречащих законодательству РФ и международным договорам РФ. Доля заработной платы, выплачиваемой в неденежной форме, не может превышать 20 % от начисленной месячной заработной платы.

Выплата заработной платы в бонах, купонах, в форме долговых обязательств, расписок, а также в виде спиртных напитков, наркотических, ядовитых, вредных и иных токсических веществ, оружия, боеприпасов и других предметов, в отношении которых установлены запреты или ограничения на их свободный оборот, не допускается.

Таким образом, трудовое законодательство не запрещает производить оплату труда работникам с их согласия в ценных бумагах, устанавливая ограничение для иных форм оплат в виде 20 % от начисленной месячной заработной платы.

Кроме того, подлежит разрешению вопрос о том, по какому курсу будут предоставлены акции. И здесь речь идет не о дополнительной эмиссии, а о собственных акциях, ранее приобретенных у акционеров. Так как эти акции выкупались у акционеров за счет чистой прибыли, оставшейся в распоряжении общества после уплаты налогов и других обязательных платежей, то теперь они предоставляются работникам в счет оплаты труда по любому курсу, установленному советом директоров, но при этом учитывается согласие работников с таким курсом. Следует иметь в виду, что, так как собственные акции отражаются на счете по номинальной стоимости, то предоставление их работникам в счет оплаты труда по более высокому курсу означает для общества получение внереализационного дохода, увеличивающего облагаемую налогом прибыль [5].

Следовательно, как было установлено выше, работникам акционерного общества можно выплачивать часть заработной платы акциями, при этом трудовое законодательство не содержит каких-либо ограничений во включении в содержание коллективного соглашения

таких форм оплаты труда, как оплата акциями, либо таких способов поощрения, как выдача или продажа акций. По своей природе это равнозначно премиям, подаркам и т. п.

Другой вопрос, подлежащий разрешению, касается того, что в российском законодательстве нет четких положений, регламентирующих форму и порядок вознаграждения работников посредством выдачи акций или опционных форм вознаграждения.

Условия опционных программ, как правило, прописываются в трудовых и коллективных договорах, в положениях о премировании. Корпоративный договор становится источником регулирования опционов. При этом документы компании должны детально регулировать положения опционных программ, чтобы предупредить неблагоприятные последствия возможных разногласий и споров между работниками и работодателями.

Как утверждает руководитель группы корпоративных проектов юридической фирмы Vegas Lex Александр Гармаев, сложность и в том, что в России компания не может создать в прямом виде опционный пул и закрепить его на своем балансе в качестве акционерной собственности работников (ESOP), как это часто делают западные компании. Этому мешают ограничения в отношении казначейских долей участия – иным словами, долей компании, которые принадлежат ей самой. В акционерных обществах эти ограничения касаются и числа приобретаемых акций, и срока нахождения их на балансе. Более того, российский фондовый рынок крайне волатилен, акции могут в одно мгновение сильно упасть в цене из-за очередного кризиса или санкций, что сильно снижает привлекательность опционов и акции как инструмента мотивации сотрудников [3].

По опционному договору одна сторона на условиях, предусмотренных этим договором, вправе потребовать в установленный договором срок от другой стороны совершения предусмотренных опционным договором действий (в том числе уплатить денежные средства, передать или принять имущество), и при этом, если управомоченная сторона не заявит требование в указанный срок, опционный договор прекращается (п. 1 ст. 429.3 Гражданского кодекса РФ [2]).

В отличие от опциона, при наличии опционного договора не требуется заключения в будущем нового договора, акцепта оферты; опционный договор сам по себе порождает правоотношения сторон. Для исполнения опционного договора одной из сторон необходимо в установленный договором срок заявить требование о совершении действий, предусмотренных его условиями.

За право заявить требование по опционному договору сторона уплачивает предусмотренную таким договором денежную сумму, за исключением случаев, если опционным договором, в том числе

заключенным между коммерческими организациями, предусмотрена его безвозмездность либо если заключение такого договора обусловлено иным обязательством или иным охраняемым законом интересом, которые вытекают из отношений сторон.

Опционный договор купли-продажи акций предусматривает получение работником права заявить требование о передаче ему акций в течение определенного договором срока, а за это право он уплачивает определенную денежную сумму со скидкой. По условиям такого соглашения можно получить либо акции предприятия, либо долю в уставном капитале с приобретением корпоративных прав в полном объеме.

Опцион передается на основе механизма вестинга, т. е. акции или доля переходят в руки работников поэтапно, если последние выполняют определенные условия, как то: достижение поставленной цели или продолжительное время работы на предприятии. Размер вознаграждения зависит в первую очередь от показателя роста капитализации и дивидендной доходности компании, а также других финансовых показателей [3].

Опционные программы появились в России в 2000-х гг., когда российские компании стали осуществлять первичное размещение акций на западных биржах и стремились войти в доверие к западным инвесторам. Так, например, в 2000 г. такие программы появились в «Вымпелкоме» и в МТС, в 2003 г. – в «Лукойле», в 2006 г. – X5 Retail Group (ныне – X5 Group), а в 2007 г. – в «Яндексе», в 2010 г. – «Магните». Однако в последующем времени темпы внедрения опционных программ замедлились, и к 2014 г. опционы выдавали сотрудникам всего лишь 22 % российских компаний. К 2021 г. опционные программы были примерно у 90 из 500 самых крупных российских компаний, причем более половины из них выплачивали сотрудникам исключительно денежные вознаграждения, остальные предлагали опционы и акции [3].

Таким образом, есть определенные проблемы применения опционных программ и выдачи акций работникам как форм повышения активности участия последних в инвестиционной практике. Такая проблематичность связана не только с отсутствием надлежащей правовой регламентации вопроса, но и определенной рисковостью и зачастую неопределенностью экономического эффекта от использования соответствующего инструмента.

Требования российского законодательства к оформлению опционов указывают на необходимость несения бремени временных, а также экономических затрат, в условиях, когда практика их применения становится неэффективной. Безусловно, крупные игроки могут позволить себе развивать этот инструмент инвестирования, гораздо сложнее он воплощается в сегменте малого и среднего бизнеса.

Большинство организаций работает в организационно-правовой форме ООО, из уставного капитала которого невозможно выделить опционный пул, т. к. соответствующий капитал формируется из суммы долей всех участников, а номинальная доля каждого владельца определяется отношением суммы его взноса к общей величине уставного капитала. В ситуации с акционерным обществом необходимо ведение реестра акционеров, и любые сделки с ценными бумагами возможны только после получения согласия всех держателей акций. То есть такие сделки требуют сложных юридических процедур и согласований.

Ценные бумаги могут обесцениться в связи с ликвидацией организации или банкротством, что нередко происходит с начинающими компаниями, но и перспективные проекты не застрахованы от таких последствий финансовой несостоятельности.

Генеральный директор BlaBlaCar отмечает, что «компания WeWork в 2019 г. оценивалась в $47 млрд. Сотрудники, которые приобретали акции по опционной программе, планировали вывести деньги на IPO. Но в последний момент руководство WeWork отменило первичную продажу акций, а инвесторы подвергли сомнениям бизнес-модель компании. Стоимость организации упала до $9 млрд, и ее выкупил главный инвестор SoftBank. Сотрудники, которые бесплатно получили акции, потеряли свой бонус. А те, кто выкупил ценные бумаги по опционам, понесли убытки. Они приобрели акции по 50$ каждая, а продали их по 4$ за штуку SoftBank. Кроме этого, им пришлось заплатить годовой налог, который рассчитывался по первоначальной цене» [4].

Соответственно, негативные последствия и огромные риски возникают у компании, ее инвесторов и работников, приобретающих акции и участвующих в опционах, что также замедляет внедрение данного института в России. Российские компании используют этот инструмент, но доля таких компаний невысока [3], кроме того, следует обозначить еще один аспект: в отличие от премирования работников, опционы нельзя незамедлительно обналичить, и перспектива выведения денег может быть весьма сомнительной.

Таким образом, проведенный анализ показал:

1. Система коллективных соглашений работодателей и работников в части повышения активности участия работников в инвестиционных процессах в современных экономических условиях нельзя считать эффективной формой инвестирования населения. Безусловно, определенные элементы такого инструмента применяются на практике, особенно в секторе крупных перспективных российских проектов, но это не может свидетельствовать о сложившихся предпосылках повсеместного его распространения.

2. Ряд выявленных в исследовании барьеров в становлении данного института позволяет сделать вывод о том, что современное отечественное законодательство требует серьезной доработки института

участия работников в инвестиционных проектах, т. к. на сегодня в нормах трудового законодательства вообще отсутствует упоминание о нем, нет четкой законодательной регламентации вопроса об отражении в содержании коллективного соглашения условий об инвестировании работниками компании, а также ТК РФ, не запрещая, все же не устанавливает напрямую возможности выплаты работникам заработной платы акциями. Эти и другие проблемы усложняют процесс применения института инвестирования работающего населения в свои предприятия.

3. Возможность заключения опционных соглашений появилась в России относительно недавно (в 2015 г.). Но в силу недостаточной законодательной регламентации данных отношений (несовершенство гражданского законодательства) наряду с позитивной тенденцией развития инструмента появился ряд проблем, связанных с особенностями его реализации в российских компаниях. Оформление опционов требует временных затрат, а также экономических расходов в условиях, когда практика их применения может быть неэффективной, особенно в ситуации экономических ограничений недружественных России стран и общей рисковости такой деятельности.

Список литературы

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 29.12.2025 г., с изм. от 15.05.2026 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025 г., с изм. от 25.03.2026 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Акции вместо премии. Зачем российский бизнес выдает фантомные опционы сотрудникам? [Электронный ресурс]. URL: https://skillbox.ru/media/business/zachem-rossiyskiy-biznes-vydaet-fantomnye-optsiony-sotrudnikam/ (дата обращения: 09.05.2026).

4. Акции для мотивации. Зачем компании делают работников совладельцами [Электронный ресурс]. URL: https://secretmag.ru/practice/akcii-dlya-motivacii-zachem-kompanii-delayut-rabotnikov-sovladelcami.htm (дата обращения: 09.05.2026).

5. Вопрос: Можно ли часть заработной платы работникам акционерного общества (в том числе и не являющимся акционерами) выплатить акциями акционерного общества? // СПС «Гарант».

6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 14.12.2020 г. № 64-КГ20-7-К9 [Электронный ресурс]. URL: https://internet.garant.ru/#/document/400166152/paragraph/1:15 (дата обращения: 09.05.2026).

Об авторе:

КРУСС Ирина Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), ORCID: 0000-0002-0261-9582, SPIN-код: 1394-2400, e-mail: Kruss.IA@tversu.ru

The role of collective agreements in involving employees in investment processes

I.A. Kruss

Tver State University, Tver

The article explores the issues of concluding collective agreements as a form of social partnership in the aspect of increasing the investment activity of employees. Today, innovations in the field of investment in the Russian economy based on the internal capabilities of Russian society are seen as a very relevant task. However, there are certain problems with the use of option programs and the distribution of shares to employees as a way to increase their participation in investment processes. Moreover, such activities should be driven by the interests of the state and be consistent with the basic principles of Russia's economic activities, especially in the face of economic restrictions imposed by unfriendly countries. The research methods include formal logic, comparative analysis of legal categories, synthesis (generalization), and complexity and system approach.

Keywords: *collective agreement, employee, investment activity, option agreement.*

About author:

KRUSS Irina – PhD in Law, assistant professor of the department of judicial power and law enforcement of the Tver state University (33 Zhelyabova str., 170100, Tver), ORCID: 0000-0002-0261-9582, SPIN-code: 1394-2400, e-mail: Kruss.IA@tversu.ru

Крусс И.А. Роль коллективных соглашений в вовлечении работников в инвестиционные процессы // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 2 (86). С. 108–115.

Статья поступила в редакцию 10.05.2026 г.

Подписана в печать 10.06.2026 г.

УДК 342.7(470)-054.6:37.014.12-053.5
DOI: 10.26456/vtpravo/2026.2.116

Некоторые особенности реализации конституционного права и конституционной обязанности получения общего среднего образования детьми мигрантов в Российской Федерации

Е.А. Рязанова[1], Т.А. Забелина[2]

[1] ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь
[2] ФГБОУ ВО «Московский ордена Почета университет Министерства внутренних дел РФ имени В.Я. Кикотя», г. Тверь

Право на получение образования и обязанность получения общего среднего образования – эти конституционные нормы распространяются не только на российских граждан. Въезжающие в нашу страну иностранные граждане, их несовершеннолетние дети, могут реализовать свое право на получение образования. Однако на практике (о чем свидетельствуют множественные публикации в специальной литературе, появляющиеся методические рекомендации по обучению детей-мигрантов) право ребенка-мигранта на образование имеет ряд условий и особенностей. Цель данной статьи рассмотреть некоторые особенности реализации ребенком-мигрантом права на образование. Объектом исследования являются отношения, возникающие при реализации ребенком-мигрантом права на образование. Предметом исследования являются нормативные акты и правоприменительная практика в сфере получения ребенком-мигрантом образования. Делается вывод о том, что право на образование ребенка-мигранта закреплено в Конституции Российской Федерации как право любого человека, однако оно гарантируется рядом условий его реализации. Одним из выводов выступает предложение о дополнении тестирования: помимо теста на знание русского языка ввести тест на знание основ правомерного поведения.

Ключевые слова: *ребенок-мигрант, право на образование, обязанность получения общего среднего образования, миграционная история ребенка, традиционные российские ценности, интегрирование в социум.*

Конституционная обязанность получения образования уровня основного общего, закрепленная ст. 43 Конституции Российской Федерации [1], обращена ко во всем находящимся в нашем государстве. Конституция определяет, что родители или лица, их заменяющие, обеспечивают получение детьми основного общего образования. В научной литературе это установление рассматривается как конституционная обязанность. Следует отметить, что неисполнение этой обязанности для лиц, которые не получили установленный уровень образования, не влечет никаких юридических последствий в отличие от

© Рязанова Е.А., Забелина Т.А., 2026

иных случаев, когда неисполнение конституционной обязанности (неуплата налогов, несоблюдение законов, отказ или уклонение от защиты отечества) наказывается. Предусмотрение административной ответственности для родителей нельзя считать наказанием для тех, кто не получил образование. Такая мера направлена на родителей с целью принудить их к исполнению обязанности по образованию детей. Отметим, что и ответственность родителей, предусмотренную ст. 5.35 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) (от 500 до 2 000 руб., а в случае повторного нарушения от 4 000 до 5 000 руб. или административный арест до 5 суток) [2] можно рассматривать как несоответствующую самому нарушению.

Ряд программных документов определил, что образование в Российской Федерации должно строиться с учетом конституционных принципов, норм и новелл. Конституционная обязанность не нашла свое отражение в правовом регулировании в сфере образования. Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [7] гарантирует реализацию права на образование путем установления системы, принципов, уровней, форм образования, прав и обязанностей. В ст. 43 названного закона закреплены обязанности обучающихся и меры дисциплинарного воздействия за их нарушение. Хочется отметить, что речь идет о тех несовершеннолетних или совершеннолетних обучающихся, кто уже находится с образовательной организацией в договорных отношениях. В связи с этим встает вопрос об ответственности за неисполнение обязанности по получению общего среднего образования для лиц, не приступивших к участию в образовательном процессе. Юридическая ответственность за неисполнение конституционной обязанности отсутствует.

Наше государство предоставляет возможность обучения не только российским гражданам, но и иностранным, находящимся на законных основаниях на территории Российской Федерации. На основании изменений федерального законодательства, регламентирующего правовое положение иностранного гражданина, учитывая проблемы реализации права на образование детей иностранных граждан (например, таких как отсутствие владения основным языком, на котором ведется обучение), Министерством просвещения РФ были внесены корректировки в «Порядок приема на обучение по образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования» [10], предусматривающие наличие необходимого уровня владения русским языком. Конституционный принцип равенства в пользовании правами российскими гражданами, иностранными гражданами и лицами без гражданства (ч. 3 ст. 62 Конституции Российской Федерации) означает равенство при получении образования. Данное правило изложено в ст. 78 ФЗ «Об образовании в Российской

Федерации» применительно к лицам, которые будут получать как дошкольное, среднее образование, так и профессиональное в пределах освоения образовательной программы среднего образования. Именно по отношению к этим лицам установлено правило о владении русским языком.

Проведенное в 2022 г. Е.А. Хамраевой, А.Ю. Алексинской, Е.А. Андреюшиной, П.В. Новиковой, А.В. Обласовой, А.Б. Угловой исследование по федеральным округам на предмет проблем обучения детей мигрантов позволило авторам сделать ряд выводов [21]. Одним из них стал вывод о слабой культурно-социальной адаптации как детей мигрантов, так и их окружения (родителей – к школьным требованиям в РФ и контактированию с учителями; учителей – к специфике этнокультурного состояния ученика; одноклассников – к языковой коммуникации (акцент, недопонимание разговорной речи и т. п.), культурным и религиозным проявлениям учеников).

Е.А. Иванченко и А.Е. Толстова называют еще одну причину сложности обучения детей-мигрантов. Авторы ссылаются на то, что среди прибывших мигрантов из ряда азиатских стран не принято посещение детьми дошкольных организаций. На уровне дошкольного образования российские дети получают необходимый социокультурный уровень развития для адаптации к школьному обучению [14]. Рассматривая европейский опыт интеграции детей-мигрантов в образовательный процесс, А.О. Четвериков сделал выводы о тех мероприятиях, которые, по мнению автора, могли бы решить проблемы в реализации права на образование детей-мигрантов. В качестве таких мер автор называет следующие: «Предусмотреть санкции для мигрантов, дети которых не обучаются в российских школах, в том числе не посещают занятия без уважительных причин; разработать на федеральном уровне нормативные акты, специально посвященные вопросам школьного обучения детей мигрантов, включая создание для них приемных (адаптационных и т. п.) классов и (или) курсов; вступить в переговоры о заключении двусторонних или многосторонних соглашений с государствами – основными “поставщиками” мигрантов на предмет взаимного информирования о детях мигрантах и их образовании; рассмотреть вопрос о расширении сети российских школ в государствах – участниках Содружества Независимых Государств с целью заблаговременной подготовки потенциальных мигрантов для интеграции в российскую образовательную и духовно-культурную среду (включая создание российских секций в местных общеобразовательных учреждениях)» [22, С. 21–30].

Федеральное агентство по делам национальностей выпустило памятку адаптационного курса для въезжающих мигрантов [11], которым не нужна виза. Там напрямую раскрыто содержание конституционной обязанности родителей способствовать получению детьми общего

среднего образования. При этом обращено внимание на тот факт, что дети, достигшие 6 лет, должны проходить дактилоскопическую регистрацию. Если мигранты прибывают с детьми более младшего возраста, дети не подлежат дактилоскопической регистрации. Полагаем, что в случае достижения таким ребенком возраста 6 лет, он должен подлежать дактилоскопии, чтобы иметь право на обучение в российской школе. Согласно названному документу, лицо при подаче заявления в образовательную организацию представляет копию документа, подтверждающего право представлять интересы ребенка (свидетельство о рождении ребенка, в котором оно указано родителем); копии документов, подтверждающих право находиться в России самого лица и ребенка (вид на жительство, разрешение на временное проживание, виза или миграционная карта); копию документа, подтверждающего прохождение ребенком дактилоскопической регистрации; копию документа, удостоверяющего личность ребенка (паспорт или свидетельство о рождении); копии СНИЛС самого лица и ребенка; копию документа, подтверждающего присвоение ИНН; медицинское заключение об отсутствии у ребенка опасных инфекционных заболеваний; при наличии копии документов, подтверждающие осуществление лицом трудовой деятельности в Российской Федерации и наличии дохода (трудового договора) [10].

Следовательно, для получения ребенком образования уровня, который является обязательным, он не только должен прибыть в установленном порядке в нашу страну, но и пройти процедуру дактилоскопирования, а также сдать экзамен на владение русским языком. Следовательно, конституционное право ребенка на образование и его конституционная обязанность не безусловны – они сопряжены с правилами пересечения границ нашего государства, учета прибывших лиц. Фактически они должны выполнить дополнительные условия, без которых невозможно получение образования даже в форме домашнего обучения, поскольку подтверждение уровня образования возможно исключительно в образовательной организации.

С 2026 г. ряд изменений российского законодательства позволит совершенствовать государственную миграционную политику в отношении обучающихся детей-мигрантов в российских образовательных организациях [6]. Так, ст. 30 Федерального закона от 25.07.2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [9] и ст. 12 Федерального закона от 18.07.2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» [8] предусматривают информационный обмен сведениями между территориальными органами МВД России и органами местного самоуправления субъектов Российской Федерации о несовершеннолетних иностранных гражданах, состоящих на миграционном учете, поступивших в образовательные

организации либо отчисленных из таких организаций, в целях выявления детей-мигрантов для их последующей адаптации и интеграции в российское общество.

Согласно этим актам исполнительные органы субъектов Российской Федерации, осуществляющие государственное управление. и органы местного самоуправления, осуществляющие управление в сфере образования, направляют в федеральный орган исполнительной власти в сфере внутренних дел в порядке межведомственного информационного взаимодействия, в том числе с использованием единой системы межведомственного электронного взаимодействия, следующие сведения: о результатах тестирования несовершеннолетнего иностранного гражданина; о приеме иностранного гражданина, не достигшего возраста восемнадцати лет, на обучение по основным общеобразовательным программам, образовательным программам среднего профессионального образования и (или) профессионального обучения в организацию, осуществляющую образовательную деятельность; об отчислении несовершеннолетнего иностранного гражданина из образовательной организации, в которую он был принят на обучение; а также об обращении в образовательную организацию иностранного гражданина, не достигшего возраста восемнадцати лет, и его законных представителей, включенных в реестр контролируемых лиц, с заявлением о приеме на обучение по основным общеобразовательным программам, образовательным программам среднего профессионального образования и (или) основным программам профессионального обучения.

Еще один из способов контроля за обучающимися несовершеннолетними-мигрантами – включение в реестр контролируемых лиц. При этом в список включают ребенка, которому не продлен срок пребывания в стране, а также родителя, прибывшего с ребенком в Российскую Федерацию. Надо полагать, что последствием такого включения является прекращение обучения ребенка в российской образовательной организации. Таким образом, право несовершеннолетнего ребенка-мигранта зависит от возможности продления законного пребывания в нашем государстве.

В пояснении принятого Федерального закона от 31.07.2025 г. № 314-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», скорректировавшего ряд актов, затрагивающих в том числе получение образования в нашем государстве детьми мигрантов, Председатель Госдумы В. Володин отметил, что «теперь региональные и местные органы управления образованием обязаны направлять в МВД РФ соответствующие данные, в том числе с использованием единой системы межведомственного электронного взаимодействия. «Норма позволит усилить контроль за иностранными

гражданами, повысить прозрачность их учета, а также будет способствовать установлению места фактического пребывания» [15].

Обучение на должном уровне конституционных гарантий детей-мигрантов и детей, имеющих миграционную историю, таким образом, осложнено рядом абсолютно адекватных и соответствующих современному состоянию общества условий. Но даже при этом есть ряд проблем, которые возникают в практике реализации конституционного права на образование.

Так, в аналитических материалах «Исследование девиантного поведения несовершеннолетних с миграционной историей либо являющихся гражданами иностранных государств, препятствующих их адаптации и интеграции в российское общество» [13] приведены такие данные: за период 2024 г. число преступлений, совершенных подростками-мигрантами, выросло на 8 % (с 353 до 381); количество особо тяжких преступлений увеличилось на 82 % (с 66 до 120), убийств – с одного до семи случаев. В текущем году ведомством направлено в суд 2 865 уголовных дел в отношении несовершеннолетних обвиняемых, и это на 12 % больше, чем в аналогичном периоде предыдущего года, когда таких дел было 2 556. В подавляющем большинстве случаев уголовный закон нарушали подростки мужского пола [18, 19].

«Сотрудники Следственного комитета России зафиксировали значительный рост преступной активности среди детей-мигрантов. Учащимися и студентами иностранными гражданами в 2024 г. совершено 698 преступлений (+13,1 % к АППГ), из них несовершеннолетними лицами 116 преступлений. Причем статистика по особо тяжким преступлениям, совершенным несовершеннолетними иностранцами в 2024 г. (+ 80 % к АППГ). Совершено уже 41 убийство, зафиксировано 22 факта умышленного тяжкого вреда со смертельным исходом, 178 преступлений на сексуальной почве. При этом обращается внимание на то, что большая часть преступлений совершена в состоянии алкогольного опьянения. Три тысячи подростков (63,9 % от общего массива совершенных преступлений несовершеннолетними мигрантами) не достигли на момент совершения преступления 14-летнего возраста. Почти 3 785 деяний, совершенных подростками в прошлом году, связаны с незаконным оборотом наркотиков, и, как правило, при этом использовались современные цифровые способы связи» [17].

По мнению Т.А. Забелиной, эффективный диагностический инструментарий, направленный на выявление склонности несовершеннолетних иностранных обучающихся к совершению противоправных деяний разработан Департаментом государственной политики в сфере защиты прав детей Минпросвещения России совместно с МВД России и Минобрнауки России и изложен в методических рекомендациях по организации работы с несовершеннолетними иностранными гражданами, склонными к совершению преступлений и

правонарушений, в образовательных организациях в целях недопущения совершения противоправных деяний [16, с. 10], поскольку в них определены признаки, позволяющие выявить склонность несовершеннолетних иностранных обучающихся к совершению преступлений и правонарушений [13, с. 25]. Предполагается, что межведомственный обмен информацией позволит усовершенствовать индивидуально-профилактическую работу с несовершеннолетними лицами с миграционной историей по профилактике их делинквентного поведения.

Проведенные исследования девиантного и делинквентного поведения детей-мигрантов позволили авторам выделить две категории таких лиц. Это непосредственно дети, вынужденные сопровождать своих родителей, въехавших на законных основаниях в Российскую Федерацию, а следовательно, поменявшие этно-культурно-религиозное пространство своей родины и вынужденные получать образование в нашем государстве. А также дети с миграционной историей, т. е. те, которые получили российское гражданство, но в силу недостаточной адаптации являются неинтегрированными в образовательное пространство. А.Н. Смирнов отмечает, что, как правило, они слабо владеют русским языком, предпочитают родные языки в домашнем и земляческом общении. В такой ситуации детям становится сложно получить качественное образование: незнание или слабое владение русским языком часто становится причиной низкой успеваемости, трудностей в общении среди сверстников, что осложняет их социокультурную адаптацию к российской системе образования и российскому обществу [20].

В свете повышения внимания всего общества к традиционным ценностям, перечисленным в Указе Президента Российской Федерации № 809 от 17.05.2023 г. [4], образовательный процесс должен быть перестроен, особенно в отношении лиц, для которых эти ценности не являются безусловно присущими в силу их принадлежности к многонациональному российскому народу. При этом, как отмечают в литературе, посвященной освещению конституционных прав человека, вопросы принятия ценностей – это вопросы национальной безопасности. Задача сохранения традиционных духовно-нравственных ценностей обозначена как приоритетная в «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [5], «Стратегия комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года» [3].

Предложение по решению проблем в сфере получения детьми мигрантов общего среднего образования на законодательном уровне нашло свое отражение во внесенном в сентябре 2025 г. в Государственную Думу ФС РФ законопроекте № 1012282-8 «Об особенностях въезда и пребывания на территории Российской Федерации

членов семьи иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельности в Российской Федерации» [12]. В пояснительной записке к закону так разъясняется необходимость его принятия: «Семьи мигрантов активно пользуются социальной инфраструктурой России, включая образовательные учреждения, систему здравоохранения и социальное обеспечение, что приводит к дополнительным расходам федерального и региональных бюджетов. Проектом федерального закона предлагается установить запрет на пребывание на территории Российской Федерации членов семьи (супруга/супруги, детей) иностранного гражданина, прибывающего в целях осуществления трудовой деятельности, за исключением граждан Республики Беларусь и высококвалифицированных иностранных специалистов» [12]. Такое кардинальное решение, полагаем, требует дополнительной аргументации. Принятие культурных традиционных ценностей российского народа взрослым иностранцем и ребенком, обучающимся в российской школе, несомненно различно. Не исключено, что выросшие на исторической родине дети сложнее интегрируются в социум. А исключить возможность их участия в трудовой миграции при такой привлекательности российских условий рынка труда абсолютно нельзя.

Как следует из исследования Т.А. Забелиной и ее коллег, «пристального внимания требует вопрос контролирующих органов выявления несовершеннолетних мигрантов, склонных к совершению противоправных деяний, в том числе преступлений и правонарушений. Это и въезд в РФ несовершеннолетних с неизвестной историей проступков криминального характера, то есть наличием опыта противоправных или асоциальных поступков, а также фактов девиантного поведения несовершеннолетних» [13]. Информация подобного рода не собирается, не предоставляется ни родителями, ни органами миграционного контроля или образовательными организациями.

Авторы справедливо указывают о необходимости законодательного закрепления передачи правоохранительными органами иностранного государства и родителями въезжающих в Российскую Федерацию детей документально подтвержденной информации о «наличии или отсутствии у несовершеннолетних опыта противоправных или ассоциальных проступков, то есть информации из компетентных органов страны исхода. Например, одобрительная позиция несовершеннолетнего мигранта по отношению к употреблению алкогольной продукции, наркотиков и психоактивных веществ» [13]. Отказ от передачи сведений, их непредоставление должны расцениваться как недостоверная информация, препятствующая въезду ребенка с родителем в нашу страну.

Поэтому способом преодоления проблем при реализации права на образование несовершеннолетнего ребенка-мигранта является помещение его под профилактический надзор.

Конституционные права человека и гражданина в нашей стране объявлены высшей конституционной ценностью. Российская Федерация обеспечивает их реализацию. Право человека на образование дополнено определенным уровнем его получения: все должны иметь общее среднее образование. Право ребенка-мигранта на получение образования гарантируется на бесплатной основе, поскольку несовершеннолетние иностранные граждане и российские граждане обладают равенством прав. Равным образом это относится и к конституционной обязанности. Однако равенство прав на практике становится невозможным, если не создать детям иностранных граждан условия, при которых они реально смогут получить образование. Этому способствует подготовка к посещению образовательной организации в виде тестирования по русскому языку, проверка законности прибытия в страну (чтобы потом образовательный процесс не прерывался по причинам, не зависящим от ребенка). Несомненно и то, что прибывающий ребенок должен научиться понимать российские духовно-нравственные ценности, с уважением к ним относиться. Именно поэтому полагаем, надо дополнить тестирование, сделав основными предметами не только русский язык, но и основы российского правомерного поведения. Такие основы должны доступно, на основании принципов Конституции, содержать положения об ответственности за нарушение законов России (возраст юридической ответственности, принципы равенства и уважения прав человека, традиционные ценности российского народа и т. п.).

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СПС «Консультант Плюс».

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 09.04.2026 г., с изм. от 29.04.2026 г. // СПС «КонсультантПлюс».

3. Указ Президента РФ от 17.05.2023 г. № 358 «О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Указ Президента РФ от 09.05.2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Федеральный закон от 31.07.2025 г. № 314-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

7. Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

8. Федеральный закон от 18.07.2006 г. № 109-ФЗ (ред. от 31.07.2025 г.) «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

9. Федеральный закон от 25.07.2002 г. № 115-ФЗ (ред. от 04.11.2025 г.) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

10. Приказ Минпросвещения России от 02.09.2020 г. № 458 (ред. от 14.01.2026 г.) «Об утверждении Порядка приема на обучение по образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования» // СПС «КонсультантПлюс».

11. Письмо Федерального агентства по делам национальностей от 17.07.2025 г. № 6401-01.1-23-СБ «О направлении материалов лекции для включения в адаптационный курс ФАДН России “Содействие адаптации трудящихся-мигрантов, прибывших в Российскую Федерацию в порядке, не требующем получения визы, а также для граждан государств – участников ЕАЭС” об обязанностях родителей по обеспечению права несовершеннолетних иностранных граждан на образование» // СПС «Гарант».

12. Законопроект № 1012282-8 «Об особенностях въезда и пребывания на территории Российской Федерации членов семьи иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельности в Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1012282-8 (дата обращения: 10.05.2025).

13. Асатуров Э.Р., Забелина Т.А., Магомедова З.И. Исследование девиантного поведения несовершеннолетних с миграционной историей либо являющихся гражданами иностранных государств, препятствующих их адаптации и интеграции в российское общество. Тверь: Тверской филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, 2025. 55 с.

14. Иванченко Е.А., Толстова А.Е. Защита права детей-мигрантов на образование // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2024. № 4 (65). С. 66–70.

15. МВД России и органы образования будут делиться данными о детях мигрантов. 29 января 2026 [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/news/1980376/ (дата обращения: 10.05.2026).

16. Методические рекомендации по организации работы с несовершеннолетними иностранными гражданами, склонными к совершению преступлений и правонарушений, в образовательных организациях в целях недопущения совершения противоправных деяний / сост. Т.И. Сизова, М.Л. Солдатенкова, Н.В. Тарулина и др. М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2025. 29 с.

17. Официальный интернет-портал Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://media.mvd.ru/files/application/9209203 (дата обращения: 10.05.2025).

18. Преступная активность среди несовершеннолетних иностранцев… [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/wall-77500233_204642 (дата обращения: 10.05.2025).

19. СКР: число тяжких преступлений среди подростков-мигрантов выросло на 82 % [Электронный ресурс]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7624847 (дата обращения: 10.05.2025).

20. Смирнов А.Н. Влияние миграционных процессов на состояние преступности в Российской Федерации. Вызовы и угрозы, связанные с незаконной миграцией // Высшая школа: научные исследования: материалы Межвузовского международного конгресса, Москва, 12 декабря 2024 года. М.: Инфинити, 2024. С. 66–71.

21. Хамраева Е.А., Алексинская А.Ю., Андреюшина Е.А., Новикова П.В., Обласова А.В., Углова А.Б. Сравнительный анализ проблем и ресурсов в системе образования детей мигрантов (на примере федеральных округов Российской Федерации) // Перспективы науки и образования. 2022. № 1 (55). С. 643–664.

22. Четвериков А.О. Способы обеспечения права на образование детей мигрантов в законодательстве ЕС и европейских государств // Юридическая наука. 2017. № 5. С. 21–30.

Об авторах:

РЯЗАНОВА Елена Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного, административного и таможенного права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 2785-4619, AuthorID: 649710, e-mail: lena_7765@mail.ru

ЗАБЕЛИНА Татьяна Анатольевна – старший преподаватель кафедры административной деятельности Тверского филиала ФГБОУ ВО «Московский ордена Почета университет Министерства внутренних дел РФ имени В.Я. Кикотя» (170040, г. Тверь, ул. Кривичская,12), e-mail: tatyana.zabelina.70@mail.ru

Some features of the constitution for the implementation of rights and constitutional obligations to obtain general secondary education for migrant children in the Russian Federation

E.A. Ryazanova[1], T.A. Zabelina[2]

[1]Tver State University, Tver

[2] Moscow Order of Honor University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikot, Tver

The right to education and the obligation to complete a general secondary education–these constitutional norms apply not only to Russian citizens. Foreign citizens entering our country, and their minor children, can exercise their right to education. However, in practice (as evidenced by numerous publications in specialized literature and emerging methodological recommendations for educating migrant children), a migrant child's right to education is subject to a number of conditions and specific considerations. This article aims to examine some aspects of migrant children's enjoyment of their

right to education. The research focuses on the relationships that arise when migrant children exercise their right to education. It focuses on regulations and law enforcement practices related to migrant children's education. It concludes that the right to education for migrant children is enshrined in the Constitution of the Russian Federation as a right for everyone, but is guaranteed by a number of conditions. One of the conclusions is a proposal to supplement testing: in addition to the Russian language test, a test on the fundamentals of lawful behavior should be introduced.

Keywords: *migrant child, right to education, obligation to receive general secondary education, child's migration history, traditional Russian values, integration into society.*

About authors:

RYAZANOVA Elena – PhD, assistant professor of the department of constitutional, administrative and customs law of the Tver state University (170100, Tver, Zhelyabova st., 33), SPIN-code: 2785-4619, e-mail: lena_7765@mail.ru

ZABELINA Tatyana – Senior Lecturer, Department of Administrative Activities, Tver Branch, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education, Moscow Order of Honor University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Ya. Kikot (170040, Tver, Krivichskaya St., 12) e-mail: tatyana.zabelina.70@mail.ru

Рязанова Е.А., Забелина Т.А. Некоторые особенности реализации конституционного права и конституционной обязанности получения общего среднего образования детьми мигрантов в Российской Федерации // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 2 (86). С. 116–127.

Статья поступила в редакцию 10.05.2026 г.

Подписана в печать 10.06.2026 г.

УДК 001.89(985):342.518
DOI: 10.26456/vtpravo/2026.2.128

Развитие инфраструктуры арктических научных исследований в Российской Федерации: правовые, организационные и управленческие аспекты

С.Н. Смирнов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Актуальность настоящего исследования определяется целым рядом факторов, выходящих за рамки науки. Научный потенциал и результативность научных исследований Арктики имеют важное значение не только для укрепления безопасности и развития экономики и социальной сферы Российской Федерации (как и других арктических государств), но и для формирования преимущества в геоэкономической и геополитической конкуренции различных стран мира. Цель исследования состоит в анализе правовых, организационных и управленческих аспектов развития инфраструктуры арктических научных исследований в Российской Федерации. Хронологические рамки настоящей работы охватывают исторический период после 1991 г. Работа выполнена в научном поле историко-правовой науки. Исследование осуществлялось в рамках цивилизационного подхода.

Ключевые слова: *Арктическая зона Российской Федерации, научно-исследовательская инфраструктура, правовая основа, научные организации, образовательные организации.*

В настоящее время в Российской Федерации происходит активное развитие научно-исследовательской инфраструктуры в аспекте рассматриваемой тематики. По данным, приводимым в отечественной научной литературе, в настоящее время в Российской Федерации арктическими исследованиями занимаются более 500 организаций [7, с. 75]. Дальнейшее развитие научного потенциала в отношении арктических исследований, повышение практикоориентированности научных исследований, укрепление научной основы социально-экономического развития арктических регионов Российской Федерации предусмотрено документами стратегического планирования и нормативно-правовыми актами как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов Российской Федерации.

Важными документами стратегического планирования являются послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. В своих посланиях Президент неоднократно обращался к теме развития российской Арктики. Так, в послании Президента 2018 г. ключом к развитию русской Арктики, регионов Дальнего Востока назван Северный морской путь. Поставлена задача укрепления научной, транспортной, навигационной, военной инфраструктуры, которая

© Смирнов С.Н., 2026

позволит надежно обеспечить интересы России в этом стратегически важном регионе [11].

Необходимость наращивания масштабов и эффективности научных исследований по арктической тематике определяется как фактором повышения роли Арктической зоны Российской Федерации в социально-экономическом развитии страны, так и, как отмечается в научной литературе, выявляющимися проблемами в области внедрения и разработки передовых технологий, адаптированных к арктическим условиям [9, с. 260].

Выполнение научных и экспертно-аналитических работ организуют государственные учреждения, подведомственные федеральным и региональным органам государственной власти. В данном случае именно органы государственной власти выступают в качестве центров управления формированием и деятельностью объектов научной инфраструктуры арктических исследований.

В качестве примеров можно назвать учреждения Министерства регионального развития Российской Федерации (упразднено в 2014 г.), Министерства экономического развития Российской Федерации, Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации, Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики, Федерального агентства по недропользованию и других федеральных органов исполнительной власти.

Функции координирующего центра выполняет Государственная комиссия по вопросам развития Арктики, созданная во исполнение Указа Президента Российской Федерации. Комиссия, согласно положению, обеспечивает взаимодействие федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов, органов местного самоуправления и организаций при решении социально-экономических и других задач, касающихся развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности [2]. Указанное взаимодействие включает в себя внедрение результатов исследовательской работы в практическую деятельность учреждений социальной сферы и предприятий реального сектора экономики.

В качестве примера можно отметить деятельность федерального государственного бюджетного учреждения «Всероссийский научно-исследовательский институт геологии и минеральных ресурсов Мирового океана им. И.С. Грамберга». Данная научная организация, находящаяся в ведении Федерального агентства по недропользованию и базирующаяся в Санкт-Петербурге, проводит геолого-разведочные, геофизические и геохимические работы в области изучения недр и воспроизводства минерально-сырьевой базы. В фокусе научной деятельности этого института (применительно к арктической тематике) находятся вопросы освоения минерально-сырьевых ресурсов,

обоснования принадлежности элементов подводного рельефа Арктики к Российской материковой окраине, а также проблематика экономического обеспечения развития российской Арктики [14].

Система подведомственных учреждений находится в непрерывном развитии. Так, в феврале 1992 г. по распоряжению Правительства Российской Федерации на базе Дальневосточного филиала НИИ Госкомцен СССР был создан Дальневосточный научно-исследовательский институт рынка при Министерстве экономического развития и торговли Российской Федерации. В дальнейшем это учреждение, после ряда реорганизаций, было преобразовано в федеральное автономное научное учреждение «Восточный центр государственного планирования» [30].

Важную координирующую роль играет Российская академия наук (далее – РАН), включая ее региональные отделения (Санкт-Петербургское, Сибирское, Уральское, Дальневосточное). Согласно Уставу, Академия является организацией науки, осуществляющей научное руководство научными исследованиями в Российской Федерации и проводящей научные исследования [3]. При президиуме РАН создан Научный совет РАН по изучению Арктики и Антарктики. Совет создан в целях планирования и координации фундаментальных научных исследований полярных областей Земли [4]. По сути, Российская академия наук является одним из центров принятия решений по развитию и задействованию научно-исследовательской инфраструктуры.

Академия и ее структуры координируют программы комплексного исследования арктических регионов. В качестве примера последнего времени можно привести подготовленную междисциплинарную программу «Фундаментальные и прикладные исследования, направленные на развитие регионов Арктической зоны Российской Федерации», координатором которой выступает Федеральный исследовательский центр «Якутский научный центр Сибирского отделения РАН» [12].

В конце 1991 г. Кольский научный центр АН СССР получил статус Кольского научного центра Российской академии наук, а в конце 2017 г. – статус Федерального исследовательского центра.

Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаверова Уральского отделения Российской академии наук (Лавёровский центр) организует проведение «комплексных фундаментальных, поисковых и прикладных научных исследований, направленных на создание конкурентоспособных научно-технологических основ обеспечения государственных интересов, сбалансированного социально-экономического развития и повышения качества жизни населения, сохранения окружающей природной среды, биологического и генетического разнообразия в Арктической зоне Российской Федерации» [30].

В составе Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Якутского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук функционирует Центр арктических исследований [15].

Соответствующая инфраструктура создана в Дальневосточном отделении Российской академии наук (далее – ДВО РАН). В 2024 г. на базе ДВО РАН образована комиссия по координации и научному сопровождению научно-исследовательских работ в Арктической зоне Дальневосточного федерального округа [6]. Проводятся научные исследования, в том числе во взаимодействии с учеными из других стран. Примером совместных исследований стала палеоокеанологическая экспедиция в Северном Ледовитом океане, которую организовал Тихоокеанский океанологический институт имени В.И. Ильичева ДВО РАН в сотрудничестве с Первым институтом океанографии Министерства природных ресурсов Китая с последующим изучением полученных материалов в лабораториях Российско-китайского центра по изучению океана и климата [8].

Арктическая тематика занимает видное место в деятельности Института проблем нефти и газа Российской академии наук. Созданные в ходе исследовательской работы сотрудников Института результаты интеллектуальной деятельности (защищенные патентами) направлены на создание новых технологий в областях поиска полезных ископаемых, разработки нефтегазовых месторождений, строительства скважин, экспериментального исследования горных пород [17].

Регулярные исследования в водах Северного Ледовитого океана проводит Институт океанологии им. П.П. Ширшова РАН, в том числе с использованием специализированных судов. Одно из направлений исследований – выявление рисков при организации судоходства по трассе Северного морского пути [16]. Базой для постоянных арктических исследований является Северо-Западное отделение этого института, базирующееся в Архангельске.

В 1994 г. Арктический и антарктический научно-исследовательский институт получил статус государственного научного центра (Постановлением Правительства Российской Федерации).

Федеральное государственное бюджетное учреждение «Национальный исследовательский центр ”Курчатовский институт”» выступает в качестве организатора, координатора и оператора целого ряда фундаментальных и практикоориентированных исследований, в том числе проводимых в Арктической зоне Российской Федерации. Один из его филиалов расположен в Мурманской области [21].

Научная инфраструктура по исследованию вопросов развития Арктической зоны создана в нескольких организациях высшего образования Российской Федерации. Нормативной базой ее формирования и функционирования является законодательство об

образовании, нормативные акты субъектов Российской Федерации (в отношении региональных вузов) и локальные акты образовательных организаций [1].

В качестве примера приведем краткие сведения (тезисного, обзорного характера) о научной инфраструктуре в ФГБОУ ВО «Московский государственный университета имени М.В. Ломоносова», ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», ФГАОУ ВО «Мурманский арктический университет», ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет», ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова», ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», БУ ВО «Сургутский государственный университет». Подчеркнем, что указанными вузами круг образовательных организаций высшего образования, осуществляющих научные исследования по арктической тематике, не исчерпывается.

Ректор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова В.А. Садовничий отмечает, что «исследование Арктики является одним из приоритетов развития Московского университета. МГУ ведет разнообразные исследования по всему Российскому Арктическому побережью: активно изучает криологические процессы, ледниковые системы, реакции арктических экосистем на климатические изменения, мониторит потоки парниковых газов и биоразнообразие Заполярья. Комплексный характер этих работ обеспечивается участием специалистов различных дисциплин, географов и геологов, биологов и почвоведов, экономистов и математиков. Центрами такой деятельности служат Арктический лабораторный центр, Лаборатория геоэкологии Севера, Центр морских исследований, другие исследовательские структуры, а также уникальные базы, включая Беломорскую биологическую станцию, Хибинскую учебно-научную базу, многочисленные экспедиции на Ямале, Таймыре, Чукотке и других регионах Арктики. По инициативе МГУ реализуется проект “Плавучий университет” для изучения арктических морей». В числе крупных проектов последнего времени – масштабные исследования в Арктической зоне Российской Федерации, предусмотренные соглашением МГУ и «Норникеля» [18].

Подчеркнем практикоориентированность многих исследований ученых МГУ. Так, Арктический лабораторный центр МГУ в ходе проведения геокриологических, геологических, геохимических исследований грунтов и природных вод выполняет для заказчиков комплекс работ «под ключ» [32].

Инфраструктура по реализации арктических проектов создана в Санкт-Петербургском государственном университете (далее – СПбГУ).

В 2019 г. в СПбГУ был организован Научно-исследовательский центр Арктики, который призван координировать и поддерживать текущие арктические исследования СПбГУ, развивать новые мультидисциплинарные научные проекты, обеспечивающие научно-образовательные приоритеты развития Арктической зоны России, а также вести экспертную работу по вопросам устойчивого развития Арктики и Севера. В 2021 г. в СПбГУ был создан Арктический проектный офис в качестве структурного подразделения, организующего и координирующего деятельность по планированию, реализации и контролю проектной деятельности СПбГУ (во взаимодействии с партнерами) в соответствии с Арктическими приоритетами. В настоящее время СПбГУ ведет работу по реализации нескольких крупных проектов «арктической» тематики.

Арктическая исследовательская тематика занимает важное место в деятельности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Соответствующую исследовательскую работу ведут филиалы Президентской академии в Санкт-Петербурге, Мурманске, Петрозаводске (Карельский), представительства в Архангельской области, Ханты-Мансийском автономном округе-Югре и т. д.

В 2018 г. по решению Ученого совета Российской академии народного хозяйства и государственной службы (далее – РАНХиГС) на базе РАНХиГС Санкт-Петербурга был создан Центр арктических исследований и проектов [24].

На заседании Государственной комиссии по вопросам развития Арктики 17 апреля 2026 г. был рассмотрен вопрос по разработке и созданию новых технологий строительства зимников в Арктической зоне Российской Федерации. На заседании был представлен успешный опыт Ямало-Ненецкого автономного округа и МГТУ им. Н.Э. Баумана. В регионе была апробирована модификация ледового покрытия путем внесения химических, экологически безопасных и биоразлагаемых компонентов, а также армирование ледовых переправ с использованием волоконных материалов природного происхождения [33].

С учетом географического положения логичной является исследовательская деятельность по арктической тематике в Мурманском арктическом университете (далее – МАУ). В программе развития МАУ на 2023–2032 гг. сформулирована цель трансформации университета в международный исследовательский арктический университет, конкурентоспособный на национальном и международном уровнях, который обеспечивал бы условия для раскрытия и реализации образовательного, научно-исследовательского, инновационного и творческого потенциала своих сотрудников и обучающихся для решения стратегических задач освоения и развития арктических территорий [20]. В МАУ создана соответствующая инфраструктура арктических научных

исследований. Она включает в себя Мурманский арктический научный центр Российской академии образования (созданный в рамках соглашения РАО и МАУ), Центр поддержки языков коренных малочисленных народов Российской Федерации (саамский язык) в статусе федеральной инновационной площадки, Международный информационно-аналитический центр междисциплинарных исследований развития Арктической зоны Российской Федерации, целый ряд научно исследовательских лабораторий и т. д. [19].

Исследовательская инфраструктура, являющаяся базой научных исследований по арктической тематике, создана в Петрозаводском государственном университете (далее – ПетрГУ). Речь идет, в частности, об Институте североевропейских и арктических исследований (включающем в свой состав Арктический центр), Гуманитарном инновационном парке (включающем в свой состав Центр подготовки северных и арктических экспедиций), Центре цифрового мониторинга северных и арктических экосистем ПетрГУ [23]. Роль данного университета в исследованиях Арктики определяется его потенциалом и профилем (крупный многопрофильный вуз Европейского Севера России), ролью в регионе (опорный вуз Карелии), а также тем обстоятельством, что в состав Арктической зоны Российской Федерации включены некоторые муниципальные образования Республики Карелия.

В числе реализованных проектов ПетрГУ – исследование кадровой потребности экономики Арктической зоны Российской Федерации по заказу Минвостокразвития России и Корпорации развития Дальнего Востока и Арктики [26].

На территории Арктической зоны Российской Федерации находится университет, само расположение которого определяет главную стратегическую цель его деятельности: обеспечение инновационной научной и кадровой поддержки, защита геополитических и экономических интересов России в Арктическом регионе. Речь идет о Северном (Арктическом) федеральном университете имени М.В. Ломоносова (далее – САФУ) [22]. В структуре САФУ создан Институт стратегического развития Арктики. Среди направлений научной деятельности этого структурного подразделения – подготовка экспертных заключений и рекомендаций для органов государственной власти по вопросам социально-экономического развития Арктического региона [27].

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова проводит исследования в Арктике по приоритетным направлениям науки [28]. На базе этого университета в 2022 г. создан Российско-азиатский консорциум арктических исследований совместно с международной организацией северных регионов «Северный Форум» [10].

Крупнейший вуз Ханты-Мансийского автономного округа – Югры – Сургутский государственный университет (далее – СурГУ) выстраивает

стратегию научной деятельности с учетом как задач научно-технологического развития страны, так и целей социально-экономического развития региона. Одна из целей – сохранение доли добычи нефти на уровне 40 % от российского уровня (согласно Концепции развития ресурсной базы углеводородного сырья в Югре до 2050 г.) [5].

Соответственно, задачей арктических исследований СурГУ является создание новых технологий и материалов в областях химии нефти и биомедицины [25]. В вузе создается также инфраструктура для проведения исследований в социально-гуманитарных областях. Примером такой инфраструктуры является Центр югорской археологии и этнографии [29].

Научная инфраструктура для проведения исследований по арктической тематике сформирована в ряде других крупных вузов вне Арктической зоны Российской Федерации, включая университеты Севера Европейской части России, Урала, Сибири и Дальнего Востока. В числе этих вузов Дальневосточный федеральный университет, Томский государственный университет, Тюменский государственный университет и др.

Подчеркнем также, что региональные университеты, расположенные в регионах Российской Федерации вне Арктической зоны, также могут своими исследованиями внести свой вклад в организацию экономической деятельности на территориях Крайнего Севера.

В северных субъектах Российской Федерации функционирует исследовательская инфраструктура на базе региональных научных учреждений. Так, в Республике Саха (Якутия) создан Арктический научно-исследовательский центр на базе республиканской Академии наук. Академия издает также научный рецензируемый журнал открытого доступа «Природные ресурсы Арктики и Субарктики» [13].

Таким образом, развитие научной инфраструктуры арктических исследований осуществляется в Российской Федерации в плановом порядке согласно документам стратегического планирования. Нормативной базой являются федеральные законы, нормативные акты Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации, федеральные ведомственные нормативные акты, законы и подзаконные акты органов государственной власти субъектов Российской Федерации, локальные акты научных и образовательных организаций Российской Федерации.

Организационно объекты исследовательской инфраструктуры входят в несколько относительно самостоятельных комплексов (научные учреждения, подведомственные федеральным органам исполнительной власти; образовательные организации, подведомственные Министерству науки и высшего образования и другим федеральным органам власти; научные организации системы Российской академии наук; региональные

научные организации; региональные образовательные организации). Учитывая достаточно высокий уровень взаимодействия, указанные комплексы связаны в систему, что позволяет осуществлять исследовательские проекты крупных масштабов и комплексного характера.

Список литературы

1. Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Сайт Президента Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://kremlin.ru/ (дата обращения: 07.03.2026).

2. Постановление Правительства Российской Федерации от 14.03.2015 г. № 228 «Об утверждении Положения о Государственной комиссии по вопросам развития Арктики» // Сайт Правительства Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://government.ru (дата обращения: 10.05.2026).

3. Постановление Правительства РФ от 27.06.2014 г. № 589 (ред. от 06.05.2026 г.) «Об утверждении устава федерального государственного бюджетного учреждения ”Российская академия наук”» // Сайт Правительства Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://government.ru (дата обращения: 01.03.2026).

4. Постановление президиума РАН от 13.10.2020 г. № 134 «Об утверждении Положения – о Научном совете РАН по изучению Арктики и Антарктики и его состава (представление председателя Совета)» // Сайт Научного совета РАН по изучению Арктики и Антарктики [Электронный ресурс]. URL: https://polarscience.ru/ (дата обращения: 26.02.2026).

5. Распоряжение Правительства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 25.08.2025 г. № 391-рп «О Концепции развития ресурсной базы углеводородного сырья Ханты-Мансийского автономного округа – Югры до 2050 года» // Сайт Департамента недропользования и природных ресурсов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры [Электронный ресурс]. URL: https://depprirod.admhmao.ru/ (дата обращения: 07.03.2026).

6. В ДВО РАН создана комиссия по исследованию Арктики // Портал «Научная Россия» [Электронный ресурс]. URL: https://scientificrussia.ru/ (дата обращения: 28.02.2026).

7. Гутенев М.Ю., Лагутина М.Л., Сергунин А.А. Российские университеты как акторы арктической научной дипломатии // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 8–9. С. 70–88.

8. Дальневосточные ученые завершили экспедицию по изучению климатических изменений в Арктике // Сайт Арктик-Фонд [Электронный ресурс]. URL: https://arctic.narfu.ru/main/news/1484-dalnevostochnye-uchenye-zavershili-ekspeditsiyu-po-izucheniyu-klimaticheskikh-izmenenij-v-arktike (дата обращения: 28.02.2026).

9. Крутиков А.В., Смирнова О.О., Бочарова Л.К. Стратегия развития российской Арктики. Итоги и перспективы // Арктика и Север. 2020. № 40. С. 254–269.

10. На базе СВФУ создали российско-азиатский консорциум арктических исследований // Сайт ТАСС. Наука. 2022. 11 июня.

11. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию 01.03.2018 г. // Сайт Президента Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: kremlin.ru (дата обращения: 19.02.2026).

12. Российская академия наук – драйвер прогресса арктических исследований // Сайт Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института им. Н.А. Шило [Электронный ресурс]. URL: https://neisri.ru/novosti/rossijskaya-akademiya-nauk-drajver-progressa-arkticheskih-issledovanij/ (дата обращения: 26.02.2026).

13. Сайт Академии наук Республики Саха (Якутия). Научные журналы. «Природные ресурсы Арктики и Субарктики» [Электронный ресурс]. URL: https://resar.elpub.ru/jour?locale=ru_RU (дата обращения: 29.02.2026).

14. Сайт ВНИИ Океангеология. [Электронный ресурс]. URL: https://vniio.ru/ (дата обращения: 01.05.2026).

15. Сайт Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук. Центр арктических исследований [Электронный ресурс]. URL: https://igi.ysn.ru/ (дата обращения: 28.02.2026).

16. Сайт Института океанологии им. П.П. Ширшова РАН. [Электронный ресурс]. URL: https://ocean.ru/ (дата обращения: 01.05.2026).

17. Сайт Института проблем нефти и газа РАН. [Электронный ресурс]. URL: https: www.ipng.ru (дата обращения 01.05.2026).

18. Сайт Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. МГУ совместно с «Норникелем» проведет масштабные исследования Арктики [Электронный ресурс]. URL: https://msu.ru/press/smiaboutmsu/mgu-sovmestno-s-nornikelem-provedet-masshtabnye-issledovaniya-arktiki.html (дата обращения: 28.02.2026).

19. Сайт Мурманского арктического университета. Наука [Электронный ресурс]. URL: https://mauniver.ru/science/news/ (дата обращения: 28.02.2026).

20. Сайт Мурманского арктического университета. Сведения об образовательной организации. Программа развития ФГАУ ВО «Мурманский арктический университет» на 2023–2032 годы [Электронный ресурс]. URL: https://www.arcticsu.ru/sveden/document/prog_raz_2023_2032/ (дата обращения: 28.02.2026).

21. Сайт НИЦ «Курчатовский институт» [Электронный ресурс]. URL: https://nrcki.ru/ (дата обращения: 28.02.2026).

22. Сайт Образование и наука в Российской Арктике. Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова [Электронный ресурс]. URL: https://arctic-union.ru/o-konsortsiume/uchastniki/?ELEMENT_ID=252&PAGEN_2=4&PAGEN_4=8&PAGEN_3=2 (дата обращения: 28.02.2026).

23. Сайт Петрозаводского государственного университета. [Электронный ресурс]. URL: https://petrsu.ru/ (дата обращения: 07.03.2026).

24. Сайт РАНХиГС Санкт-Петербург. Центр арктических исследований и проектов РАНХиГС [Электронный ресурс]. URL: https://spb.ranepa.ru/science/czentr-arkticheskih-issledovanij-i-proektov-ranhigs/ (дата обращения: 28.02.2026).

25. Сайт РИА Новости. «Обхитрили» нефть и возраст. Как ученые создают комфортный Север. 11.11.2025 [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/20251111/nauka (дата обращения: 07.03.2026).

26. Сайт Российского союза ректоров. В ПетрГУ подсчитали кадровую потребность экономики Арктической зоны РФ [Электронный ресурс]. URL: https://rsr-online.ru/ (дата обращения: 07.03.2026).

27. Сайт Северного (Арктического) федерального университета. Институт стратегического развития Арктики [Электронный ресурс]. URL: https://arctic-union.ru/o-konsortsiume/uchastniki/?ELEMENT_ID=252 (дата обращения: 28.02.2026).

28. Сайт Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова [Электронный ресурс]. URL: https://www.s-vfu.ru/information/ (дата обращения: 29.02.2026).

29. Сайт Сургутского государственного университета. Центр югорской археологии и этнографии [Электронный ресурс]. URL: https://archeosurgu.ru/ (дата обращения: 07.03.2026).

30. Сайт ФАНУ «Восточный центр государственного планирования». История [Электронный ресурс]. URL: https://vostokgosplan.ru/about/ (дата обращения: 26.02.2026).

31. Сайт ФИЦ комплексного изучения Арктики УрО РАН [Электронный ресурс]. URL: https://fciarctic.ru/ (дата обращения 01.05. 2026).

32. Сайт Центр Геокриологии МГУ. Арктический лабораторный центр [Электронный ресурс]. URL: https://www.cgmgu.ru/arctic-laboratory-center (дата обращения: 29.03.2026).

33. Юрий Трутнев провел заседание Госкомиссии по вопросам развития Арктики. 17.04.2026 // Сайт Правительства Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://government.ru (дата обращения: 10.05.2026).

Об авторе:

СМИРНОВ Сергей Николаевич – доктор юридических наук, профессор кафедры теории права, директор Института непрерывного образования ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), ORCID: 0000-0003-0758-7521, SPIN-код: 5101-9484, e-mail: Smirnov.SN@tversu.ru

Developing arctic scientific research infrastructure in the Russian Federation: legal, organizational, and management aspects

S.N. Smirnov

Tver State University, Tver

The relevance of this study is determined by a number of factors extending beyond science. The scientific potential and effectiveness of Arctic scientific research are crucial not only for strengthening security and developing the economy and social sphere of the Russian Federation (as well as other Arctic states), but also for establishing an advantage in the geoeconomic and geopolitical competition of various countries. The purpose of this study is to

analyze the legal, organizational, and management aspects of developing Arctic scientific research infrastructure in the Russian Federation. The chronological framework of this work covers the historical period since 1991. The study is conducted within the framework of historical and legal science. The study was conducted within the framework of a civilizational approach.

Keywords: *Arctic zone of the Russian Federation, scientific research infrastructure, legal framework, scientific organizations, educational organizations.*

About author:

SMIRNOV Sergey – Doctor of Law, professor of the department of Legal Theory, director of the Institute of Continuous Education of Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), ORCID: 0000-0003-0758-7521, SPIN-code: 5101-9484, e-mail: Smirnov.SN@tversu.ru

Смирнов С.Н. Развитие инфраструктуры арктических научных исследований в Российской Федерации: правовые, организационные и управленческие аспекты // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 2 (86). С. 128–139.

Статья поступила в редакцию 10.05.2026 г.

Подписана в печать 10.06.2026 г.

УДК 343.28:343.265
DOI: 10.26456/vtpravo/2026.2.140

Правовая регламентация условного осуждения и отсрочки отбывания наказания в законодательствах стран СНГ

М.Г. Фролов

ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет», г. Смоленск

В статье исследуются концептуальные подходы к регламентации уголовно-правовых институтов условного осуждения и отсрочки отбывания наказания, сложившихся в законодательствах стран СНГ на рубеже веков. Целью исследования является выявление сходства и различий норм национальных законодательств, касающихся правовой природы неприменения реального наказания. Для достижения поставленной цели исследован исторический аспект становления данных институтов и проведен сравнительный анализ тенденций правового регулирования в данной сфере общественных отношений и практики правоприменения, сложившейся в постсоветский период. На основе проведенного анализа сделаны выводы, касающиеся совершенствования правовой регламентации отечественных институтов условного осуждения и отсрочки отбывания наказания.

Ключевые слова: *условное осуждение, испытательный срок, отсрочка отбывания наказания, судимость, осужденный, больной наркоманией.*

Уголовно-правовые институты условного осуждения и отсрочки отбывания наказания, широко применяемые с конца XIX в. в законодательствах европейских стран, предоставляют осужденному возможность избежать реального отбывания наказания. Назначение наказания условно и предоставление отсрочки его исполнения отвечает принципам гуманизма и экономии уголовной репрессии. Лицо, избегая реального отбытия наказания, связанного с изоляцией от общества, не подвергается социальному клеймению и травмирующему психологическому воздействию, государство избегает дополнительных издержек, связанных с содержанием осужденных. С учетом указанных факторов концепция «неприменения реального наказания» нашла различное преломление в уголовных законодательствах стран Содружества Независимых Государств (далее – СНГ).

История отечественного института условного осуждения насчитывает более 150 лет. Впервые правила, регламентирующие замену назначенного судом наказания условным осуждением, появились в ходе судебной реформы 1864 г. В разных вариациях они нашли отражение в уголовных кодексах советского периода. В Уголовном кодексе РСФСР 1961 г., кроме ст. 44 «Условное осуждение», имелась ст. 24.2 «Условное осуждение с обязательным привлечением к труду», которая была введена

 © Фролов М.Г., 2026

в целях решения проблемы обеспечения трудовыми ресурсами строек народного хозяйства и широко применялась в 1983–1993 гг. В действующем Уголовном кодексе РФ (далее – УК РФ) [1] институт условного осуждения закреплен в ст. 73, определяющей перечень наказаний, назначаемых условно, и перечень деяний, при совершении которых условное осуждение неприменимо. Объем ограничений и обязанностей, возлагаемых на условно осужденного, входит в дискреционные полномочия судьи.

Критериями для применения отсрочки отбывания наказания (ст. 82 УК РФ) выступают, прежде всего, биологические, социально-демографические и социально-ролевые свойства личности преступника (беременность, возраст ребенка, одинокий родитель), которые в совокупности с характером и степенью общественной опасности совершенного преступления могут быть основанием для принятия судебного решения.

Целью применения отсрочки отбывания наказания для лиц, страдающих наркотической зависимостью, является их излечение и реабилитация. Однако российский законодатель предусматривает возможность применения такой отсрочки только в случаях совершения узкого круга преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков (ч. 1 ст. 82.1 УК РФ). Судом учитывается также желание и готовность больного наркоманией добровольно пройти курс лечения, медицинскую и социальную реабилитацию.

Нормы УК РФ, регламентирующие условное осуждение и отсрочку отбывания наказания, имеют сходную конструкцию: определяют обстоятельства и условия, позволяющие суду принять решение об их применении, указывают временные периоды, в течение которых наказание фактически не отбывается, описывают последствия для осужденного, наступающие при нарушении возложенных на него ограничений. Сходство обоих институтов состоит также и в том, что их применение относится к дискреционным полномочиям суда. Кроме того, правовое положение лица в период условного осуждения и отсрочки характеризуется наличием судимости. В соответствии с изменениями, внесенными Федеральным законом от 24.06.2025 г. № 174 [3] в ст. 82 УК РФ, правовые последствия совершения нового преступления в период отсрочки дифференцированы в зависимости от его тяжести, аналогично правилам, регламентирующим отмену условного осуждения, закрепленным в ч. 4 и 5 ст. 74 УК РФ.

Таким образом, оба уголовно-правовых института имеют достаточно много общих черт. Это предопределило появление в научной литературе различных подходов к толкованию их правовой природы. В частности, Ю.М. Ткачевский [13, с. 501], Л.В. Иногамова-Хегай [16], С.Г. Келина [12] полагают, что отсрочка является разновидностью условного осуждения. В.К. Дуюнов называет институт отсрочки освобождением от

наказания под условием [15, с. 254]. О.В. Тюшнякова относит отсрочку к мерам уголовно-правового воздействия, не связанным с лишением свободы [14, с. 4]. По нашему мнению, в связи с принятием Федерального закона «О пробации в Российской Федерации» [2] эти институты полностью вписываются в концепцию пробации и являются формами исполнительной пробации [17, с. 221].

Из анализа перечня преступлений, при совершении которых исключается возможность применения отсрочки отбывания наказания (ч. 1 ст. 82 УК РФ), вытекает, что законодатель допускает применение отсрочки к лицам, осуждаемым к лишению свободы за преступления, предусмотренные гл. 20 УК РФ. По нашему мнению, такая позиция противоречит интересам детей, на защиту которых прежде всего должна быть ориентирована отсрочка отбывания наказания их родителями. Кроме того, законодатель, определяя в ч. 1 ст. 82 УК РФ условия применения отсрочки отбывания наказания родителю, умалчивает основную цель этого института – обеспечение благополучия детей, реализовать которую в полной мере представляется невозможным при реальном отбывании назначенного наказания. Законодателем упускаются и такие важные характеристики личности родителя, как наличие стабильного источника дохода, совместное проживание с ребенком, желание непосредственно участвовать в его воспитании и другие фактические обстоятельства, которые могут свидетельствовать о достижимости целей отсрочки.

Предусматривая отсрочку больным наркоманией (ст. 82.1 УК РФ), законодатель исходит из возможности ее применения только в случаях совершения преступления в сфере незаконного оборота психоактивных веществ, в частности их незаконного приобретения (ч. 1 ст. 228 УК РФ), впервые. Однако, как показывает проведенный нами анализ уголовных дел, наркозависимые лица, не имея денег для покупки «дозы», прибегают к противозаконным способам добычи средств оплаты: как правило, приобретению наркотика предшествует кража, мелкое хищение либо мошенничество. Состояние «ломки» детерминирует направленность всех волевых усилий наркозависимого лица на достижение конечной цели – приобретения и потребления «дозы» и катализирует развитие психологического механизма совершения корыстного преступления, предшествующего деянию, предусмотренному ч. 1 ст. 228 УК РФ. Подобная совокупность преступлений не допускает применение отсрочки. Здесь напрашивается вопрос: если, предусматривая применение отсрочки наркозависимым, законодатель исходил из гуманной цели охраны их здоровья, то почему перечень деяний, указанных в ч. 1 ст. 82.1 УК РФ, исчерпывается преступлениями в сфере незаконного оборота наркотиков? По нашему мнению, отсрочка наказания больному наркоманией может иметь место и в ситуации совокупности корыстного преступления небольшой тяжести (например,

ч. 1 ст. 158, ч. 1 ст. 159 УК РФ), совершаемого в целях приискания средств для приобретения наркотиков, и последующей незаконной сделки (ч. 1 ст. 228 УК РФ).

Анализ ст. 23 УК РФ, в которой состояние опьянения трактуется широко (алкогольное, наркотическое и др.), в корреспонденции с положениями, закрепленными в ст. 82.1 УК РФ, вызывает непонимание концепта законодателя в отношении института отсрочки, предусмотренного сугубо для лиц, больных наркоманией. Эта категория лиц оказывается в привилегированном положении в сравнении с лицами, страдающими иным заболеванием наркологического профиля (например, больными алкоголизмом).

Сравнительно-правовое исследование норм, регламентирующих отсрочку отбывания наказания и условное осуждение в законодательствах зарубежных стран, представляет интерес для нахождения наиболее эффективных способов решения правовых проблем и позволяет интегрировать передовые правовые идеи в отечественное уголовное законодательство. Рассмотрим опыт правового регулирования, накопленный в этой сфере общественных отношений в странах СНГ, национальные правовые системы которых сохраняют преемственность к романо-германской правовой семье.

Условное осуждение в уголовных законодательствах стран СНГ регламентировано практически одинаково: указывается степень тяжести преступления и виды наказаний, которые могут назначаться условно, определяются длительность испытательного срока и обязанности условно осужденного, а также последствия их невыполнения. Институт условного осуждения в странах СНГ относится к различным разделам уголовных кодексов. В УК Республики Беларусь [6] это «Иные меры уголовной ответственности», в УК Республики Казахстан [7], УК Республики Армения [5], УК Республики Азербайджан [4] и УК Республики Таджикистан [11] – «Назначение наказания», в УК Республики Молдова [9] и УК Республик Узбекистан [10] – «Неприменение наказания», в УК Республики Киргизия [8] – «Пробационный надзор». Во всех странах СНГ вопрос об условном осуждении (неприменении наказания, освобождении от наказания) решается судом с учетом характеристики личности, а само лицо, совершившее преступление, признается судимым.

В УК Республики Азербайджан (ст. 70, 71) не закреплен круг деяний, по которым условное осуждение не может быть назначено. Законодателем приводится только перечень видов наказаний, при назначении которых допустимо условное осуждение. Суд, принимая решение о назначении наказания условно, исходит из характера и степени общественной опасности преступления, характеристики личности, в том числе смягчающих и отягчающих вину обстоятельств. На условно осужденного могут быть возложены обязанности,

аналогично ч. 5 ст. 73 УК РФ. Для контроля за поведением осужденных применяются электронные средства надзора.

В Киргизии за условно осужденным устанавливается пробационный контроль, основная цель которого – надзор за исполнением определенных судом обязанностей (не менять места жительства и работы, не посещать определенные места, пройти курс лечения и др.). Пробационный контроль не устанавливается иностранному гражданину и лицу без гражданства в случае назначения в качестве дополнительного наказания выдворения за пределы страны. В случаях совершения лицом, находящимся под пробацией, преступления средней тяжести или тяжкого преступления, суд отменяет условное осуждение и назначает наказание по правилам совокупности приговоров.

Белорусским законодателем предусмотрен специальный институт условного освобождения по амнистии и помилованию, предусматривающий установление профилактического наблюдения за амнистированным и помилованным лицом (ч. 2 ст. 95 и ч. 2 ст. 96). По сути, в период профилактического наблюдения на лицо накладываются ограничения, аналогичные закрепленным в ч. 5 ст. 73 УК РФ. В случаях несоблюдения установленных ограничений или совершения правонарушений амнистия и помилование подлежат отмене.

В Республике Молдова, где согласно ст. 21 УК РМ [9] субъектами преступления могут быть как физические, так и юридические лица, институт неприменения наказания включает условное осуждение, применяемое только к физическим лицам (ст. 90) и условное освобождение от уголовной ответственности, применяемое как к физическим лицам (ст. 59), так и к юридическим лицам (ст. 59.1), для которых предусмотрено заключение судебного соглашения, содержащего определенные обязанности, действующие в период установленного срока наблюдения. Соблюдение условно осужденным физическим лицом установленных судом ограничений контролируется органами пробации, которые разрабатывают персональную программу реабилитации.

Отсрочка наказания беременным, а также одиноким родителям безотносительно их гендерной принадлежности, предусмотрена в большинстве стран содружества, за исключением Белоруссии и Таджикистана, где данный вид отсрочки предусмотрен только для женщин. Кроме того, возраст ребенка, до достижения которого может быть применена отсрочка, не одинаков: минимальный – 3 года в Армении и Белоруссии, максимальный – 14 лет в Казахстане и Киргизии. В Республике Таджикистан отсрочка беременным и женщинам, имеющим детей до 8 лет (ст. 78 УК РТ), предусмотрена с учетом ментальности населения и мусульманских традиций. В частности, суд может ее применить при условии, если женщина может самостоятельно обеспечить надлежащее воспитание ребенка. В противном случае суду

необходимо представить согласие родственников на совместное проживание с осужденной и поручительство о материальной поддержке матери и ребенка.

Уголовные кодексы стран СНГ не содержат норм об отсрочке наказания больным наркоманией, аналогичных положениям ст. 82.1 УК РФ. Однако ст. 74.1 УК Республики Азербайджан предусматривает применение принудительных мер медицинского характера взамен исполнения реального наказания в отношении больных наркоманией, совершивших незаконное приобретение, хранение, изготовление, обработку или перевозку наркотиков без цели сбыта. После полного выздоровления судом принимается решение об освобождение лица от уголовной ответственности. В УК Республики Беларусь (ч. 1. ст. 107) больные наркоманией, совершившие преступления, подлежат принудительному лечению в период отбывания наказания.

Таким образом, в отношении больных наркоманией, совершивших преступления в сфере незаконного оборота наркотиков, уголовным законодательством России предусматриваются наибольшие привилегии – их лечение и медицинская реабилитация вместо реального исполнения наказания.

Исходя из проведенного сравнительно-правового анализа нормативного регулирования уголовно-правовых институтов условного осуждения и отсрочки отбывания наказания в законодательствах стран СНГ, можно сделать следующие выводы:

1. Процедура назначения условного осуждения в странах СНГ имеет сходный алгоритм, включающий: установление факта совершения нетяжкого преступления впервые и отсутствия доминирования негативных нравственно-психологических свойств в характеристике личности; обоснование решения о целесообразности неприменения реального наказания; определение длительности испытательного срока, комплекса накладываемых на лицо обязанностей и формы контроля (надзора). Общей тенденцией в данной сфере общественных отношений является формирование института исполнительной пробации, в рамках которого решаются задачи адресной социальной помощи условно осужденным, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, и предупреждения рецидива преступлений.

2. Особенностью УК Республики Молдова является признание субъектом преступления физического и юридического лица (ст. 21 УК РМ). Соответственно законодателем предусмотрены разновидности условного неприменения наказания: для физических лиц это условное осуждение, для юридических лиц – освобождение от уголовной ответственности.

3. Белорусский законодатель прибегает к использованию категории «условно» трижды: при осуждении с условным неприменением наказания (ст. 77 УК РБ), при объявлении амнистии (ст. 95 УК РБ), при

вынесении акта помилования (ст. 96 УК РБ). В каждом случае за лицом устанавливается профилактическое наблюдение, предусматривающее ряд ограничений, аналогичных приведенным в ч. 5 ст. 73 УК РФ. Нарушение установленных обязанностей влечет отмену «условных мер» и исполнение реального наказания или восстановление прежнего статус-кво для амнистированного или помилованного лица. Таким образом, в случаях амнистии и помилования, применяемых условно, лицо своим безупречным поведением должно оправдать принятый акт государства.

4. Отсрочка отбывания наказания лицам, имеющим малолетних детей, предусмотрена во всех странах СНГ, за исключением Узбекистана. Возраст детей, родителям которых можно получить данный вид отсрочки и на защиту интересов которых ориентированы нормы данного уголовно-правового института, варьируется в широких пределах: от 3 лет (Армения, Белоруссия) до 14 лет (Россия, Казахстан, Киргизия). В большинстве стран СНГ этот вид отсрочки предоставляется лицам обоего пола, являющимся единственным родителем. Исключение составляют уголовные законодательства Таджикистана и Белоруссии, в которых это вид отсрочки предусматривается только для женщин. Пробелом правовой регламентации данного института является отсутствие в уголовно-правовых нормах фиксации основной цели применения отсрочки, которая, по нашему мнению, должна состоять не в представлении некоего снисхождения лицам, имеющим малолетних детей, а в обеспечении в первую очередь интересов ребенка.

5. Отсрочка отбывания наказания больным наркоманией в странах СНГ не распространена и предусмотрена только УК РФ. Российский законодатель исходит из гуманной цели – излечения и социальной реабилитации больного. Однако круг деяний, при совершении которых больному наркоманией может быть назначена отсрочка, ограничен преступлениями в сфере незаконного оборота наркотиков, что, по нашему мнению, исключает возможность применения отсрочки больным наркоманией в ситуациях, наиболее характерных для поведения наркозависимых, когда ими совершаются корыстные преступления небольшой тяжести в целях последующего приобретения психоактивных веществ.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации. М.: Эксмо. 2025. 288 с.

2. Федеральный закон от 06.02.2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_439127/ (дата обращения: 10.09.2025).

3. Федеральный закон от 24.06.2025 г. № 174-ФЗ «О внесении изменений в статью 82 Уголовного кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_508348/ (дата обращения: 10.09.2025).

4. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики [Электронный ресурс]. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30420353 (дата обращения: 10.09.2025).

5. Уголовный Кодекс Республики Армения [Электронный ресурс]. URL: http://parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1349&lang=rus (дата обращения: 10.09.2025).

6. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275 (дата обращения: 10.09.2025).

7. Уголовный кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252 (дата обращения: 10.09.2025).

8. Уголовный кодекс Кыргызской Республики [Электронный ресурс]. URL: https://mvd.gov.kg/rus/ministry/normative-bases/22 (дата обращения: 10.09.2025).

9. Уголовный кодекс Республики Молдова [Электронный ресурс] URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30394923 (дата обращения: 10.09.2025).

10. Уголовный кодекс Республики Таджикистан [Электронный ресурс]. URL: https://faolex.fao.org/docs/pdf/taj197648.pdf (дата обращения: 10.09.2025).

11. Уголовный кодекс Республики Узбекистан [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421110 (дата обращения: 26.08.2025).

12. Келина С.Г. Освобождение от уголовной ответственности и наказания. М.: 2000. 190 с.

13. Ткачевский Ю.М. Избранные труды. СПб.: Юридический центр, 2010. 604 с.

14. Тюшнякова О.В. Отсрочка отбывания наказания женщинам как мера уголовно-правового воздействия: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08. Тольятти, 2002. 227 с.

15. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / под ред. В.К. Дуюнова. 6-е изд. М.: ПРИОр: ИНФРА-М, 2023. 780 с.

16. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. 2-е изд. М.: ИНФРА-М, 2008. 560 с.

17. Фролов М.Г. Концепция пробации в отношении несовершеннолетних в российском и зарубежных законодательствах // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. С. 221–230.

Об авторе:

ФРОЛОВ Михаил Григорьевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент Смоленского государственного университета (214000, г. Смоленск, ул. Пржевальского, 4), SPIN-код: 3237-5534, AuthorID: 742141, e-mail: michailfroloff@mail.ru

Legal regulation of probational sentence and deferment of serve of sentence in the legislation of the CIS countries

M.G. Frolov

Smolensk State University, Smolensk

This article examines conceptual approaches to regulating the criminal law institutions of probation and deferment of sentences, as they emerged in the legislation of CIS countries at the turn of the century. The aim of the study is to identify similarities and differences in national legislation regarding the legal nature of the non-application of actual punishment. To achieve this goal, the historical aspect of the formation of these institutions was studied and a comparative analysis of the trends in legal regulation in this area of public relations and the practice of law enforcement that developed in the post-Soviet period was conducted. Based on the conducted analysis, conclusions were drawn regarding the improvement of legal regulation of domestic institutions of probation and deferment of sentences.

Keywords: *conditional sentence, probation, deferment of sentence, conviction, convicted, drug addict.*

About author:

FROLOV Mikhail – PhD in Law, Associate Professor of Smolensk State University, Docent (4 Przhevalsky St., Smolensk, 214000), SPIN-code: 3237-5534, AuthorID: 742141, e-mail: michailfroloff@mail.ru

Фролов М.Г. Правовая регламентация условного осуждения и отсрочки отбывания наказания в законодательствах стран СНГ // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 2 (86). С. 140–148.

Статья поступила в редакцию 01.10.2025 г.

Подписана в печать 10.06.2026 г.

УДК 343.823:316.614+343.825
DOI: 10.26456/vtpravo/2026.2.149

О некоторых особенностях оплаты труда осужденных в местах лишения свободы

В.В. Харитошкин

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Труд считается эффективным средством исправления осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы. Посредством трудовой деятельности осужденный поддерживает свое душевное и физическое здоровье, развивает деловые качества, учится коммуникабельности. В статье рассмотрены особенности оплаты труда осужденных в местах лишения свободы, а также проанализирована судебная практика, связанная с жалобами осужденных на неправомерные действия исправительных учреждений по отказу в привлечении к труду и его оплате.

Ключевые слова: *труд осужденного, исправительные учреждения, оплата труда осужденных.*

Обязательное привлечение осужденных к общественно полезному труду – это одна из мер реализации уголовно-исполнительной политики государства. Общественно полезный труд в качестве средства исправления применяется не для всех видов наказания. Считается, что наиболее эффективное воздействие на личность осужденного труд, как средство исправления, оказывает при отбывании наказания в виде лишения свободы. Посредством трудовой деятельности осужденный поддерживает свое душевное и физическое здоровье, развивает деловые качества, учится коммуникабельности и приобретает необходимые навыки работы с людьми при решении конкретных производственных вопросов. Все это помогает осужденному преодолевать различные жизненные проблемы, что в значительной степени влияет на процесс исправления и перевоспитания [10, с. 170].

Трудовая деятельность осужденных дает возможность заработать средства, позволяющие компенсировать затраты на их содержание, покрыть исковые обязательства, улучшить материальное положение, а также освоить профессию, которая может быть востребована на рынке труда после освобождения. Осужденные к лишению свободы привлекаются к оплачиваемому труду в центрах трудовой адаптации и производственных мастерских, на промышленных предприятиях, принадлежащих исправительным учреждениям, либо на предприятиях иных форм собственности. Труд может выражаться в хозяйственном обслуживании исправительных учреждений, а также в индивидуальной трудовой деятельности. В настоящее время в производственный сектор

© Харитошкин В.В., 2026

уголовно-исполнительной системы РФ входят 650 учреждений, на которых трудоустроено свыше 130 тысяч осужденных [8, с. 54].

Вместе с тем в практике имеет место немало случаев, когда администрация исправительных учреждений не принимает необходимых мер для привлечения осужденных к труду, ссылаясь на различные «объективные» обстоятельства.

Так, Е. обратился в суд в связи с тем, что на в период отбывания им наказания на протяжении 12 лет Федеральная служба исполнения наказаний (далее – ФСИН России) не предоставила ему работы в исправительном учреждении. По мнению Е., администрация исправительной колонии вполне могла направить его в другое исправительное учреждение, где имелись рабочие места, однако сделано этого не было [12].

В своем кассационном определении Коллегия Верховного Суда РФ указала на нарушения норм материального и процессуального права, допущенные судами первой, апелляционной и кассационной инстанции по данному делу. Верховный Суд РФ напомнил, что в соответствии с подп. 2 п. 71 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными, утвержденных Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями от 30.08.1955 г., все осужденные обязаны трудиться в соответствии с их физическими и психическими способностями [6]. Труд же, согласно Европейским пенитенциарным правилам, является позитивным элементом режима содержания заключенных. Также и в уголовно-исполнительном кодексе РФ (далее – УИК РФ) закреплено положение о том, что общественно полезный труд является одним из основных средств исправления осужденных: в ч. 1 ст. 103 УИК РФ установлено, что каждый осужденный к лишению свободы обязан трудиться в местах и на работах, определяемых администрацией исправительных учреждений [2]. Администрация исправительных учреждений обязана привлекать осужденных к труду с учетом их пола, возраста, трудоспособности, состояния здоровья и, по возможности, специальности, а также исходя из наличия рабочих мест. Осужденные привлекаются к труду в центрах трудовой адаптации осужденных и производственных (трудовых) мастерских исправительных учреждений, на федеральных государственных унитарных предприятиях уголовно-исполнительной системы и в организациях иных организационно-правовых форм, расположенных на территориях исправительных учреждений и (или) вне их, при условии обеспечения надлежащей охраны и изоляции осужденных. Также отмечено, что осужденные привлекаются к труду не по своему волеизъявлению, а в соответствии с требованиями уголовно-исполнительного законодательства.

В данном случае, несмотря на заявления осужденного, администрация исправительного учреждения не предоставляла ему

работу, ссылаясь на отсутствие у заключенного опыта работы и специализации по тем направлениям, по которым на тот момент имелись свободные места. Гражданин Е. же утверждал, что имеет два высших образования, восемь специальностей, 20 лет непрерывного трудового стажа. Судебная коллегия, установив, что допущенные нарушения норм права являются существенными, и повлекли принятие незаконных судебных актов, без отмены которых невозможны восстановление и защита прав и законных интересов гражданина Е., указала, что судебные акты нижестоящих инстанций по данному делу подлежат отмене, а само дело направлению на новое рассмотрение в суд первой инстанции [12].

Труд осужденных к лишению свободы оплачивается. Без оплаты труда осужденные могут привлекаться только к выполнению работ по благоустройству исправительных учреждений и прилегающих к ним территорий. Осужденные, являющиеся инвалидами I или II групп, осужденные мужчины старше 65 лет, осужденные женщины старше 60 лет, осужденные беременные женщины привлекаются к работе без оплаты труда по их желанию. К указанным работам осужденные привлекаются в порядке очередности в свободное от работы время, их продолжительность не должна превышать двух часов в неделю. Продолжительность работ может быть увеличена по письменному заявлению осужденного либо при необходимости проведения срочных работ постановлением начальника исправительного учреждения (ст. 106 УИК РФ) [2].

Размер оплаты труда осужденных, отработавших полностью определенную на месяц норму рабочего времени и выполнивших установленную для них норму, не может быть ниже установленного минимального размера оплаты труда [7, с. 36].

Оплата труда осужденного при неполном рабочем дне или неполной рабочей неделе производится пропорционально отработанному осужденным рабочему времени или в зависимости от выработки. При этом рабочее время – это время, в течение которого работник в соответствии с правилами внутреннего трудового распорядка и условиями трудового договора должен исполнять трудовые обязанности, а также иные периоды времени, которые в соответствии со ст. 91 Трудового кодекса РФ (далее – ТК РФ) [1], другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации относятся к рабочему времени. Нормальная продолжительность рабочего времени не может превышать 40 часов в неделю. Продолжительность смены в ночное время сокращается на один час без последующей отработки. Ночное время – это период с 22.00 до 06.00 часов.

Согласно ст. 104 УИК РФ в общий трудовой стаж включается время привлечения осужденных к оплачиваемой работе. Администрация исправительного учреждения по окончании календарного года

составляет отчет отработанного осужденным времени. Если осужденный систематически не выполняет свои трудовые функции, по решению администрации исправительного учреждения время привлечения осужденного к оплачиваемому труду может быть исключено из его общего трудового стажа. Спор об оспаривании такого решения администрации исправительного учреждения – единственная категория дел в РФ. Данное положение ограничивает конституционное право осужденных на защиту своих трудовых прав в судебном порядке. Еще стоит отметить, что одним из способов защиты трудовых прав осужденных согласно ст. 379 ТК РФ является самозащита. Осужденный может отказаться от работы в случае, если это угрожает его жизни и здоровью. Представляется также целесообразным дополнить действующее законодательство нормой, наделяющей осужденного правом обратиться в суд для рассмотрения споров, возникающих из трудовых отношений в той части, которая не противоречит уголовно-исполнительному законодательству.

Так, Тверской прокурор по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях обратился в суд с иском к Федеральному казенному учреждению (далее – ФКУ) ЛИУ-8 Управления ФСИН России по Тверской области о необходимости устранения нарушений трудового законодательства в отношении осужденного К. По результатам проверки, проведенной прокуратурой, было выявлено, что осужденный работал на должности оператора швейного оборудования в учреждении. Однако во время временной нетрудоспособности, вызванной заболеванием туберкулезом, больничные листы, предоставленные администрации учреждения, не были оплачены по причине фактического непривлечения осужденного к труду. В связи с этим прокурор требовал от ФКУ ЛИУ-8 установить и выплатить пособие по временной нетрудоспособности К. В судебном заседании первой инстанции ФКУ ЛИУ-8 отказалась признать исковые требования, сославшись на пропуск срока обращения в суд. Суд первой инстанции принял решение в пользу ФКУ ЛИУ-8, отказав в удовлетворении исковых требований.

В ходе суда апелляционной инстанции прокурор апелляционный иск поддержал, в то время как представитель Управления ФСИН России по Тверской области против доводов апелляционного представления возражала, полагая, что оснований для его удовлетворения не имеется. Судебная коллегия, изучив материалы дела, пришла к выводу о том, что решение суда первой инстанции об отказе в начислении и оплате пособия по временной нетрудоспособности осужденному К. подлежит отмене, указав, что К. заболел в период отбывания наказания, его трудоустройство было документально подтверждено, он был привлечен к оплачиваемому труду, не имел отказов от работы и не установлено фактов недобросовестного отношения к труду. Также были выданы листки нетрудоспособности за указанный период времени. Таким

образом, администрация ФКУ ЛИУ-8 УФСИН России по Тверской области была обязана назначить и выплатить К. пособие по временной нетрудоспособности. Доводы прокурора о том, что осужденный не имел права на получение пособия, т. к. не исполнял трудовые обязанности в соответствии с графиком, противоречат установленным фактам. Кроме того, достаточно доказательств указывают на то, что трудоустройство осужденного было документально оформлено, что подтверждает его право на получение социальных выплат. Судебная коллегия не согласна с выводами суда первой инстанции о пропуске истцом срока обращения в суд, поскольку исковое заявление было подано в установленный законом срок. В итоге, решение суда первой инстанции об отказе в начислении и оплате пособия по временной нетрудоспособности К. было признано неправомерным и подлежащим отмене. Судебная коллегия вынесла новое решение о необходимости удовлетворения исковых требований истца по начислению и оплате пособия по временной нетрудоспособности за соответствующий период в интересах осужденного [15].

При освобождении осужденного из исправительного учреждения сведения карты учета о суммарном времени его работы заносятся в справку. Для исчисления пенсии выдается справка о среднемесячной заработной плате. Вопросы учета рабочего времени, засчитываемого в страховой стаж, регулируются Постановлением Правительства РФ от 02.10.2014 г. № 1015 «Об утверждении Правил подсчета и подтверждения страхового стажа для установления страховых пенсий» [4].

Конституционный Суд Российской Федерации при рассмотрении вопроса о соответствии ст. 106 УИК РФ Конституции РФ указал, что «закрепленный уголовно-исполнительным законодательством статус осужденных предполагает, в частности, необходимость соблюдения ими принятых в обществе правил, создающих основу для установления обязанности осужденных по обеспечению надлежащего порядка, в том числе по соблюдению правил санитарии и гигиены в местах их проживания и работы. Обеспечение этих правил предполагает обязательность выполнения осужденными работ, связанных с благоустройством мест отбывания ими наказания, которые не могут расцениваться как принудительный или обязательный труд, поскольку работы общинного характера, выполняемые для прямой пользы коллектива членами данного коллектива, считаются их обычными гражданскими обязанностями» [11]. При этом Конституционный Суд РФ оставляет за гражданином право обратиться в суд, если он считает, что работа, к которой его привлекли, не может быть отнесена к работам по благоустройству территории.

Осужденные, отбывающие наказания в местах лишения свободы, в силу установленного режима отбывания наказания ограничены в своих

правах, в том числе трудовых. Так, осужденным запрещается прекращать работу для разрешения трудовых конфликтов. Отказ от работы или прекращение работы являются злостным нарушением установленного порядка отбывания наказания и могут повлечь применение мер взыскания и материальную ответственность. Предусмотрен также определенный перечень работ, на которых запрещается использование труда осужденных. К примеру, не допускается труд осужденных с использованием множительной, радиотелеграфной, телефонной, факсимильной техники, также в качестве продавцов, бухгалтеров, кассиров, заведующих складами, кладовщиков и т. д.

Трудоустроенные осужденные к лишению свободы имеют право на ежегодный оплачиваемый отпуск. Общая продолжительность отпуска составляет 18 рабочих дней – для отбывающих уголовное наказание в воспитательных колониях, 12 рабочих дней – для отбывающих в иных исправительных учреждениях. Закон допускает увеличение продолжительности отпуска до 24 рабочих дней в воспитательных колониях и 18 рабочих дней в иных учреждениях осужденным, перевыполняющим нормы выработки, выполняющим работы с вредными или опасными условиями труда, осужденным пенсионного возраста, трудящимся по их желанию. Работники, полностью отработавшие норму рабочего времени и выполнившие норму выработки, обеспечиваются заработной платой не ниже установленного законом минимального размера оплаты труда [2].

На практике имеют место случаи, когда осужденные обращаются в суд с необоснованными требованиями о якобы допущенных администрацией исправительных учреждений нарушениях при оплате труда в период отбывания ими наказания. Так, Л. обратился в суд с иском к ФКУ ИК-10 УФСИН России по Тверской области о взыскании материального ущерба в виде недоплаты заработной платы за фактически отработанное время с учетом МРОТ за определенный период, а также компенсации морального вреда. Он утверждал, что ему не была выплачена заработная плата в полном объеме из-за невыполнения установленной для него нормы выработки и, кроме того, ответчик лишил его права приобретать и пользоваться предметами первой необходимости из-за недоплаты заработной платы. Суд после изучения материалов дела и доводов сторон пришел к выводу, что исковые требования истца не обоснованы, т. к. заработная плата была начислена и выплачена в соответствии с выполненным объемом работы. Осужденный Л. подал апелляционную жалобу, но не явился на слушание. Судебная коллегия, рассмотрев его жалобу и возражения представителей ответчиков, пришла к выводу, что решение суда первой инстанции было законным и обоснованным. Истцом не была выполнена норма выработки, установленная в учреждении, и поэтому не было оснований для удовлетворения исковых требований о взыскании заработной платы

в размере не менее МРОТ. Доводы истца о несогласии с нормой выработки были отклонены, поскольку не было предоставлено доказательств выполнения нормы в большем объеме. Суд также пришел к заключению, что не было установлено нарушение трудовых прав истца действиями ответчиков, поэтому не было оснований для удовлетворения требований о взыскании компенсации морального вреда. Таким образом, судебная коллегия не увидела причин для отмены решения суда первой инстанции по доводам апелляционной жалобы. Иски Л. были отклонены, и решение суда первой инстанции осталось в силе [14].

По другому делу Тверским областным судом также в ходе апелляции была рассмотрена жалоба бывшего осужденного О. на решение Бежецкого межрайонного суда Тверской области, где в исковом заявлении предъявлялись требования к начальнику ФКУ ИК-6 УФСИН РФ по Тверской области о взыскании заработной платы и компенсации морального вреда. Истец заявил, что во время отбытия наказания в виде лишения свободы он был трудоустроен в учреждении и добросовестно выполнял свои обязанности. Однако после увольнения его заработная плата не была выплачена, что противоречит закону. Кроме того, истцу было отказано в возможности выбора профессии и должности, а также не была выплачена компенсация за неиспользованный отпуск. Истец также указал, что ему были причинены сильные душевные переживания из-за несправедливого отношения к его труду и заработной плате, что потребовало обращения за медицинской помощью и лечения. Поэтому он просит взыскать с ответчиков невыплаченную заработную плату, компенсацию за моральный вред и проценты за пользование его денежными средствами.

Изучив материалы дела, судебная коллегия установила, что суд первой инстанции пришел к выводу, что истец О. не имеет оснований для взыскания компенсации за нарушение трудовых прав. Он был правильно привлечен к оплачиваемому труду в период отбывания наказания, однако не выполнял установленные нормы выработки, что отразилось в проценте выполнения нормы выработки на его лицевых счетах. Суд также отметил, что истцу не была произведена доплата до минимального размера оплаты труда соответственно требованиям уголовно-исполнительного законодательства. Кроме того, истец не обратился в суд в установленный законом срок по вопросам взыскания заработной платы и отпускных, а также не представил доказательств наличия препятствий для своевременного предъявления требований. Таким образом, суд пришел к выводу об отсутствии оснований для взыскания компенсации морального вреда.

Судебная коллегия согласилась с выводами суда первой инстанции, отмечая их законность и обоснованность. Суд правильно применил нормы материального права и оценил представленные доказательства по делу. Нарушений процессуальных норм судебная коллегия также не

установила. Таким образом, обжалуемое решение суда было признано законным и обоснованным, и оснований для его отмены по представленным доводам апелляционной жалобы не было найдено [13].

В порядке Федерального закона от 02.10.2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» из заработной платы осужденных производятся удержания денежных средств в счет возмещения потерпевшим ущерба, причиненного преступлением, уплаты алиментов и иных взысканий [3].

Кроме того, за счет заработной платы осужденные возмещают расходы по их содержанию. При этом независимо от всех удержаний на лицевой счет осужденных зачисляется не менее 25 % начисленной им заработной платы, а на лицевой счет осужденных мужчин старше 60 лет, женщин старше 55 лет, лиц, являющихся инвалидами I или II групп, несовершеннолетних, беременных женщин и женщин, имеющих детей в домах ребенка исправительного учреждения, – не менее 50 %.

В целом трудовая деятельность осужденных не должна препятствовать выполнению основных целей уголовного наказания. Независимо от вида работы осужденные обязаны соблюдать порядок отбывания наказания, а администрация должна обеспечить охрану и изоляцию осужденных, постоянный надзор за ними.

Согласно Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г. [5] в настоящее время перед уголовно-исполнительной системой стоят задачи:

– по совершенствованию нормативно-правового регулирования, направленного на обеспечение прав лиц, содержащихся в учреждениях УИС;

– по улучшению производственной деятельности для обеспечения необходимого уровня занятости осужденных и возможности обращения взыскания по исполнительным документам на заработную плату осужденных;

– по созданию системы пробации, которая призвана обеспечить проведение эффективной государственной политики в сфере исполнения наказаний для исправления осужденных, их ресоциализации и интеграции в общество, что приводит к снижению рисков совершения рецидива преступлений и является важным условием нормального функционирования и развития государства и общества в целом [9].

Оплата труда, являясь ключевым элементом социально-трудовых отношений, выполняет, прежде всего, стимулирующую функцию. Осужденный должен четко понимать взаимосвязь между разделением своего труда и его оплатой. Это является важным условием не только повышения заинтересованности в добросовестном отношении к работе и надлежащем ее осуществлении, но также и своеобразным материальным залогом его более успешной адаптации и законопослушной жизни в обществе после освобождения.

Список литературы

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 29.09.2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 г. № 1-ФЗ (ред. от 07.04.2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Федеральный закон от 02.10.2007 г. № 229-ФЗ (ред. от 31.07.2025 г.) «Об исполнительном производстве» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Постановление Правительства РФ от 02.10.2014 г. № 1015 (ред. от 22.04.2024 г.) «Об утверждении Правил подсчета и подтверждения страхового стажа для установления страховых пенсий» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 г. № 1138-р (ред. от 27.05.2023 г.) «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы) (пересмотренный текст) (Приняты 17.12.2015 г. Резолюцией 70/175 на 80-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС «КонсультантПлюс».

7. Боброва Д.И. Оплата труда осужденных в исправительных учреждениях // Уголовно-исполнительная система России: проблемы и перспективы. Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2015.

8. Рассадина М.Н. Проблемы и перспективы развития производственного сектора уголовно-исполнительной системы // Пенитенциарная наука: вопросы теории и практики. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2023. С. 53–57.

9. Харитошкин В.В., Огаркова Н.О. О некоторых аспектах ресоциализации лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 2 (82). С. 231–239.

10. Черепанов А.С. Влияние общественно полезного труда на перевоспитание осужденного // Проблемы и перспективы развития уголовно-исполнительной системы России на современном этапе. Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2017.

11. Определение Конституционного Суда РФ от 24.03.2005 г. № 152-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Демко Александра Юрьевича на нарушение его конституционных прав статьей 106 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

12. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации 10.02.2021 г. № 70-КАД20-4-К7 [Электронный ресурс]. URL: https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-administrativnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-10022021-n-70-kad20-4-k7/ (дата обращения: 14.10.2025).

13. Апелляционное определение Тверского областного суда от 18.04.2024 по делу № 33-1745/2024 [Электронный ресурс] URL: https://oblsud.twr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=3&name_op=case&case_id=14531240&case_uid=7f0d849c-3c50-474d-b924-df9cdffa3dd8&delo_id=5&new=5 (дата обращения: 14.10.2025).

14. Апелляционное определение Тверского областного суда от 01.08.2023 г. по делу № 33-3298/2023 [Электронный ресурс] URL: https://oblsud--

twr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=3&name_op=case&case_id=14497310&case_uid=93d2bdaf-2642-448b-bc34-8b58f02d2f89&delo_id=5&new=5 (дата обращения: 14.10.2025).

15. Апелляционное определение Тверского областного суда от 10.09.2019 г. по делу № 33-3843/19 [Электронный ресурс]. URL: https://oblsud--twr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=3&name_op=case&case_id=14331154&case_uid=e9fdd527-c52f-42df-8ea9-96b3be01dfff&delo_id=5&new=5 (дата обращения: 14.10.2025).

Об авторах:

ХАРИТОШКИН Валерий Вячеславович – кандидат юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовного права и процесса ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 8343-3077, AuthorID: 650375, e-mail: Kharitoshkin.VV@tversu.ru

On some specifics of convict pay in prisons

V.V. Kharitoshkin

Tver State University, Tver

Labor is considered an effective means of rehabilitation for convicts serving sentences in prisons. Through work, convicts maintain their mental and physical health, develop professional skills, and learn communication skills. This article examines the specifics of remuneration for convicts in prisons and analyzes judicial practice related to convicts' complaints against unlawful actions by correctional institutions in refusing to assign them to work and for payment.

Keywords: *convict labor, correctional facilities, convict pay.*

About author:

KHARITOSHKIN Valery – PhD in Law, professor, head of the department of criminal law and procedure of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova St., 33), SPIN-code: 8343-3077, AuthorID: 650375, e-mail: Kharitoshkin.VV@tversu.ru

Харитошкин В.В. О некоторых особенностях оплаты труда осужденных в местах лишения свободы // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 2 (86). С. 149–158.

Статья поступила в редакцию 10.05.2026 г.

Подписана в печать 10.06.2026 г.

Проблемы организации учебного процесса

УДК 378.016:34+004.8
DOI: 10.26456/vtpravo/2026.2.159

Практический опыт использования искусственного интеллекта в рамках изучения правовых дисциплин

Т.П. Сапронова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

С развитием цифровых технологий искусственный интеллект (ИИ) активно внедряется в образовательный процесс. Особый интерес представляет его использование в рамках преподавания дисциплин, требующих не только запоминания, но и аналитического мышления. Для студентов неюридических специальностей изучение права становится сложной задачей, в том числе из-за большого объема информации, а также специфической юридической терминологии. В данной статье рассматривается как положительная, так и отрицательная практики использования ИИ в рамках изучения таких дисциплин как «Правоведение», «Гражданское право». Делается вывод о том, что использование ИИ в обучении правовым дисциплинам может значительно повысить качество образовательного процесса, расширить возможности как студентов, так и преподавателей. Одновременно указывается на риски использования ИИ в процессе обучения, в том числе и на примерах задач, сгенерированных ИИ по отдельным отраслям права. С учетом последнего обстоятельства, в статье содержатся предложения по эффективному и безопасному использованию технологий ИИ в образовательном процессе.

Ключевые слова: *искусственный интеллект, образование, образовательный процесс, ChatGPT, Алиса AI, DeepSeek, NLP, LLM, дисциплина «Правоведение», дисциплина «Гражданское право».*

Современное общество переживает фундаментальную трансформацию, вызванную стремительным развитием технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ).

Системы, способные генерировать текст, анализировать большие массивы данных и имитировать диалог, проникают во все сферы человеческой деятельности, включая образование. Юридические дисциплины, традиционно считающиеся одними из самых консервативных и требующих глубокого логического анализа, оказались на передовой этих изменений. С одной стороны, ИИ изменил подход к изучению права, сделав его более доступным, интерактивным и практико-ориентированным. С другой стороны, активное использование студентами в образовательном процессе интеллектуальных помощников принесло риски, искажающие саму суть обучения.

© Сапронова Т.П., 2026

Среди главных и, несомненно, положительных моментов ИИ – это способность адаптироваться к индивидуальным потребностям студента.

Не секрет, что традиционная система обучения ориентирована на «среднего» студента. ИИ решает эту проблему, позволяя выбрать свой темп обучения студентам с разным уровнем базовой подготовки, разной скоростью усвоения материала и разными когнитивными способностями.

«Искусственный помощник» может самостоятельно отслеживать процесс и прогресс обучения, фиксировать типичные ошибки в практических заданиях, корректировать личный учебный план. В контексте изучения юридических дисциплин, где каждая тема опирается на предыдущие, последнее обстоятельство особенно ценно.

При этом доступ к «цифровому ассистенту», как и оперативная обратная связь, у студентов, фактически, круглосуточно.

ИИ (например, аналоги ChatGPT, включая так любимый студентами DeepSeek,) могут работать 24/7. Студент в любое время дня и ночи может попросить у ИИ объяснить разницу между преступлением и проступком на примерах из Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации и Уголовного кодекса Российской Федерации; составить схему стадий совершения преступления. Ответ ИИ быстрый, структурированный, и даже со ссылками на соответствующие нормативно-правовые акты.

Более того, ИИ способен давать обратную связь по письменным работам.

Так, студент может попросить нейросеть проверить его эссе на тему «Право на жизнь в системе конституционных прав человека» на предмет логики, наличия юридических ошибок и соответствия структуре текста. Система укажет на слабые аргументы, посоветует добавить ссылки на решения Конституционного Суда Российской Федерации или подскажет, где в тексте эссе нарушена причинно-следственная связь. Для дисциплины «Правоведение», где студенты неюридических специальностей часто впервые сталкиваются с юридической методологией, такая практика бесценна.

Кроме того, ИИ помогает в обучении студентам с особыми образовательными запросами. Так, «искусственный помощник» может озвучить текст закона, преобразовывать его в аудиоформат, адаптировать шрифт и контрастность.

Для студентов, для которых русский язык не является родным, ИИ может выступить в роли переводчика и толкователя, упростив сложную правовую конструкцию, переведя фрагмент закона на родной язык с сохранением юридического смысла, создав визуальную схему (инфографику) сложного процесса (например, стадий законодательного процесса).

И все это при быстром поиске и анализе правовых актов и судебной практики!

Так, ИИ, основанный на технологиях обработки естественного языка (NLP) [3], анализирует гигабайты информации за секунды, поскольку понимает контекст и суть правового вопроса, в том числе сформулированного простым языком, а не юридическими терминами, в то время как традиционные поисковые системы («КонсультантПлюс» или «Гарант») требуют точного формулирования запроса. Все вышеизложенное значительно упрощает процесс обучения.

В то же время приведенные выше плюсы ИИ автоматически превращаются в минус, когда преподаватель начинает проверять работы студентов.

По результатам этих проверочных работ приходится делать вывод о том, что в большей степени ИИ используется студентами не как инструмент развития, а как инструмент механической «шпаргалки». В итоге, получая баллы за выполненные при помощи ИИ задания, студенты не получают главного – реальных навыков работы с законом и, как следствие, знаний.

И это, пожалуй, самый серьезный риск использования ИИ.

Если студент привыкает спрашивать у искусственного помощника готовое решение юридического казуса, его собственные когнитивные способности атрофируются.

Вместо того чтобы добросовестно искать ответ, перебирая статьи закона и судебные решения, студент просто вводит фабулу задачи по той или иной отрасли права в ChatGPT и получает готовый ответ.

Он не учится видеть нюансы, не тренирует навык правовой квалификации. В результате на выходе из вуза мы получаем не специалиста, а «оператора нейросети», который не способен решить нестандартную задачу, не имеющую аналогов в базе данных ИИ.

В качестве примера можно привести часто встречающийся ответ студентов на задачу по трудовому праву. Как оказалось, он сгенерирован ИИ (см. рис. 1–3).

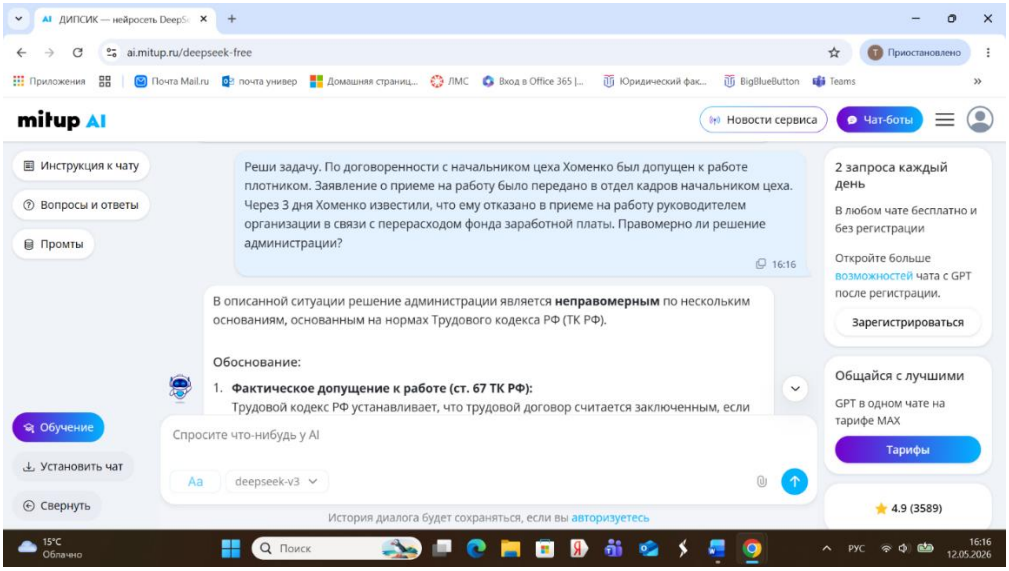

Рис. 1. Скриншот экрана ноутбука с ответом ИИ на задачу по трудовому праву

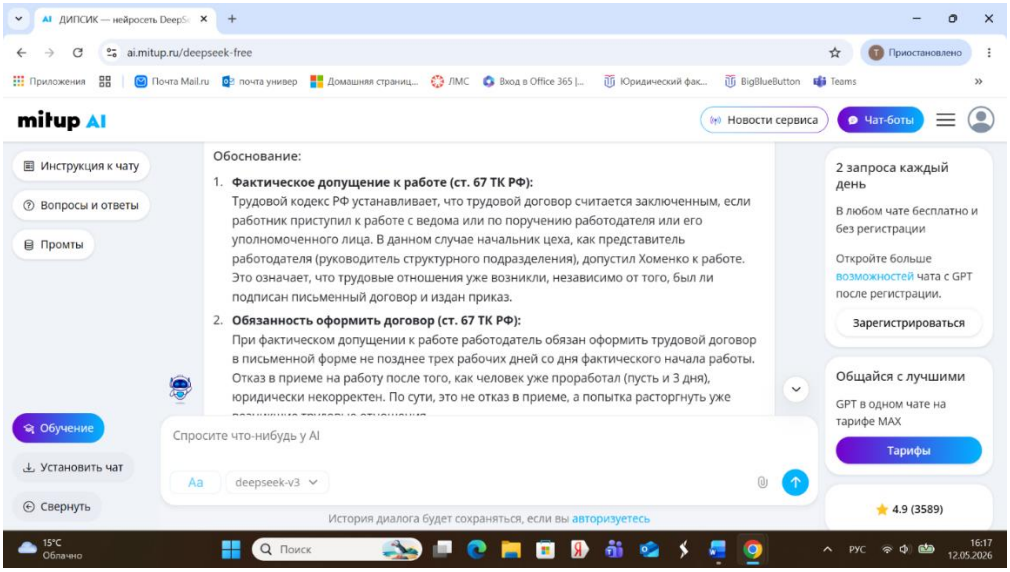

Рис. 2. Скриншот экрана ноутбука с ответом ИИ на задачу по трудовому праву

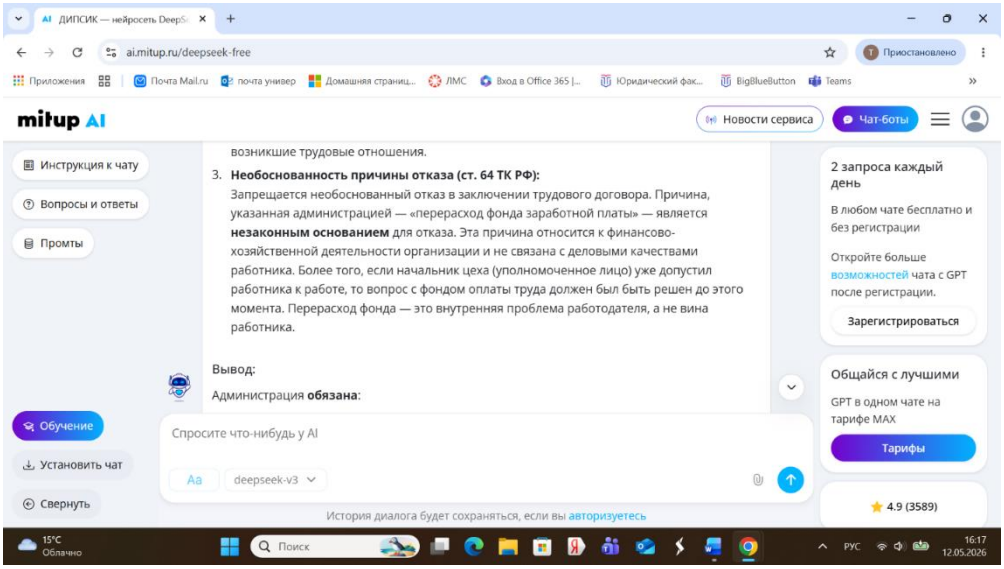

Рис. 3. Скриншот экрана ноутбука с ответом ИИ на задачу по трудовому праву

Как видно из ответа, ИИ идет по прямому пути использования закона, не соотнося друг с другом нормы права, не углубляясь в исследование содержания абз. 8 ст. 20 Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ)[1], а также разъяснения Верховного Суда Российской Федерации, в соответствии с которыми «…представителем работодателя … является лицо, которое в соответствии с законом, иными нормативными правовыми актами, учредительными документами юридического лица (организации) либо локальными нормативными актами или в силу заключенного с этим лицом трудового договора наделено полномочиями по найму работников, поскольку именно в этом случае при фактическом допущении работника к работе с ведома или по поручению такого лица возникают трудовые отношения…» [2].

По этому же пути идут и студенты, не допуская иных вариантов ответа, не углубляясь в содержание условия задачи. И искренне удивляются, когда на семинарском занятии слышат разъяснения преподавателя о неправильном ответе ИИ и необходимости решения этой задачи на основании другой статьи закона, а именно ст. 67.1 ТК РФ.

С учетом безусловного авторитета ИИ, студенты не допускают даже мысли о его ошибке и, как следствие, не видят необходимости перепроверять ответ, сгенерированный ИИ, включать при этом свои собственные мыслительные и практические навыки.

В то же время всем практикующим юристам, как и преподавателям правовых дисциплин, известно, что современные большие языковые модели (LLM) склонны к так называемым «галлюцинациям» – генерации правдоподобной, но абсолютно ложной информации [4]. Например, когда ИИ придумывает несуществующую статью закона, ссылается на решение

суда, которого не было, или искажает в своем ответе смысл правовой нормы.

В частности, пример из практического задания студента, выполненного при помощи ИИ, где последний перепутал понятия «варианты определения состава продаваемого имущества» и «неопределенность в составе продаваемого имущества» (см. рис. 4).

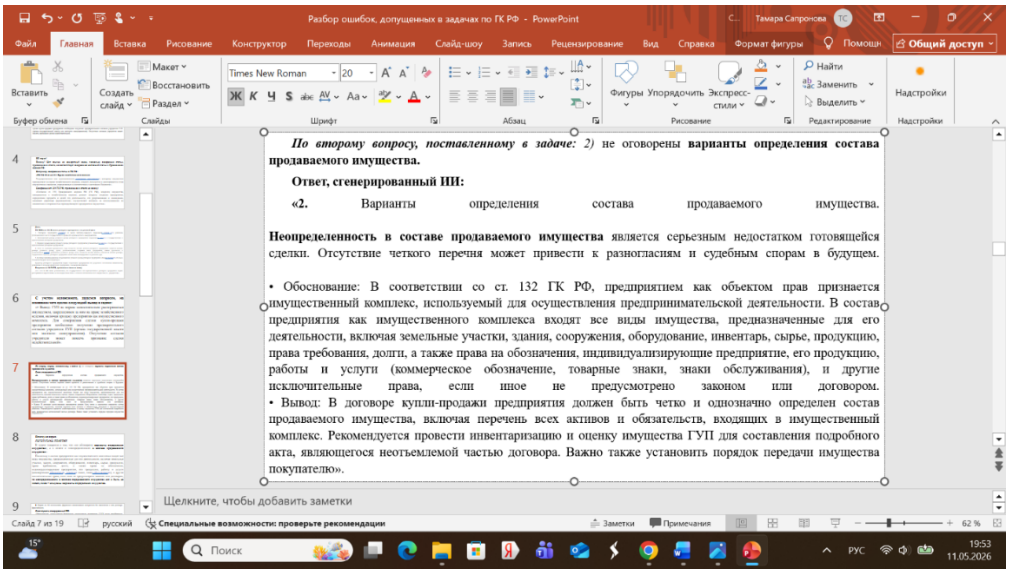

Рис. 4. Скриншот слайда презентации, в котором приведен ответ на задачу, сгенерированный ИИ

Или еще один пример, когда при подгрузке в чаты с Алисой AI и DeepSeek задачи по гражданскому праву ИИ выдал, казалось бы, ответ на основе нормы закона, но со ссылкой на термин, который отсутствует не только в статье закона, но и в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) (см. рис. 5, 6).

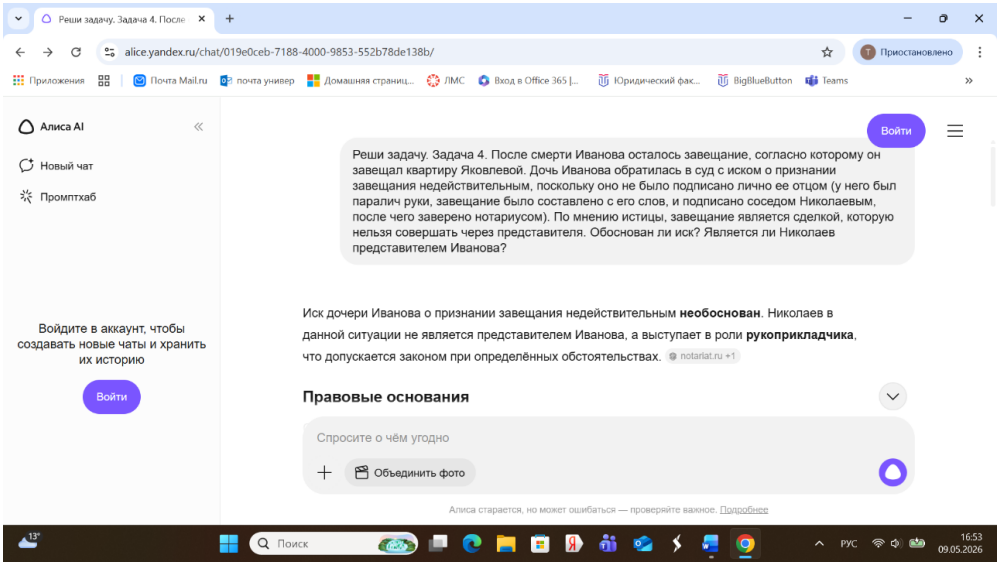

Рис. 5. Скриншот экрана ноутбука с ответом ИИ на задачу

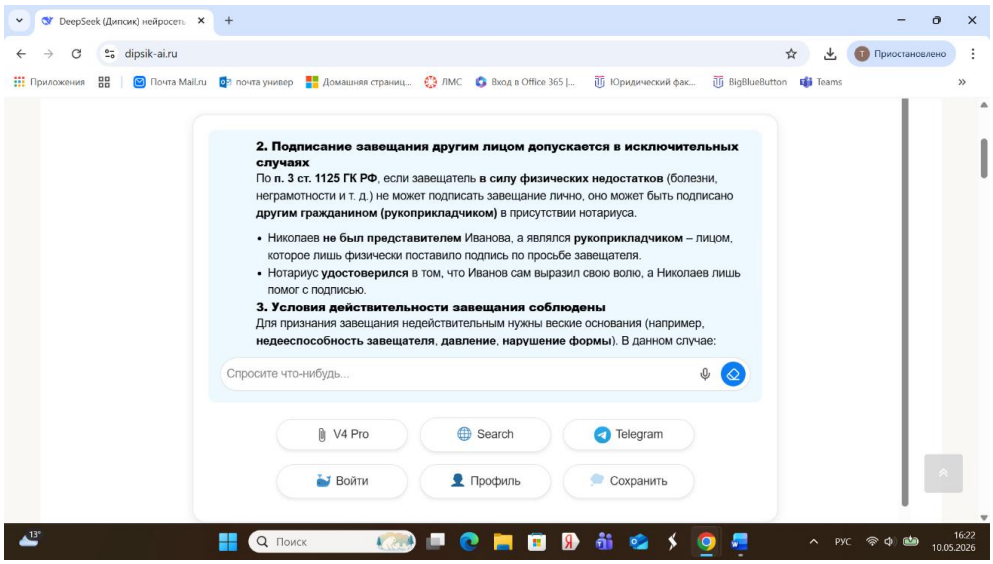

Рис. 6. Скриншот экрана ноутбука с ответом на задачу из чата DeepSeek

С учетом последнего обстоятельства, ответы студентов, в которых присутствовала подобная формулировка, были оценены преподавателем иной оценкой, чем ответы студентов, решивших задачу в точном соответствии с законом.

А вот пример ответа ИИ на задачу по наследственному праву, в котором не только идет подмена понятий, изложенных в ГК РФ, но и неправильно излагается содержание ч. 2 ст. 1148 ГК РФ. Кстати, характерной чертой ответов, сгенерированных ИИ, является отсутствие в

них последовательности и логики изложения, а также общий ответ без ссылки на конкретную часть и пункт статьи соответствующего закона (см. рис. 7, 8).

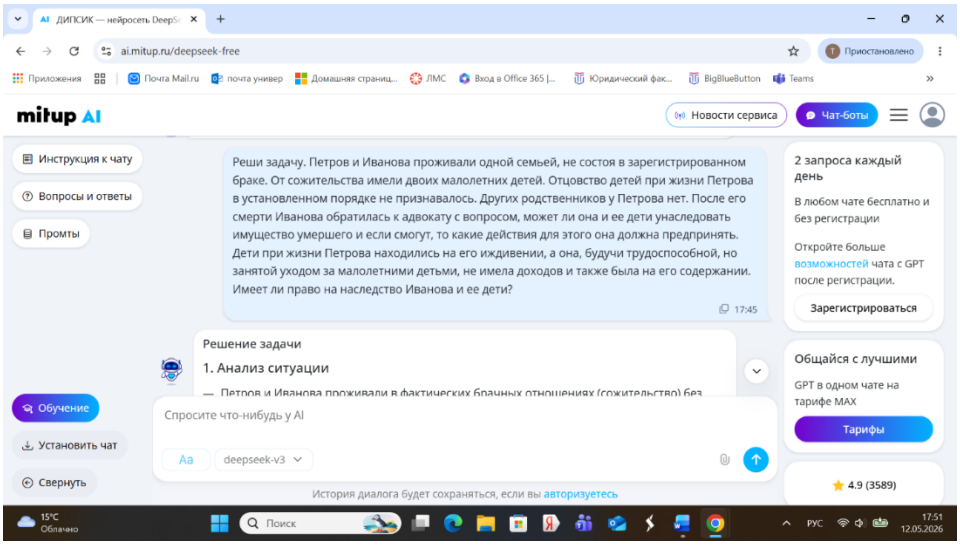

Рис.7. Скриншот экрана ноутбука с ответом на задачу из чата DeepSeek

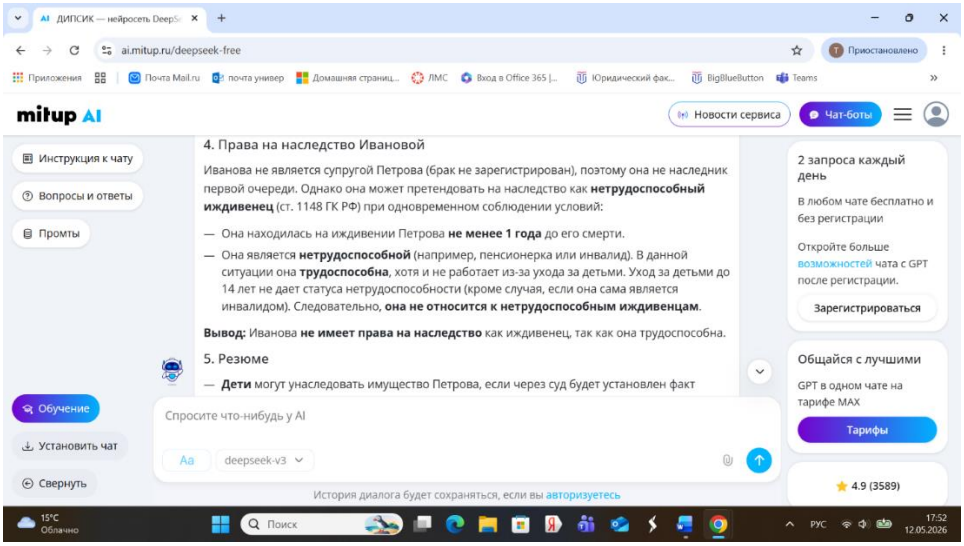

Рис. 8. Скриншот экрана ноутбука с ответом на задачу из чата DeepSeek

С учетом изложенного, преподавателю приходится выделять отдельное время в ходе семинарских занятий, а иногда и с предварительным созданием презентаций, чтобы разъяснить студентам суть неправильных ответов ИИ. И каждый раз, размещая задание, отдельно транслировать студентам мысль о том, что ответ искусственного

помощника подлежит обязательной сверке с текстом конкретной статьи соответствующего Кодекса.

В этой связи отдельно следует отметить, что для преподавателя дисциплины «Правоведение» принципиально важно научить студентов неюридических специальностей применять закон, уметь в нем разбираться. Пусть не как юристы, но хотя бы на уровне, позволяющем в соответствующей отрасли права найти правильный ответ на казус из своей собственной, повседневной (бытовой) жизни.

Именно для этого и необходимо, чтобы обучающийся, перед тем как дать ответ на поставленный в задаче вопрос, прочитал статью, увидел ее структуру, понял логику законодателя.

С этой целью, в рамках изучения правовых дисциплин, студентам еще в ходе первого лекционного занятия разъясняется содержание понятия «норма права», ее структура, а также то, что правильное решение любой юридической задачи невозможно без ссылки на конкретные часть, пункт и статью соответствующего закона.

Аналогичное правило распространяется и на задания, связанные с подготовкой студентами проектов правовых документов (исковых заявлений, обращений), где использование точных реквизитов, с указанием вида нормативно-правового акта, даты, номера и статьи, на основании которой составляется обращение, является обязательным.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что использование ИИ в обучении правовым дисциплинам может как значительно повысить качество образовательного процесса, так и ухудшить процесс получения реальных знаний студентами.

При этом ключевой вывод статьи заключается в том, что нельзя процесс использования ИИ в образовании «пускать на самотек».

Задача современного преподавателя и вуза не бороться с ИИ, а научиться его использовать. Студент должен понимать, что ИИ – это не волшебная палочка, дающая готовый ответ на поставленный вопрос, а сложный и опасный инструмент, требующий высокой квалификации при его использовании.

Студент будущего – это не тот, кто умеет быстро копировать ответ из ChatGPT. Это тот, кто умеет задать правильный вопрос, критически оценить ответ, проверить его на соответствие закону и этике, и принять самостоятельное решение. Только синергия знаний человека, его профессионального опыта и интеллектуальных систем способна обеспечить устойчивый и качественный результат образовательного процесса, отвечающего вызовам современного времени. Для использования преимуществ ИИ необходим продуманный педагогический подход, в связи с чем ИИ не должен заменять преподавателя или самостоятельную работу студента. Он должен стать инструментом в решении задачи, а не ее решением.

В качестве предложений использования ИИ в обучении можно посоветовать преподавателю назначать такие задания студентам, которые невозможно выполнить без критического анализа ответа ИИ. Например, попросить ChatGPT решить казус из определенной отрасли права и найти в нем минимум три ошибки (галлюцинации, неточности, неполноту), исправить их со ссылками на конкретные пункт, часть и статью соответствующего закона.

При этом задания необходимо подбирать такие, которые невозможно решить простым копированием из ИИ. Например, попросить студентов проанализировать не просто постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации, а отдельное судебное решение по уголовному делу.

Не лишним будет и запланировать в начале семестра отдельное занятие под названием «Введение в дисциплину …», в ходе которого научить студентов проверять информацию, сгенерированную ИИ, поскольку обучающийся должен знать, что искусственный помощник – это не «истина в последней инстанции», и выводы его при решении юридических задач могут быть ложными.

Интересен опыт использования ИИ и в лекционном материале, с целью демонстрации студентам «слабых мест» ИИ в части анализа конкретных статей закона, соотношения их между собой и судебной практикой по отдельным делам.

Наконец, не лишним будет и принятие вузами России специальных «Этических кодексов», в которых устанавливались бы четкие правила использования ИИ в образовательном процессе, допустимые варианты его использования (для черновиков, поиска идей), а не для окончательного текста работы. Нарушения положений кодекса должны приравниваться к академическому мошенничеству.

Только при таком подходе интеграция ИИ в образовательный процесс принесет пользу.

Список литературы

1. Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 29.12.2025 г., с изм. от 06.02.2026 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 12.05.2026).

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 г. № 2 (ред. от 09.12.2025 г.) «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 12.05.2026).

3. Обработка естественного языка (NLP) [Электронный ресурс]. URL: https://yandex.cloud/ru (дата обращения: 10.05.2026).

4. Объяснение галлюцинаций LLM [Электронный ресурс]. URL: https://habr.com/ru/companies/otus/profile/ (дата обращения: 10.05.2026).

Об авторе:

САПРОНОВА Тамара Петровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры экологического права и правового обеспечения профессиональной деятельности ФГБУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 8184-3045, e-mail: Sapronova.TP@tversu.ru

Practical experience using artificial intelligence in legal studies

T.P. Sapronova

Tver State University, Tver

With the development of digital technologies, artificial intelligence (AI) is being actively integrated into the educational process. Of particular interest is its use in teaching subjects that require not only memorization, but also analytical thinking. For students of non-legal specialties, studying law becomes a challenging task, including due to the large volume of information and specific legal terminology. This article examines both positive and negative practices of using AI in the context of studying such disciplines as Jurisprudence and Civil Law. It is concluded that the use of AI in teaching legal disciplines can significantly improve the quality of the educational process and expand the capabilities of both students and teachers. At the same time, the risks of using AI in the educational process are highlighted, including through examples of AI-generated tasks in specific areas of law. Taking this latter circumstance into account, the article contains proposals for the effective and safe use of AI technologies in the educational process.

Keywords: *artificial intelligence, education, educational process, ChatGPT, Alice AI, DeepSeek, NLP, LLM, Jurisprudence, Civil Law.*

About author:

SAPRONOVA Tamara – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Environmental Law and Legal Support of Professional Activities of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova St., 33), SPIN code: 8184-3045, e-mail: Sapronova.TP@tversu.ru

Сапронова Т.П. Практический опыт использования искусственного интеллекта в рамках изучения правовых дисциплин // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 2 (86). С. 159–169.

Статья поступила в редакцию 10.05.2026 г.

Подписана в печать 10.06.2026 г.

Трибуна молодого ученого

УДК 342.951:349.6(476)
DOI: 10.26456/vtpravo/2026.2.170

Направления совершенствования административной ответственности за нарушения законодательства в области охраны окружающей среды в Республике Беларусь

А.А. Бань

Белорусский государственный университет, г. Минск,
Республика Беларусь

В статье подвергаются исследованию теоретико-прикладные вопросы реализации административной ответственности в области охраны окружающей среды, в том числе специальное основание для освобождения лиц от ответственности с вынесением профилактической меры воздействия в виде предупреждения, а также анализируются предпосылки введения состава правонарушения за противоправные деяния по непроведению работ по регулированию распространения и численности инвазивных видов растений. Рассматриваемая проблематика позволяет сформулировать предложения, направленные на совершенствование административно-деликтной санкции, охраняющей группу общественных отношений природоохранного блока. ***Ключевые слова:*** *административная ответственность, охрана окружающей среды, правонарушение, предупреждение, освобождение, инвазивные растения.*

Вопросы изучения административной ответственности исследовались такими российскими правоведами, как Н.Д. Дурманов, Д.Н. Бахрах, А.П. Алехин, И.А. Галаган, Б.В. Россинский и многими другими [10, с. 18]. Институт административной ответственности имеет глубокие исторические корни, тесно связанные с советским периодом, которые рассматривались научным кругом авторов.

Вместе с тем проблематике ответственности, направленной на защиту правоотношений сферы охраны окружающей среды, уделено значительно меньше внимания. Так, можно выделить публикации таких видных юристов, как Л.И. Брославский [6] и Ю.В. Васильчук [7], а также белорусских ученых – Д.М. Демичева [8], Л.М. Рябцева [14].

При этом сущность административной ответственности не только сведена к карательной функции, но и выполняет превентивную роль, ориентированную на предотвращение совершения новых противоправных деяний.

На этот счет Ю.А. Тихомиров писал: «...гуманизм правоприменения выражается в том, что при малозначительности совершенного административного правонарушения орган (должностное лицо),

© Бань А.А., 2026

уполномоченный решать дело, может освободить нарушителя от административной ответственности и ограничиться устным замечанием» [15, с. 590].

По мнению С.В. Добрияна, «разъяснение физическому лицу противоправного характера и общественной вредности совершенного им административного правонарушения выражается в объяснении сути запрещенного действия (действий), а также их вредных последствий либо содержания обязанности, невыполнение которой образует состав административного правонарушения» [9, с. 13].

С позиции Б.В. Асаёнка и В.Ю. Чешко, «предостережение о недопустимости противоправного поведения лица, совершившего административное правонарушение, основывается на возможности применения административного принуждения в случае повторения противоправного деяния – привлечения его к административной ответственности» [4, с. 75]. При этом А.Н. Крамник утверждал: «… устное замечание влияло бы на осознание нарушителем противоправности своего поведения, не допускало бы совершения подобного в будущем» [11].

В силу законодательных положений Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушений (далее – КоАП РБ) к лицу, совершившему административное правонарушение, в целях предупреждения совершения новых противоправных деяний могут быть применены такие профилактические меры воздействия, как устное замечание, предупреждение и меры воспитательного воздействия (в отношении несовершеннолетних). При этом дефиниция термина «предупреждение» раскрывается посредством письменного предостережения лица, совершившего административное правонарушение, о недопустимости антиобщественного поведения и правовых последствиях его повторного совершения, а устное замечание заключается в разъяснении физическому лицу противоправного характера и общественной вредности совершенного им административного деликта, предостережении о недопустимости такого поведения в дальнейшем.

То есть легально поименованные меры воздействия стоят на одной ступени в отношении субъектов, к которым они применимы, и из терминологии, установленной административно-деликтным законом, надо было бы сделать заключение о применении их только в отношении физических лиц, поскольку используемая конструкция слов «противоправное поведение» не соотносится с таким субъектом, как юридическое лицо.

В толковом словаре Даля «поведенье» означает «образ, каким ведет себя человек; нравственный род жизни, правила и поступки человека. Этот служитель хорошего поведенья, честен и не пьет. Мальчик дурного поведенья, шалун» [16]. По толковому словарю Ожегова «поведение»

трактуется как образ жизни и действий [17]. Таким образом, используя лексическое значение слова, можно констатировать взаимосвязь словосочетания «противоправное поведение» с одушевленным предметом, человеком, животным и т. д.

Аналогично ч. 2 ст. 8.3 КоАП РБ исходит из того, что уполномоченный орган вправе освободить лицо, совершившее значительное правонарушение, от административной ответственности, учитывая конкретные обстоятельства его совершения, в том числе наступившие вредные последствия, личность правонарушителя. Последнее как один из аспектов здесь указывает на правонарушителя, которым должно выступать физическое лицо.

Вместе с тем превентивная функция закона, устанавливающего административную ответственность, опирается на прикладную реализацию и трактует освобождение от административной ответственности с вынесением предупреждения в том числе и для юридических лиц при совершении противоправных деяний в области охраны окружающей среды. Другими словами, если законодателем был заложен смысл в возможности освобождения юридического лица от административной ответственности с вынесением профилактической меры воздействия в виде предупреждения, корректнее было бы использовать в ст. 5.3 КоАП РБ слово «деяние» вместо «поведение» с целью расширить субъектный состав лиц, и формулировка «противоправное деяние» в данном контексте устранила бы имеющиеся лексические противоречия.

Согласно Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной решением Всебелорусского народного собрания от 25.04.2024 г. № 5, одним из основных внешних источников угроз национальной безопасности в биологической и экологической сферах является ввоз на территорию государства и (или) преднамеренное распространение инвазивных и карантинных видов животных и растений [2].

Отмечаемое направление является стратегически важным в свете изменяющегося миропорядка и глобальных экологических угроз, а отсутствие комплексного правого регулирования общественных отношений в рассматриваемых областях защиты, в первую очередь на уровне подзаконных актов, в том числе ввоза и (или) преднамеренного распространения инвазивных и карантинных видов животных и растений, однозначно не способствует минимизации рисков такой деятельности, и, как итог, сниженный контроль со стороны государства и его органов не приводит к выявлению, предупреждению и пресечению нарушений, а в некоторых случаях и вовсе отмечается отсутствие такого важного механизма, как наступление юридической ответственности [5].

Так, законодательством об охране и использовании растительного мира предусматривается обязанность пользователей земельных участков

осуществлять работы по регулированию распространения и численности определенных видов растений [1]. Одной из имеющихся причин произрастания таких инвазивных видов растений, как борщевик Сосновского и золотарник канадский, является отсутствие механизма административной ответственности, что требует от должностных лиц компетентных органов усиленной контрольной деятельности: выявления мест произрастания инвазивных видов растений, выдачи землепользователям соответствующих предписаний об устранении выявленных нарушений, невыполнение которых влечет ответственность по ст. 24.1 КоАП РБ, и повторного контроля с целью подтверждения выполнения требований действующего законодательства. Следовательно, в большей части эффективность мероприятий по регулированию распространения и численности таких видов растений основывается на добропорядочности землепользователей, в границах которых выявляются места произрастания растений, что недостаточно эффективно ввиду отсутствия механизма стимулирования лиц к выполнению возложенных на них обязанностей законом без дополнительного указания на это со стороны контролеров.

Только за 6 месяцев 2023 г. территориальными органами Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь в рамках осуществления контроля за выполнением мероприятий по регулированию и распространению борщевика Сосновского и золотарника канадского проведено более 1,0 тысячи контрольных мероприятий, по результатам которых выдано более 2,6 тысячи предписаний, привлечено к административной ответственности 169 виновных лица на общую сумму штрафных санкций порядка 14 тысяч рублей, освобождено от административной ответственности 121 лицо с применением профилактической меры воздействия в виде предупреждения [13].

Несмотря на затрачиваемый государственный ресурс, не имеется значимого положительного эффекта в виде целенаправленного сокращения площадей произрастания анализируемых инвазивных видов, что свидетельствует о необходимости смены курса и ужесточения предъявляемых нормативных правил.

Приведем положительный результат работы государственных органов в аналогичном направлении – закрепление нормативного регулирования на законодательном уровне вопросов по обороту семян мака и введение юридической ответственности за нарушение установленных требований. В то же время мак снотворный является инвазивным видом растений, распространение и численность которого также подлежит регулированию.

Вместе с тем проектом Закона Республики Беларусь «Об изменении кодексов по вопросам административной ответственности», внесенным Советом Министров Республики Беларусь в Палату представителей

Национального собрания Республики Беларусь, принятым в первом чтении, вводится административная ответственность за неосуществление работ по регулированию распространения и численности отдельных видов растений путем дополнения КоАП РБ самостоятельной ст. 16.46 со следующей диспозицией «невыполнение пользователями земельных участков или водных объектов установленной законодательством об охране и использовании растительного мира обязанности, связанной с осуществлением работ по регулированию распространения и численности отдельных видов растений» [12].

Включение ст. 16.46 в КоАП, которая регулирует общественные отношения в области охраны и рационального использования объектов растительного мира, не отвечает принципу логического построения, поскольку рядом стоящая ст. 16.45 КоАП регулирует общественные отношения в сфере сельскохозяйственной деятельности. При этом иные положения, устанавливающие ответственность в сфере растительного мира, охраны и использования земель сосредоточены в верхней группе гл. 16 КоАП РБ (16.7–16.8, 16.10–16.11, 16.16–16.19, 16.22).

В связи с чем в целях упрощения восприятия имеющихся составов в части охраны растительного мира, охраны и использования земель, снижения количественного состава статей гл. 16 КоАП РБ целесообразнее рассмотреть вариант размещения вводимого состава в ст. 16.10, сделав ее четвертой частью. Включение предлагаемого состава в ст. 16.10 КоАП РБ обусловлено тем фактором, что отрицательное влияние инвазивных видов растений в первую очередь сказывается на почвенном составе, который, видоизменяя свои аэрационные функции и продуктивность, ведет к обеднению почвы, и, как следствие, сокращается биоразнообразие на генетическом и видовом уровнях. Таким образом, обязанность по выполнению землепользователем работ по регулированию распространения и численности инвазивных растений направлена не только на охрану объектов растительного мира, но и на охрану земель, что в полной мере согласуется с видом рассматриваемых общественных отношений, выраженных в названии ст. 16.10 КоАП. Так, нарушение законодательного предписания о невыполнении мероприятий по охране земель в части предотвращения зарастания сельскохозяйственных земель древесно-кустарниковой растительностью (насаждениями) и сорняками влечет административную ответственность по ч. 2 ст. 16.10 КоАП, что в нашем случае имеет схожее предметное регулирование.

Кроме того, из предложенной редакции диспозиции ст. 16.46 КоАП предлагается исключить слова «или водных объектов» с одновременной заменой слов «пользователями земельных участков» на слова «землепользователями», поскольку привязка к невыполнению работ по регулированию распространения и численности растений

землепользователями водных объектов необоснованна ввиду того, что поименованный перечень видов растений, распространение и численность которых подлежат регулированию, не содержит видов растений, которые произрастают в (на) водных объектах [3]. Следовательно, некорректно ставить знак равенства между видами инвазивных растений, произрастающими в прибрежной полосе либо вдоль водных объектов, и водными видами растений.

С учетом предлагаемых авторских изменений объектом правонарушения будут выступать общественные отношения, регулирующие порядок использования земель и требований по ее охране, без введения дополнительных статей составов противоправных деяний. Также отмечаем некорректное использование в ст. 16.46 слов «отдельных видов растений», поскольку в законодательстве отсутствует определение таких видов растений, что может вызвать неясность понимания у правоприменителя заложенной юридической нормы и, как следствие, правовую неопределенность.

Вместе с тем ст. 1 Закона Республики Беларусь от 14.06.2003 г. № 205-З «О растительном мире» устанавливает определение термина «инвазивные растения», ввиду чего в целях исключения неправильного понимания заложенного смысла, для предотвращения правовой неопределенности и нагромождения дополнительными нормами права, в статье разумнее вместо слов «отдельных видов растений» указывать законодательно закрепленный термин «инвазивных растений» [1]. Таким образом, диспозиция предлагаемой ч. 4 ст. 16.10 КоАП будет выглядеть следующим образом: «4. Невыполнение землепользователями установленной законодательством об охране и использовании растительного мира обязанности, связанной с осуществлением работ по регулированию распространения и численности инвазивных растений».

В заключение отметим, что реализация административно-деликтного инструмента путем предложенной трансформации слов в термине «предупреждение» скорректирует имеющиеся противоречия по субъектному составу лиц, освобождаемых от административной ответственности, а введение отдельного состава в КоАП за нарушение правил регулирования численности инвазивных видов растений, в метафорическом смысле установление знака равенства между догмами «закон природы» и «юридический закон», позволит в долгосрочной перспективе минимизировать негативные последствия влияния интродуцированных видов на окружающую среду и сохранить естественные экологические системы в их первозданном виде.

Список литературы

1. Закон Республики Беларусь от 14.06.2003 г. № 205-З «О растительном мире» [Электронный ресурс]. URL:

https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10300205 (дата обращения: 27.01.2026).

2. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь (утв. решением Всебелорусского народного собрания 25.04.2024 № 5) [Электронный ресурс]. URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P924v0005 (дата обращения: 27.01.2026).

3. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 07.12.2016 г. № 1002 «О регулировании распространения и численности отдельных видов растений» [Электронный ресурс]. URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C21601002 (дата обращения: 27.01.2026).

4. Асаёнок Б.В. Административно-деликтное и процессуально-исполнительное право: учеб. пособие. Минск: Междунар. ун-т «МИТСО», 2023. 316 с.

5. Бань А.А. Биологическая и экологическая безопасность Республики Беларусь в свете реализации конституционно-правовых норм // Государство и человек в условиях современных вызовов и угроз: материалы круглого стола. Минск: БГУ. 2024. С. 134–139.

6. Брославский Л.И. Ответственность хозяйствующего субъекта за причинение экологического вреда // «Хозяйство и право». 2023. № 5. С. 69–96.

7. Васильчук Ю.В. Судебная защита права граждан на возмещение вреда, причиненного их здоровью неблагоприятным воздействием окружающей среды в контексте экологической политики Российской Федерации // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 2 (82). С. 41–55.

8. Демичев Д.М. Административная ответственность за экологические правонарушения // Приоритетные направления развития экологического, земельного и аграрного права: материалы Республиканского круглого стола, приуроченного к юбилею доктора юридических наук профессора Тамары Ивановны Макаровой. Минск. 2017. С. 27–31.

9. Добриян С.В. Правовая природа и проблемные аспекты применения профилактических мер воздействия в Республике Беларусь // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2021. № 2. С. 12–17.

10. Зырянов С.М. Административная ответственность в системе публично-правовой ответственности // Журнал российского права. М.: Норма, 2014. № 1. С. 15–22.

11. Крамник А.Н. Освобождение от административной ответственности // Юстиция Беларуси. 2005. № 10. С. 34–37.

12. Либерализация и профилактика. Как изменятся кодексы по вопросам об административной ответственности? [Электронный ресурс]. URL: https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2025/october/90381/ (дата обращения: 27.01.2026).

13. О состоянии работы по борьбе с борщевиком Сосновского и фактах по выявлению мест его произрастания. [Электронный ресурс]. URL: https://www.minpriroda.gov.by/ru/news-ru/view/o-sostojanii-raboty-po-borbe-s-borschevikom-sosnovskogo-i-faktax-po-vyjavleniju-mest-ego-proizrastanija-5100/ (дата обращения: 27.01.2026).

14. Рябцев Л.М. Административные правонарушения против экологической безопасности, окружающей среды и порядка природопользования. Ответственность за их совершение: пособие. Минск: Амалфея, 2018. 195 с.

15. Тихомиров Ю.А. Административное право и процесс: полный курс. М.: Юринформцентр, 2004. 652 с.

16. Толковый словарь Даля [Электронный ресурс]. URL: https://slovardalja.net/ (дата обращения: 27.01.2026).

17. Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс]. URL: https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=21302 (дата обращения: 27.01.2026).

Об авторе:

БАНЬ Анастасия Александровна – аспирант 2 года обучения кафедры конституционного права юридического факультета Белорусского государственного университета (220030, г. Минск, ул. Ленинградская, 8), SPIN-код: 6704-9322, AuthorID: 1163957, e-mail: law.ban@mail.ru

Directions for improving administrative responsibility for violations of legislation in the field of environmental protection in the Republic of Belarus

A.A. Ban

Belarusian State University, Minsk

This article examines the theoretical and applied aspects of implementing administrative liability in the area of environmental protection, including a special basis for exempting individuals from liability with the imposition of a preventive measure in the form of a warning. It also analyzes the prerequisites for introducing an offense for unlawful acts related to failure to regulate the spread and population of invasive plant species. The issues discussed allow us to formulate proposals aimed at improving the administrative-tort sanction protecting a group of public relations related to environmental protection.

Keywords: *administrative liability, environmental protection, offense, warning, exemption, invasive plants.*

About author:

BAN Anastasia – second-year postgraduate student in the department of constitutional Law, faculty of law, Belarusian State University, Belarus (8 Leningradskaya St., Minsk, 220030), SPIN code: 6704-9322, AuthorID: 1163957, e-mail: law.ban@mail.ru

Бань А.А. Направления совершенствования административной ответственности за нарушения законодательства в области охраны окружающей среды в Республике Беларусь // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 2 (86). С. 170–177.

Статья поступила в редакцию 02.02.2026 г.

Подписана в печать 10.06.2026 г.

УДК 346.543.4:334.723+347.4
DOI: 10.26456/vtpravo/2026.2.178

Правоприменительная практика в оценке взаимосвязи объектов в проектах государственно-частного партнерства

В.Р. Боровик

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», г. Нижний Новгород

В статье отражены практические аспекты определения взаимосвязи имущественных объектов в проектах государственно-частного партнерства, в частности в концессионных соглашениях. Исследование отражает критерии и факторы, влияющие на определение наличия или отсутствия технологической и/или функциональной взаимосвязи объектов. Полученные выводы подчеркивают эффективность практического подхода для создания законодательных критериев, определяющих наличие или отсутствие технологической и/или функциональной взаимосвязи объектов.

Ключевые слова: *концессионное соглашение, технологическая связь, функциональная связь, правоприменительная практика, государственно-частное партнерство, законодательные пробелы, имущественный комплекс, недействительность соглашения.*

В последние годы правовой механизм инвестирования в фундаментальные отрасли отечественной экономики претерпел значительные трансформации. Государственно-частное партнерство (далее – ГЧП) демонстрирует устойчивый рост и становится все более востребованным инвестиционным инструментом для привлечения внебюджетных инвестиций.

Действительно, концессионные соглашения, являясь смешанным договором, в котором отражены различные аспекты как административных, так и гражданско-правовых договоров, представляют собой комплексный правовой инструмент, позволяющий сбалансировать публичные и частные интересы для реализации социально значимых объектов инфраструктуры.

Вопрос о составе и правовом режиме объекта концессионного соглашения получил широкое освещение в современной научной литературе. Исследователи обращают внимание на расхождение между законодательно закрепленной моделью объекта и практикой заключения концессионных соглашений, в том числе на проблемы разграничения объекта соглашения и иного имущества, передаваемого концессионеру, а также на неопределенность набора признаков, позволяющих квалифицировать совокупность имущества как единый имущественный комплекс [8, 10]. Отмечается, что выработка более четких критериев

© Боровик В.Р., 2026

объекта концессионного соглашения имеет принципиальное значение как для обеспечения баланса публичных и частных интересов, так и для снижения рисков признания соглашений недействительными [11].

В рамках реализации проекта ГЧП объектом концессионного соглашения, как правило, выступают социально значимые или стратегически важные объекты социальной инфраструктуры, находящиеся или планируемые к передаче в собственность государства (концедента). Легальные критерии определения объектов концессионных соглашений закреплены в п. 1 ст. 3 Федерального закона от 21.07.2005 г. № 1115-ФЗ «О концессионных соглашениях» [2]. Согласно положениям данной статьи, к объекту концессионных соглашений может быть отнесено: 1) недвижимое имущество; 2) недвижимое и движимое имущество, технологически и функционально связанное между собой.

Телеологическое толкование положений данного нормативного закрепления позволяет выявить волю законодателя.

Прежде всего, из законодательного положения явствует необходимость исключения возможности добавления в состав объекта концессионного соглашения имущества, которое не может быть использовано для осуществления социально значимой цели, которой обременены все поименованные объекты концессионных соглашений в ст. 4 Федерального закона «О концессионных соглашениях» [2]. Несоблюдение данного принципа создало бы правовые предпосылки для включения в состав объекта концессионных соглашений объектов, обладающих высокой, прежде всего коммерческой, привлекательностью, что свидетельствовало бы о правовой неопределенности в части достижения целей, представленных перед сторонами концессионных соглашений.

Следующим принципиально значимым аспектом является недопустимость включения в состав объекта имущества, которое не имеет устойчивой взаимосвязи с основным объектом концессионного соглашения, являясь вторичным или вспомогательным по отношению к нему. Включение такого имущества в объект соглашения искусственно расширяет сферу применения концессионного механизма и может привести к искажению его экономической природы. В случае, если второстепенные объекты используются юридически и фактически независимо от основного объекта соглашения, это свидетельствует об отсутствии требуемой законом технологической и функциональной связи. Такая ситуация потенциально влечет риск признания соглашения недействительным, поскольку возникает несоответствие состава объекта соглашения целям, предусмотренным законодательством и соглашением, а также нарушается баланс интересов сторон: публичный партнер (концедент) лишается гарантии достижения общественно значимых целей, а частный партнер (концессионер) оказывается в

положении, когда объект соглашения не отвечает характеру и сути концессионного проекта, что препятствует исполнению возложенных на него обязанностей и может привести к невозможности реализации проекта либо существенным затруднениям в его реализации, создавая дополнительные правовые риски.

Таким образом, под объектом концессионных соглашений следует понимать совокупность недвижимого имущества либо недвижимого и движимого имущества, объединенных общей цельной функциональной и технологической связью, обеспечивающих возможность достижения общественно значимых целей, установленных законодательством и концессионным соглашением. Важным критерием является не только физическая взаимосвязь объектов, но и их функциональная направленность на обеспечение предоставления публичной услуги или выполнения публичной функции, закрепленной в соглашении. Исключение из объекта соглашения имущества, не отвечающего этим критериям, позволяет обеспечить соответствие содержания концессионного соглашения его правовой природе и целям, ради которых оно заключается.

Однако, несмотря на ключевое значение критериев, позволяющих квалифицировать совокупность имущественных объектов как объект концессионного соглашения, законодательством о концессионных соглашениях не определены параметры отнесения объектов к объекту концессионных соглашений. Отсутствие нормативно-определенных ориентиров приводит к неопределенности в вопросе допустимости отнесения совокупности объектов к объекту соглашения, что создает правовой риск признания соглашения недействительным вследствие нарушения требований законодательства, согласно ст. 168 Гражданского кодекса Российской Федерации [1].

Анализ правоприменительной практики, сформированной судебными и антимонопольными органами, позволяет выявить категории критериев технологической и функциональной связи.

Дискуссионность подходов к содержанию признаков технологической и функциональной связи также подчеркивается в доктрине. Одни авторы предлагают считать технологически связанными лишь такие объекты, которые участвуют в едином, неразрывном технологическом процессе и не могут быть эксплуатированы автономно, другие допускают более широкий подход, при котором достаточно служебного характера спорных объектов по отношению к основному объекту инфраструктуры [8–11]. При этом обращается внимание на то, что чрезмерно узкое толкование соответствующих критериев способно неоправданно ограничить варианты структурирования инфраструктурных проектов, тогда как чрезмерно расширительное понимание взаимосвязи создает риск включения в объект соглашения

имущества, фактически не связанного с обеспечением соответствующей публичной услуги [9, 10].

Прежде всего, органами определен перечень критериев, подтверждающих наличие технологической и функциональной взаимосвязи объектов. Судебные органы, рассматривавшие обстоятельства дела о наличие технологической и/или функциональной связи объектов соглашения, установили, что подтверждающим фактором является обстоятельство, при котором исключение одного из объектов приводит к снижению количественных и/или качественных показателей объекта соглашения, а также к невозможности осуществления производственного процесса [3, 4]. Данные обстоятельства выражаются в следующем критерии – необходимость использования совокупности имущественных объектов в единой технологической цепочке и невозможность использования имущества раздельно без ущерба для качества и целевого назначения такого имущественного комплекса.

Вместе с тем существуют критерии, способные ввести в заблуждение относительно наличия технологической и/или функциональной связи или повлечь риск нарушения законодательства. Практика правоприменения демонстрирует, что близкая территориальная расположенность имущественных объектов (например, в границах одного или смежных земельных участок, а также наличие единых инженерных сетей или иных физических связей) не всегда свидетельствует о наличии требуемой законодательством взаимосвязи [5, 6].

Следует также учитывать критерии, признанные органами, опровергающими наличие технологической и/или функциональной связи. К таким критериям относится обстоятельство, при котором объекты, в отношении которых планируется заключение соглашения, принадлежат к различным сегментам рынка, что свидетельствует об отсутствии единой технологической цепочки [7]. Дополнительно следует учитывать, что возможность разделения объектов на несколько автономных друг от друга работ без ущерба для функционирования каждого из них также свидетельствует об отсутствии технологической и/или функциональной связи объектов. Подводя итог, можно сделать вывод, что несмотря на отсутствие исчерпывающего законодательного перечня критериев определения взаимосвязи объектов в проектах ГЧП, практика правоприменения демонстрирует свою эффективность в адаптации существующих норм к конкретным ситуациям. Судебные и антимонопольные органы, опираясь на фактический анализ технологической и функциональной взаимосвязи объектов, с точки зрения имущественного комплекса, успешно заполняют законодательные пробелы и способствуют снижению правового риска признания соглашения недействительным вследствие несоблюдения сторонами соглашения требования о наличие технологической и/или

функциональной взаимосвязи. На уровне научных исследований обосновывается необходимость закрепления в законодательстве базового легального определения технологической и функциональной связи имущества, дополненного примерным перечнем критериев оценки такой связи, а также более четкого разграничения объекта концессионного соглашения и иного имущества, передаваемого по соглашению [8, 10, 11]. Представляется, что учет выработанных судами и антимонопольными органами подходов, рассмотренных в статье, при подготовке соответствующих поправок позволил бы снизить уровень правовой неопределенности для участников инвестиционных проектов и повысить предсказуемость правовых последствий заключения концессионных соглашений.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Федеральный закон от 21.07.2005 г. № 115-ФЗ (ред. от 23.07.2025 г.) «О концессионных соглашениях» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Решение Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 24.04.2024 г. по делу № А15-3162/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

4. Решение Арбитражного суда Московского округа от 30.05.2024 г. по делу № А41-64544/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

5. Решение Арбитражного суда Дальневосточного округа от 25.01.2022 г. по делу № А73-4701/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

6. Постановление Новосибирского УФАС России от 27.01.2021 г. № 054/04/7.32.4-23/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

7. Решение Арбитражного суда Северо-Западного округа от 05.12.2023 г. по делу № А13-2423/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

8. Ахрем Т.П. Объекты концессионных соглашений: правоприменительные проблемы и пути их преодоления // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 7. С. 146–152.

9. Дудников Р. Технологическая связь между недвижимым и движимым имуществом в составе объекта концессионного соглашения // Качкин и партнеры. 2021. 21 июня [Электронный ресурс]. URL: https://www.kachkin.ru/tehnologicheskaya-svyaz-mezhdu-nedvizhimym-i-dvizhimym-imushhestvom-v-sostave-obekta-konczessionnogo-soglasheniya/ (дата обращения: 12.11.2025).

10. Самойлова В.В., Сычева Е.И. Некоторые аспекты и специфика объекта концессионных соглашений // Теория и практика общественного развития. 2016. № 2. С. 88–91.

11. Стецюк А.Е. Правовой режим объекта концессионного соглашения // Молодой ученый. 2022. № 26 (421). С. 128–131.

Об авторе:

БОРОВИК Владислав Романович – аспирант кафедры гражданского права и процесса Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» (603105, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород, ул. Ашхабадская, 4), ORCID: 0009-0004-6548-0241, AuthorID: 1288417, e-mail: vlad_borovik.official@mail.ru

Law enforcement practice in assessing the interrelation of objects in public-private partnership projects

V.R. Borovik

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod

The article reflects the practical aspects of determining the interrelation of property objects in public-private partnership projects, particularly in concession agreements. It examines the law enforcement practices of judicial and antimonopoly authorities in assessing the technological and/or functional interrelation of objects. The study highlights the criteria and factors influencing the determination of the presence or absence of such interrelations. The findings emphasize the effectiveness of a practical approach for establishing legislative criteria that define the existence or absence of technological and/or functional interrelations between objects. This research contributes to addressing legislative gaps in the field.

Keywords: *concession agreement, technological interrelation, functional interrelation, law enforcement practice, public-private partnership, legislative gaps, property complex, invalidity of agreement.*

About author:

BOROVIK Vladislav – postgraduate student at the Department of Civil Law and Procedure, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (4 Ashkhabadskaya Street, Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod Region, 603105, Russia), ORCID: 0009-0004-6548-0241, AuthorID:1288417, email: vlad_borovik.official@mail.ru

Боровик В.Р. Правоприменительная практика в оценке взаимосвязи объектов в проектах государственно-частного партнерства // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 2 (86). С. 178–183.

Статья поступила в редакцию 17.11.2025 г.

Подписана в печать 10.06.2026 г.

УДК 347.736:347.635.3(470):(510)
DOI: 10.26456/vtpravo/2026.2.184

Сравнительно-правовой анализ регулирования недействительности соглашений об уплате алиментов на содержание несовершеннолетних детей в процедурах банкротства граждан в Российской Федерации и Китайской Народной Республике

И.Д. Ерёмин

ФГБОУ «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье проводится сравнительно-правовой анализ регулирования недействительности соглашений об уплате алиментов на содержание несовершеннолетних детей в процедурах банкротства граждан в Российской Федерации и Китайской Народной Республике. Автор анализирует положения российского Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» и китайские локальные правовые акты: Положение о банкротстве физических лиц в особой экономической зоне Шэньчжэнь и Положение специальной экономической зоны Сямэнь о защите при банкротстве физических лиц. Выявлены ключевые различия: унифицированный характер российского регулирования и локальных экспериментов в Китае в отсутствие единого правового регулирования; двойственная семейно-правовая природа алиментного соглашения в России и его гражданско-правовая природа в КНР; наличие в китайском законодательстве механизмов имущественной ответственности супруга (заинтересованного лица) за заключение недействительного алиментного соглашения, что не свойственно российской правовой системе.

Ключевые слова: *КНР, банкротство граждан, алиментное соглашение, недействительность сделок, ответственность супруга, защита интересов.*

Актуальность сравнительно-правового исследования в любой сфере юридической науки определяется совокупностью факторов, отражающих потребности как в теоретическом познании, так и с точки зрения совершенствования законодательства. Как справедливо отмечается в доктрине, «современная правовая карта мира подвергается изменениям под влиянием различных процессов межгосударственного взаимодействия», а «целевые ориентиры его корректируются, общественные отношения, в свою очередь, также изменяются под воздействием различных факторов» [7]. В контексте настоящего исследования указанные изменения приобретают особое значение в силу беспрецедентного сближения Российской Федерации и Китайской Народной Республики, которое происходит на фоне глубоких трансформационных процессов в обоих государствах.

© Ерёмин И.Д., 2026

2026 год ознаменован знаковыми датами в истории российско-китайских отношений: 30-летием установления отношений партнерства и стратегического взаимодействия, а также 25-летием подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве [3]. Данные вехи в истории сотрудничества двух государств имеют не просто символическое значение – они отражают качественно новый уровень взаимодействия государств, который объективно требует синхронизации правовых подходов в соответствующих сферах общественных отношений.

В текущих геополитических условиях сравнительно-правовой анализ приобретает не просто академическое, но и стратегическое значение как инструмент укрепления правового фундамента двусторонних отношений. Исследование механизмов противодействия злоупотреблению правом в области несостоятельности (банкротства) способствует формированию единых подходов к защите имущественных прав граждан и интересов кредиторов в обоих государствах.

Экономическое сотрудничество России и Китая достигло беспрецедентного уровня. Как отметил Президент Вольного экономического общества России Сергей Бодрунов на Российско-китайском диалоге по экономике и образованию в Москве, «развитие экономических связей является одним из приоритетных направлений сотрудничества России и Китая» [4]. В этих условиях растет число граждан, имеющих экономические интересы и обязательства на территории обоих государств. Присутствие российских граждан в Китае и китайских граждан в России, развитие совместных предприятий, увеличение объема иностранных инвестиций – все это создает предпосылки для возникновения отношений в области несостоятельности (банкротства).

На фоне углубления стратегического партнерства Россия и Китай активно развивают взаимоотношения в таких сферах, как бизнес, противодействие коррупции, цифровизация и др. В рамках XV Международного конгресса сравнительного правоведения «Фрагментация права и проблемы ее преодоления» состоялся российско-китайский круглый стол «Новые законодательные тренды» [8], на котором обсуждались вопросы сближения национальных законодательств, синхронизации регуляторных подходов, необходимости выработки совместных ответов на новые вызовы.

В России институт банкротства граждан действует на федеральном уровне с 2015 г., когда вступили в силу изменения в Федеральном законе от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) [2], сформирована обширная судебная практика, выработаны определенные подходы к оспариванию подозрительных сделок (включая алиментные соглашения) по ст. 61.2 и 61.3 Закона о банкротстве. В Китае, напротив, отсутствует общегосударственный

закон о банкротстве физических лиц, действуют лишь локальные экспериментальные режимы в г. Шэньчжэне, провинция Гуандун (с 2021 г.) и г. Сямэнь, провинция Фуцзянь (с 2025 г.).

Это различие в уровнях правового регулирования создает уникальную исследовательскую возможность: российская законодательная система может предложить модель унифицированного регулирования, наработанную судебную практику и доктринальные подходы. В свою очередь, китайская правовая система демонстрирует альтернативные методы противодействия злоупотреблению правом, которые могут быть востребованы в России.

Сравнительно-правовой анализ проводится автором настоящей статьи на изучении отдельных вопросов признания соглашения об уплате алиментов на несовершеннолетних детей при банкротстве граждан.

В первую очередь стоит рассмотреть уровень законодательного регулирования соответствующей области правоотношений.

В системе российского законодательства на федеральном уровне действует Закон о банкротстве, регламентирующий проведение процедур несостоятельности (банкротства) как в отношении юридических лиц, так и с 2015 г. в отношении физических лиц. Положения данного закона подлежат применению на всей территории государства.

В свою очередь, принципиальное отличие китайского законодательства заключается в отсутствии на настоящий момент единого государственного закона, регулирующего банкротство физических лиц. Ввиду относительно недавнего появления рассматриваемого института в китайской правовой системе наблюдается отсутствие комплексных исследований в данной области.

В настоящее время в Китае действуют следующие локальные экспериментальные режимы:

– Шэньчжэнь – на территории данной особой экономической зоны с 2021 г. действует пилотный законодательный проект, направленный на регулирование личного банкротства граждан;

– Сямэнь – с 2025 г. в Сямэньской специальной экономической зоне действует «Положение Специальной экономической зоны Сямэнь о защите при банкротстве физических лиц», иначе называемое «Сямэньскими правилами» [11].

Таким образом, в России действует универсальный федеральный институт несостоятельности (банкротства) граждан, в то время как в Китае данный институт находится на стадии локальных экспериментов, что создает риск возникновения коллизий и неоднозначности правового регулирования в различных регионах страны.

Далее рассмотрим алиментное соглашение на содержание несовершеннолетних детей как особый объект оспаривания.

В отечественном законодательстве соглашение об уплате алиментов на несовершеннолетних детей представляет собой специальную семейно-правовую договорную конструкцию между родителями, за которыми закрепляется обязанность по содержанию несовершеннолетних детей. Регулирование данных правоотношений осуществляется на основании положений Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) [1]. В данном контексте можно отметить следующее высказывание О.Ю. Ильиной: «Отношения между родителями и детьми являются, пожалуй, объективно самой уязвимой сферой в составе предмета семейно-правового регулирования» [6]. Нельзя не согласиться с указанной позицией, поскольку специфика алиментных правоотношений основывается на реализации конституционных и семейно-правовых начал российского законодательства в области защиты интересов несовершеннолетних детей, как наиболее слабой стороны правоотношений.

Заключение алиментного соглашения является выражением воли родителей на добровольное исполнение ими представленной обязанности, однако, соглашение о содержании общих детей может использоваться родителями, один из которых является должником в деле о несостоятельности (банкротстве), в качестве способа контроля конкурсной массы, искусственного формирования задолженности и сохранения за семьей ликвидного имущества, за счет которого могли бы быть удовлетворены требования иных кредиторов должника.

Гражданский кодекс Китайской Народной Республики (далее – ГК КНР) [5] в ст. 1076, 1078, 1085 закрепляет, что в случае взаимного согласия супругов на расторжение брака необходимо подписать письменное соглашение, в котором должно быть отражено намерение сторон добровольно расторгнуть брак и соглашение о содержании детей. Орган регистрации брака осуществляет регистрацию расторжения брака только после установления того факта, что обе стороны добровольно расторгают брак и между ними достигнуто соглашение о содержании детей, а также по иным имущественным вопросам.

Исходя из содержания данных норм следует, что соглашение об уплате алиментов на содержание общих несовершеннолетних детей в КНР представляет собой правовую конструкцию свойственную и российскому законодательству. Однако, в свою очередь, стоит отметить, что семейно-правовые отношения регулируются не отдельным кодексом, а лишь соответствующей частью ГК КНР.

Ввиду того, что в КНР алиментное соглашение также является сделкой, оно может подлежать оспариванию в рамках процедуры несостоятельности (банкротства) гражданина.

Положение о банкротстве физических лиц в особой экономической зоне Шэньчжэнь (далее – Положение) [10] было принято 26.08.2020 г., вступило в силу 01.03.2021 г. Ранее в Китае действовал только закон о

банкротстве юридических лиц, применимый на всей территории государства. Статья 42 Положения гласит, что сделки, касающиеся имущества должника, являются недействительными в двух случаях, если:

– в рамках данных сделок происходит сокрытие, передача или неправомерное распоряжение имуществом и имущественными правами с целью уклонения от уплаты имеющейся задолженности;

– сделка направлена на формирование искусственной задолженности, либо суть сделки определяется как признание фиктивной задолженности.

Данная норма является применимой в контексте рассмотрения алиментных соглашений. В соответствии с абз. 2 ст. 43 Положения, лицо, которое заведомо знало или должно было знать о том, что должник находится в состоянии банкротства, но при этом продолжает быть участником правоотношений, предусмотренных в том числе ранее указанной ст. 42, несет ответственность за компенсацию имущественного вреда, если такой вред оказался результатом совершения сделки.

В свою очередь, содержание ст. 22 Положения содержит следующую формулировку: «супруг, дети, близкие родственники, управляющие имуществом и другие заинтересованные лица <…>». Исходя из этого можно допустить, что супруг может выступать в качестве заинтересованного лица, соответственно, справедливым видится применение презумпции осведомленности супруга как заинтересованного лица о противоправных целях заключения алиментного соглашения. Аналогичным образом применяются и положения Закона о банкротстве.

Таким образом, в случае, если такое соглашение будет признано недействительным по основаниям, предусмотренным Положением, супруг должника будет нести ответственность за компенсацию имущественного вреда, причиненного кредиторам. Аналогичных санкций за недобросовестное поведение сторон алиментного соглашения в отечественном законодательстве не предусмотрено. Однако предполагается, что, если бы такие правовые положения были закреплены в Законе о банкротстве, в рамках отечественного законодательства сформировался бы дополнительный механизм в системе сдержек и противовесов, способный не допустить существование недействительного алиментного соглашения еще на этапе размышлений о его заключении.

Особое внимание стоит уделить вопросу ответственности супруга должника при нарушении требований Положения.

Так, ст. 168 регламентирует, что супруг должника может быть привлечен к административной и уголовной ответственности в следующих случаях:

– отказ в оказании содействия суду, рассматривающему делу о банкротстве должника, или административному управляющему[1] в изучении имущественного положения и анализе доходов должника, а также предоставление ложной информации или дача ложных показаний;

– содействие или прикрытие должника в умышленном сокрытии, передаче, повреждении или ненадлежащим распоряжении имуществом или имущественными правами, а также в случаях необоснованного снижения стоимости имущества;

– содействие в формировании или сокрытии искусственной (фиктивной) задолженности должника;

– иные действия, препятствующие проведению процедуры банкротства.

Стоит отметить, что данные основания привлечения супруга к ответственности соотносятся с основаниями недействительности сделок, предусмотренных ст. 42 Положения.

В рамках дела об оспаривании алиментных соглашений правовой статус супруга в соответствии с Положением имеет существенное значение. В России оценка правового статуса и правовой природы алиментного соглашения влияет на определение степени защиты прав и законных интересов несовершеннолетних детей. В то же время Положение носит более кредиторо-ориентированный характер.

В системе российского законодательства отсутствуют аналогичные нормы, однако, их заимствование и адаптация под местные реалии и особенности правовой системы позволило бы развить систему правоотношений в области несостоятельности (банкротства) и обеспечить надлежащую защиту субъектам экономических правоотношений от недобросовестного поведения сторон алиментного соглашения, поскольку в случае признания соглашения недействительным и установления недобросовестности в поведении другой стороны соглашения, такая сторона рискует своими личными денежными средствами, что по своей сути является эффективным сдерживающим фактором.

Вторым законодательным актом КРН в сфере несостоятельности (банкротства) граждан является ранее упомянутое «Положение Специальной экономической зоны Сямэнь о защите при банкротстве физических лиц», иначе называемое «Сямэньскими правилами» (далее – Правила) [12].

С точки зрения оценки недействительности сделок, что Положение, что Правила во многих моментах соотносятся друг с другом. Разница заключается лишь в том, что в соответствии с Правилами отсутствует положение об ответственности лица, осведомленного о том, что

[1] Примечание: административный управляющий – аналог российского арбитражного управляющего в КНР.

заключенная сделка влечет причинение вреда имущественным правам и законным интересам кредиторов должника. Таким образом, признак осведомленности заинтересованного лица (супруга) не имеет квалифицирующего значения для определения имущественной ответственности другой стороны алиментного соглашения перед кредиторами должника. Однако при этом сохраняются меры административной и уголовной ответственности, ранее закрепленные в Положении.

Особым новшеством явилось закрепление института совместного банкротства супругов. Так, в соответствии со ст. 158–160 Правил кредиторами или самими супругами может подаваться заявление о признании несостоятельными (банкротами) супругов совместно. Наличие подобной процедуры представляется весьма интересным, однако, не лишенным определенных недостатков механизмом.

Как обозначено ранее в процедуре несостоятельности банкротства административный управляющий, кредиторы могут инициировать процедуру оспаривания алиментного соглашения. Как в таком случае должен происходить процесс, если ведется совместная процедура несостоятельности супругов? Правила не регламентируют особенности оспаривания отдельных видов сделок, в том числе отсутствуют какие-либо указания на специфику оспаривания соглашений об уплате алиментов не совершеннолетних детей при совместном банкротстве супругов.

Аналогичный механизм совместного банкротства не закреплен прямо в системе российского законодательства. Внедрение такого института в систему российского законодательства позволило бы обновить процесс проведения процедур несостоятельности (банкротства) граждан. Однако, заимствование должно происходит с учетом специфики действующего законодательства и основ политики государства. По мнению автора настоящей статьи, правовая регламентация института совместного банкротства, представленная в Китае, не содержит положений, конкретизирующих ряд проблемных моментов, среди которых выделяются следующие:

– особенности формирования и наполнения совместной конкурсной массы супругов в случае признания соглашения об уплате алиментов на несовершеннолетних детей недействительным;

– специфика учета интереса несовершеннолетних в условиях проведения совместной процедуры банкротства родителей.

Первое заявление в рамках применения данного закона было подано совсем недавно (03.11.2025 г.) [9], в связи с чем на текущий момент нельзя говорить о формировании в судебной практике единых подходов. Такая ситуация позволяет допустить возможное возникновение неопределенности законодательного регулирования и противоречивости судебной практики.

Проведенный сравнительно-правовой анализ регулирования недействительности алиментных соглашений в процедурах банкротства граждан в Российской Федерации и Китайской Народной Республике позволяет сформулировать следующие основные выводы.

Различие в уровне унификации правового регулирования. В РФ сформирован федеральный институт несостоятельности (банкротства) граждан, действующий на всей территории государства. В КНР, напротив, отсутствует общегосударственный закон о банкротстве физических лиц, а регулирование осуществляется в рамках локальных экспериментальных режимов (в провинциях Шэньчжэнь и Сямэнь). Это создает риск коллизий и отсутствия единообразия правоприменения в Китае, в то время как российская модель представляет собой более устойчивый и сформированный институт.

Специфика правовой природы алиментного соглашения. В обоих государствах соглашение об уплате алиментов признается сделкой. Однако в КНР семейные правоотношения не выделены в отдельную отрасль, а регламентированы в рамках Гражданского кодекса, что подчеркивает гражданско-правовую природу таких соглашений и облегчает применение к ним общих положений об оспаривании сделок в банкротстве. В России же алиментное соглашение обладает двойственной (семейно-правовой и гражданской) природой.

Различия в правовых последствиях признания соглашения недействительным. Ключевым отличием правового регулирования в КНР является наличие механизма привлечения супруга (заинтересованного лица) к имущественной ответственности. Если супруг знал или должен был знать о противоправной цели заключения алиментного соглашения, он обязан компенсировать имущественный вред, причиненный кредиторам.

Потенциал института совместного банкротства супругов. В Сямэньских правилах закреплена возможность возбуждения совместной процедуры банкротства супругов. Данный институт прямо не предусмотрен российским законодательством. Анализ Правил продемонстрировал наличие определенных коллизий, в частности, не решен вопрос об особенностях формирования совместной конкурсной массы супругов в случае признания соглашения об уплате алиментов на несовершеннолетних детей недействительным. Однако, в случае формирования соответствующей правовой модели, данный институт представляет собой интересный механизм, применение которого возможно и в рамках отечественной законодательной системы.

Представленные в ходе исследования проблемные вопросы могут быть использованы законодателем в качестве ориентиров для предотвращения правовых пробелов при возможном реформировании института банкротства граждан в данной части.

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (в ред. от 23.03.2026 г.) // СЗ РФ. 1996 г. № 1. Ст. 16.

2. Федеральный закон от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве) (в ред. от 25.12.2023 г., с изм. и доп., вступ. в силу с 05.01.2024 г.) // СЗ РФ. 2002 г. № 43. Ст. 4190.

3. В Москве обсудили итоги «двух сессий» в Китае и новые формы китайско-российского сотрудничества и взаимодействия [Электронный ресурс]. URL: https://russian.people.com.cn/n3/2026/0320/c31520-20438026.html (дата обращения: 20.03.2026).

4. В Москве состоялся Китайско-российский диалог по экономике и образованию [Электронный ресурс]. URL: https://russian.people.com.cn/n3/2026/0319/c31519-20437636.html (дата обращения: 20.03.2026).

5. Гражданский кодекс Китайской Народной Республики: [перевод] / отв. ред. П.В. Трощинский. М.: Синосфера, 2020. 448 с.

6. Ильина О.Ю. Конкуренция соглашений о детях в семейном законодательстве Российской Федерации и Республики Беларусь // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 4 (72). С. 15–22.

7. Купцова О.Б. Трансформация методологии сравнительно-правовых исследований в русле современного взаимодействия правовых систем // Право между Востоком и Западом. 2025. № 2 [Электронный ресурс]. URL: https://lawinfo.ru/articles/10074/transformaciya-metodologii-sravnitelno-pravovyx-issledovanii-v-rusle-sovremennogo-vzaimodeistviya-pravovyx-sistem (дата обращения: 20.03.2026).

8. Российско-китайский круглый стол «Новые законодательные тренды» [Электронный ресурс]. URL: https://izak.ru/institute/events/rossiysko-kitayskiy-kruglyy-stol-novye-zakonodatelnye-trendy/#collapse10 (дата обращения: 16.04.2026).

9. China’s Xiamen Launches Personal Bankruptcy Law, First Case Filed [Электронный ресурс]. URL: https://www.chinajusticeobserver.com/a/china%E2%80%99s-xiamen-launches-personal-bankruptcy-law,-first-case-filed (дата обращения: 16.04.2026).

10. Personal Bankruptcy Regulation of Shenzhen Special Economic Zone (2020) [Электронный ресурс]. URL: https://www-chinajusticeobserver-com.translate.goog/law/x/personal-bankruptcy-regulation-of-shenzhen-special-economic-zone-20200831/chn?_x_tr_sl=en&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=rq (дата обращения: 16.04.2026).

11. Xiamen’s landmark personal bankruptcy law [Электронный ресурс]. URL: https://www.onc.hk/en_US/publication/xiamen-s-landmark-personal-bankruptcy-law?page=4 (дата обращения: 16.04.2026).

12. 厦门经济特区个人破产保护条例 [Электронный ресурс]. URL: https://www.xmrd.gov.cn/xwzx/qwfb/202508/t20250827_361860.htm (дата обращения: 16.04.2026).

Об авторе:

ЕРЁМИН Илья Дмитриевич – аспирант второго года обучения, направление научной специальности 5.1.3. «Частно-правовые (цивилистические науки)», кафедра гражданского права, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: eremin.ilya@list.ru

Comparative legal analysis of the regulation of the invalidity of agreements on the payment of alimony for the maintenance of minor children in bankruptcy proceedings of citizens in the Russian Federation and the People's Republic of China

I.D. Eremin

Tver State University, Tver

The article provides a comparative legal analysis of the regulation of the invalidity of agreements on the payment of alimony for the maintenance of minor children in bankruptcy proceedings of citizens in the Russian Federation and the People's Republic of China. The author analyzes the provisions of the Russian Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" and Chinese local experimental regimes: the Regulation on Bankruptcy of Individuals in the Shenzhen Special Economic Zone and the Regulation of the Xiamen Special Economic Zone on Bankruptcy protection for individuals. Key differences have been identified: the unified nature of Russian regulation against local experiments in China; the dual family-legal nature of the alimony agreement in Russia and its civil nature in China; the presence in Chinese legislation of mechanisms of property liability of the spouse of the person concerned for the conclusion of an invalid alimony agreement, including administrative and criminal risks, which is not typical the Russian legal system.

Keywords: *comparative law, bankruptcy of citizens, alimony agreement, invalidity of transactions, spouse's responsibility, protection of interests.*

About author:

EREMIN Ilya – is a second–year postgraduate student in the field of scientific specialty 5.1.3. "Private Law (Civil Sciences)", Department of Civil Law, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova str., 33), e-mail: eremin.ilya@list.ru

Ерёмин И.Д. Сравнительно-правовой анализ регулирования недействительности соглашений об уплате алиментов на содержание несовершеннолетних детей в процедурах банкротства граждан в Российской Федерации и Китайской Народной Республике // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 2 (86). С. 184–193.

Статья поступила в редакцию 10.05.2026 г.

Подписана в печать 10.06.2026 г.

УДК 34.01:347.6
DOI: 10.26456/vtpravo/2026.2.194

Совместность как элемент формирования системы правовых связей (на примере семейного права и семейного законодательства)

Е.А. Костилова

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», г. Курск

Цель исследования – раскрыть сущность и функции совместности посредством системно-структурного метода, выявив ее роль в обеспечении целостности правовой системы. Основные методы: анализ, системно-структурный, формально-юридический. Установлено, что совместность в широком смысле понимается как принцип системной согласованности, а в узком – как правовой режим, формирующий коллективный субъект (супружескую пару) со следующими признаками: процедурное единство, взаимозаменяемость и нераздельность результата. Сделан вывод, что совместность служит универсальным механизмом интеграции правовых связей, а полученные результаты позволяют разработать инструментарий для анализа сложных правоотношений в отраслях права, в которых может присутствовать семейно-правовой аспект.

Ключевые слова: *совместность, система правовых связей, супруги, коллективный субъект, процедурное единство, взаимозаменяемость, нераздельность результата.*

Согласно позиции А.М. Васильева, категориальный аппарат позволяет воспроизвести в научном сознании объективно существующее содержание, структуру внутренних связей и элементов правовой связи социальной действительности [4, с. 14]. Также отмечается, что правовые категории, выполняя определенные функции, обладают самостоятельной социально-правовой ценностью [3, с. 25]: обеспечивают постоянный генезис юридического знания, а также активно воздействуют на общественные отношения, стимулируя их развитие и дальнейшее преобразование [3, с. 19].

Из этого следует, что с методологической точки зрения является верным раскрытие сущности, места и роли юридической категории через существующую систему юридических связей (применение системно-структурного метода). В контексте поставленной цели – уяснения влияния совместности на систему правовых связей – основной задачей является формирование теоретического знания, которое будет выполнять практически-прикладную функцию, направленную на развитие общественных отношений.

 © Костилова Е.А., 2026

Указанное детерминирует установление понятия правовых (юридических) связей, их значения для юридической науки, в частности семейного права и семейного законодательства.

В юридической науке сформирован относительно единообразный подход к пониманию системы правовых связей, которая представляет из себя целостную, упорядоченную и иерархически организованную совокупность всего разнообразия юридических связей (правоотношений) в обществе, возникающих, изменяющихся и прекращающихся на основе норм права и обеспечивающихся государством. При этом под связью понимается определенное состояние зависимости или подчиненности одного элемента от другого [5, с. 77].

Основными признаками, характеризующими систему правовых связей как явление, являются: целостность, структурность, иерархичность и динамичность. Целостность проистекает из взаимосвязи каждого отельного элемента (конкретного правоотношения) между собой в рамках единой системы, где структурное или качественное изменение одного неизбежно влияет на всю цепочку. Структурность – внутренняя организация, которая состоит из подсистем и частных случаев, которые можно классифицировать по различным основаниям. Иерархичность обуславливается градацией связей в системе, где одни являются фундаментальными (например, проистекающие из конституционного права), а другие – производными по своей сути (договорные, диспозитивные связи, возникающие по волеизъявлению сторон, но основанные на фундаментальных положениях). Динамичность системы правовых связей связана с постоянным процессом возникновения, прекращения и изменения правоотношений, от которых строятся связи.

Общую структуру правовых связей также можно разделить на несколько условных уровней: фундаментальные, отраслевые и индивидуальные связи. Фундаментальные правовые связи обеспечивают стабильность функционирования иных подуровней, поскольку связаны с государством как с единым правовым полем. В первую очередь, это связь государства и личности (гражданство, правовой статус, права и т. д.), связь государственных органов в единую систему (разделение властей, компетенция конкретных органов и т. д.), а также юридическая связь государства с субъектами федерации. Далее идут связи, характерные для каждой из отраслей права, которые носят более предметный характер: гражданские, уголовные, административные, семейные и т. д. Индивидуальные (частные) правовые связи возникают постоянно и характеризуются большей изменчивостью, чем иные два уровня, поскольку являются субъективными и напрямую зависят от конкретных решений отдельно взятых субъектов права.

Как отмечает Н.Н. Вопленко, конкретные (отраслевые) правовые связи и проистекающие из них правоотношения в науке признаются

безоговорочно, в то время как фундаментальные (общерегулятивные) правовые связи и правоотношения воспринимаются скептически в юридической доктрине за счет их абстрактного характера и отсутствия четкости в определении правовой связи между ними [5, с. 85]. В рамках проводимого исследования приоритетное значение имеет изучение отраслевых и индивидуальных связей, чье существование не оспаривается в действующей научной парадигме, в связи с чем доктринальные разночтения относительно фундаментальных правовых связей имеет опосредованное отношение.

Сама структура правовых связей выстраивается за счет постоянно возникающих и изменяющихся правоотношений. То есть каждое конкретное правоотношение так или иначе влияет на общую структуру правовых связей, что особенно ярко проявляется при вынесении решений по конкретным делам в Верховном и Конституционном судах Российской Федерации, когда может быть пересмотрено не только применение конкретной нормы права, а весь подход к оценке аналогичных правовых связей как для дальнейшего правоприменения, так и для законодательства.

Существует интересный подход к правоотношениям, высказанный Л.С. Явичем: «...есть правоотношения, которые регулируют фактически существующий вид общественных отношений, и такие правоотношения, которые сами по себе... образуют особый вид общественных отношений, без них вообще не существующих» [8, с. 224]. Второй тип правоотношений возник как результат действия правовой нормы, в то время как первые имеют социально обусловленную природу, т. к. в их основе лежат фактические отношения между людьми по удовлетворению определенных нужд. Эти правоотношения наиболее важные, типичные, выражающие исконную природу человечества, которые существовали и до правового регулирования [5, с. 87].

На наш взгляд, к «природной» группе относятся именно семейные правоотношения и неразрывно связанная с ней совместность. Семейные связи представляют из себя естественно-эволюционные отношения между субъектами, где общественные регуляторы сформировались еще до их законодательного закрепления. Также и совместность является фундаментальной основой человеческого общества и существует на протяжении всей истории существования людей как биологического вида.

Совместность существует и трактуется в разных формах, поэтому ее можно рассматривать в широком и узком смысле применительно к системе правовых связей.

В широком смысле совместность выступает в качестве сквозного структурного элемента системы правовых связей, обеспечивающего целостность и взаимодействие ее фундаментальных компонентов. Например, несмотря на функциональную обособленность и отсутствие

прямого подчинения между такими органами, как, федеральный суд и администрация субъекта Российской Федерации, их деятельность объединена общей основополагающей задачей: обеспечением целостности государства и его стабильного функционирования. Достижение необходимого результата происходит не посредством прямого сотрудничества, а через скоординированную реализацию каждым государственным органом своей уникальной функции. Аналогичная взаимосвязь может быть выстроена между любыми структурными элементами. Таким образом совместность в системе правовых связей – это общая согласованность на уровне общих целей. На основе этого совместность можно назвать принципом всей системы правовых связей.

В узком смысле совместность в системе правовых связей трансформируется в правовой режим и конструкцию внутри обособленных правоотношений. То есть совместность на уровне правоотношений – это особая правовая связь между субъектами права, благодаря которой они могут как выступать единым субъектом по отношению к желаемому или необходимому действию, результату, благу, так и действовать в индивидуальных интересах, сохраняя общий вектор.

Учитывая наличие естественных (природных, социально обусловленных) правоотношений, которые существовали задолго до оформления права в единую систему и лишь регулируются нормами права, а также тенденцию рассмотрения в научных трудах правоотношений как индивидуализированных связей (конкретных правоотношений) [5, с. 83], считаем методологически верным рассмотрение совместности в системе правовых связей на примере семейного права как наиболее устойчивого и древнего правового института.

Применительно к семейным правоотношениям совместность представляется как взаимная связь субъектов, возникающая вследствие естественных (биологических) или искусственных (юридических) причин, образующая устойчивые структуры через цепь взаимодействий. Здесь характерной чертой совместности является ее внутренняя направленность, закольцованная между субъектами конкретных правоотношений, при этом для достижения общих целей могут приниматься обособленные решения и действия, но направленные на единый результат.

Несмотря на то что внутренняя совместность является локальным явлением частных правовых связей, она также является основой возникновения внешней совместности, которая уже вплетается в общую систему и обладает совершенно иными признаками. Внешняя совместность характеризуется способностью коллективного субъекта права взаимодействовать с третьими лицами, представляя общие

интересы, т. е. является процессуальным и функциональным проявление внутренней совместности. Внутренняя совместность представляется необходимым условием и правовым основанием для интеграции в правовую систему субъектов как единого коллективного субъекта в определенных ситуациях. Ключевыми признаками внешней совместности являются: процедурное единство, взаимозаменяемость и нераздельность результата. Наиболее ярким примером коллективного субъекта является супружеская пара, которая обладает наиболее широким спектром возможных действий, основанных на совместности супругов как равнозначных субъектов.

Процедурное единство внешней совместности коллективного субъекта означает законодательно закрепленную необходимость совместного совершения определенных действий субъектами в одной процессуальной форме. Это обуславливает не только наличие общей цели, но и возможность ее достижения только путем совершения совместных (иногда – одномоментных) действий. Например, заявление о заключении брака (Форма № 7) заполняется совместно будущими супругами и имеет вид коллективного обращения, также как заявление о рождении (Форма № 1) [1] и т. д. Также в случае выезда несовершеннолетнего ребенка в сопровождении третьих лиц за пределы Российской Федерации по общему правилу требуется нотариально заверенное согласие только одного законного представителя. Однако в ряде стран (США, Канада, Австралия и Шенгенская зона) установлено требование наличия для въезда на их территорию согласия на выезд ребенка за границу от обоих родителей. Сюда же относится совместное усыновление и совершение сделки с общим имуществом, которое требует согласия второго супруга (сделки по продаже недвижимого имущества). Во всех вышеперечисленных случаях субъекты обязаны подавать совместные заявления или давать согласие на совершение тех или иных действий обязательно вместе, в противном случае не будет соблюден порядок процессуального единства и результат не может быть достигнут.

Процедурное единство в семейном праве имеет особое правовое значение, поскольку подразумевает презумпцию общности интересов (указывает на неразрывность интересов, в семейно-правовых связях определенные решения должны приниматься сообща); предотвращение конфликтов и злоупотреблений (недопустимость одностороннего решения); легализацию и фиксацию обоюдного согласия, а также процессуальную экономию. Процедурное единство является системообразующим признаком коллективного субъекта, который обязывает на совместные действия, т. е. по своей природе является императивным.

Под взаимозаменяемостью подразумевается равнозначность субъектов при совершении определенных действий, т. е. не имеет

значение, кто из коллективного субъекта совершил то или иное действие, оно будет иметь равную юридическую и практическую силу. Например, согласие на оказание медицинской помощи ребенку может быть дано как отцом, так и матерью, поскольку оба родителя являются законными представителями ребенка. Взаимозаменяемость как признак наиболее часто прослеживается в рамках законного представительства детей, а также бытовых сделках, например, в рамках ст. 35 Семейного кодекса РФ.

Нераздельность результата раскрывается во взаимосвязи с процедурным единством и взаимозаменяемостью: субъекты совершают действия (вместе или только один из них) и получают одинаковый совместный результат. То есть нераздельность результата – это целевой признак, следствие внутренней и внешней совместности, который принадлежит коллективному субъекту.

Таким образом, в рамках семейных правоотношений совместность формирует коллективный субъект права, обладающий такими характерными чертами, как взаимозаменяемость, процедурное единство и нераздельность результата, который может взаимодействовать с иными субъектами права на разных уровнях, выражая единую волю и нацеленность на общий результат.

В юридической доктрине не является новшеством рассмотрение супругов как коллективного субъекта права, причем достаточно часто контекст рассмотрения сводится к совместному завещанию супругов [6, с. 16], семейному бизнесу [7, с. 73] или совместному банкротству супругов. Относительно последнего необходимо отметить, что объединение дел о банкротстве может быть произведено только в том случае, если имеются общие долговые обязательства, которые возникли по инициативе обоих супругов в интересах семьи (покупка недвижимости, лечение, обучение детей и т. д.). Однако совместное банкротство супругов – это процессуальное упрощение, основанное на материальной совместности (общее имущество и долги), где два отдельных гражданина не освобождаются от персональной ответственности. Банкротство супругов является ярким примером процессуальной формы совместности, но не образования коллективного субъекта права, поскольку должники взаимозаменяемы и процессуально не считаются одним лицом.

Применительно к семье в целом (включая супругов, детей и иных родственников), как справедливо отмечает Е.А. Сауткина, такой подход нереализуем, поскольку в разных нормативно-правовых актах субъектный состав то расширяется, то сужается [6, с. 16]. Например, ст. 2 Семейного кодекса РФ к членам семьи относит супругов, родителей (усыновителей), детей, а также других родственников и иных лиц в определенных случаях (ст. 93 – братья и сестры; ст. 94, 95 – дедушки, бабушки и внуки; ст. 97 – пасынки, падчерицы, отчимы и мачехи и т. д.).

В соответствии со ст. 30 Жилищного кодекса РФ к членам семьи относятся также дяди, тети, племянники, племянницы и лица, проживавшие совместно с собственником без регистрации брака, нетрудоспособные иждивенцы как самого собственника, так и членов его семьи [2]. Подобные разночтения встречаются также в уголовном и уголовно-процессуальном праве, пенсионном законодательстве, в Федеральном законе «О статусе военнослужащих» и т. д.

На основании вышесказанного делаем вывод, что статус супругов является уникальным и оптимальным основанием для формирования коллективного субъекта, основанного на совместности и балансе интересов, по следующим причинам: четкость правового регулирования (признание брака как законного союза мужчины и женщины в установленной законом форме без возможности разночтений), т. е. установленный субъектный состав; равноправие и паритет (закон исходит из принципа равенства супругов в объеме как прав, так и обязанностей), т. е. идеальные условия для реализации процедурного единства и взаимозаменяемости.

Таким образом, рассмотрев совместность как элемент формирования системы правовых связей через призму семейного права и семейного законодательства, а именно формирование коллективного субъекта с четко определенными признаками, приходим к следующим выводам. В узком смысле внутренняя и внешняя совместность в правоотношении является предпосылкой к формированию коллективного субъекта. В широком смысле модель супружеской совместности является моделью системного взаимодействия, где стабильные внутренние связи (или упорядоченная структура) создают условия, при которых возможно эффективное и согласованное взаимодействие с внешней средой (третьими лицами, государством).

Рассмотрение внешней совместности супругов позволяет установить относительно универсальный механизм анализа и системного разбора иных системных связей в более сложных образованиях. Семья (в контексте супругов) выступает первичным и наиболее наглядным примером, где можно в наиболее простой форме установить фундаментальные правовые связи.

Совместность в ее глобальном понимании к правовым связям является связующим элементом, способствующим объединению разрозненных по своей сути правоотношений в устойчивые комплексы. То есть система правовых связей является не просто сетью взаимосвязанных правоотношений, а упорядоченной структурой из блоков совместности в той или иной отрасли, где более простые формы включаются в более сложные правоотношения. Совместность внутри одного правоотношения обеспечивает возможность коммуникации с иными элементами. Как согласованная воля супругов (внутренняя совместность) позволяет им обратиться с заявлением в ЗАГС

(проявление внешней совместности и взаимодействия с третьим лицом – государственным органом), так и индивидуальный интерес отдельных акционеров путем проведения общего собрания и голосования (внутренняя совместность) трансформируется во внешнюю совместность, нацеленную на третьих лиц от лица всего общества (дача согласия на проведение сделки с аффилированным лицом). Равно как и в любых иных правоотношениях, даже без формирования коллективного субъекта, можно усмотреть его признаки на основе совместности. Например, при коллегиальном рассмотрении судебного спора все члены коллегии являются взаимозаменяемыми (в рамках изменения состава коллегии), присутствует процедурное единство и нераздельность результата.

Доктринальная ценность выявленной роли совместности в формировании системы правовых связей проявляется в возможности системного анализа отдельно взятых правоотношений или целых их блоков, основанных на выявленных признаках (процедурное единство, взаимозаменяемость, нераздельность результата), что открывает пути для более точной квалификации сложных, комплексных правоотношений в современном семейном праве и законодательстве.

Список литературы

1. Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 01.10.2018 г. № 201 (ред. от 08.11.2023 г.) «Об утверждении форм заявлений о государственной регистрации актов гражданского состояния и Правил заполнения форм заявлений о государственной регистрации актов гражданского состояния» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_308185/ (дата обращения: 15.05.2026).

2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 02.07.2009 г. № 14 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_89120/ (дата обращения: 21.05.2026).

3. Баринов П.С. Обесценивание правовых категорий: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов: изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2019. 189 с.

4. Васильев А.М. Правовые категории: методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М.: Юрид. лит., 1976. 264 с.

5. Вопленко Н.Н. Правовые отношения: понятие и классификация // Исторические и общетеоретическое проблемы. Вестник ВолГУ. Серия 5. Вып. 6. 2003–2004. С. 76–89.

6. Сауткина Е.А. Супруги как единый субъект права в контексте реализации их способности к правопреемству посредством совместного завещания супругов // Семейное и жилищное право. 2020. № 2. С. 15–17.

7. Старикова Е.И. Некоторые проблемы правового статуса супругов как субъектов семейного бизнеса // Правовое регулирование экономической деятельности. 2022. № 4. С. 72–78.

8. Явич Л.С. Общая теория права. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. 285 с.

Об авторе:

КОСТИЛОВА Елизавета Алексеевна – аспирант кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», г. Курск, SPIN-код: 4374-8114, AuthorID: 1196482; e-mail: el.kostilova@yandex.ru

Collectivity as an element in the formation of the system of legal relations (on the example of family law and family legislation)

E.A. Kostilova

Southwest State University, Kursk

The purpose of the study is to reveal the essence and functions of collectivity through the system-structural method, identifying its role in ensuring the integrity of the legal system. The main methods are theoretical analysis. It is established that collectivity in a broad sense is understood as a principle of systemic coherence, while in a narrow sense, it is a legal regime forming a collective subject (a married couple) with the following features: procedural unity, interchangeability, and indivisibility of the result. The conclusion is made that collectivity serves as a universal mechanism for the integration of legal relations, and its study allows for the development of a toolkit for analyzing complex legal relations in various branches of law.

Keywords: *collectivity, system of legal relations, spouses, collective subject, procedural unity, interchangeability, indivisibility of the result.*

About author:

KOSTILOVA Elizaveta – postgraduate student, department of civil law, Southwest State University, Kursk, SPIN-code: 4374-8114, AuthorID: 1196482; e-mail: el.kostilova@yandex.ru

Костилова Е.А. Совместность как элемент формирования системы правовых связей (на примере семейного права и семейного законодательства) // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 2 (86). С. 194–202.

Статья поступила в редакцию 05.02.2026 г.

Подписана в печать 10.06.2026 г.

УДК 347.131.222:347.922.62
DOI: 10.26456/vtpravo/2026.2.203

Сроки исковой давности по приватизационным, антикоррупционным и иным видам исков

Ж.В. Петрович

ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет», г. Псков

Статья посвящена проблеме изъятия активов по антикоррупционным основаниям, а также в результате фактов признания незаконной приватизации, изъятия стратегических предприятий, в результате иных исков в защиту публичных интересов РФ. При заявлении прокуратурой приватизационных, антикоррупционных и иных видов исков судами самостоятельно решается вопрос применения срока исковой давности и порядок его исчисления. Автором проанализированы предложения бизнес-сообщества к гражданско-правовому регулированию сроков исковой давности по данным видам иска, даны собственные рекомендации для единообразного толкования и применения судами норм права, сохранения баланса права собственности частных лиц и публичных образований.

Ключевые слова: *право собственности, срок исковой давности, приватизация, антикоррупционный иск, иные виды исков.*

Автор статьи уже поднимал вопрос неприменения срока исковой давности при заявлении иска об обращении по решению суда в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлены в соответствии с законодательством Российской Федерации о противодействии коррупции доказательства его приобретения на законные доходы, а также применения общего срока исковой давности к добросовестным приобретателям, исследовал предложения Российского союза промышленников и предпринимателей (далее – РСПП) и Торгово-промышленной палаты (далее – ТПП) РФ, «Опора России» в части отсчета сроков исковой давности [9, с. 431–434]. Данный вопрос, однако, и на сегодняшний день в полном объеме остается неразрешенным.

Прошло более года с даты провозглашения Конституционным судом РФ Постановления № 49-П по делу о проверке конституционности ст. 195, 196, п. 1 ст. 197, п. 1 и абз. 2 п. 2 ст. 200, абз. 2 ст. 208 Гражданского кодекса РФ [3], однако до сих пор законодателем не приняты соответствующие изменения и дополнения в законодательство РФ относительно применения сроков исковой давности по антикоррупционным, приватизационным и иным видам исков.

Учитывая актуальность вопроса, по итогам XXVIII Петербургского международного экономического форума 18–21 июня 2025 г. на сайте Кремля был опубликован перечень поручений Президента РФ. В срок до

© Петрович Ж.В., 2026

01.12.2025 г. Правительству РФ при участии ведущих деловых объединений, с учетом ранее данных поручений, надлежало обеспечить внесение в законодательство Российской Федерации изменений, предусматривающих установление сроков исковой давности и порядка их исчисления при оспаривании сделок приватизации в целях защиты права собственности добросовестных приобретателей имущества [4].

Согласно публикациям в СМИ предложения деловых объединений переданы в Минфин РФ, Минюст РФ и в Минэкономразвития РФ в ноябре 2025 г. [7].

РСПП доработал ранее подготовленные предложения в ст. 42 Федерального закона от 21.12.2001 г. № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» [2] (далее – Закон о приватизации) в части исчисления срока исковой давности приватизационных исков [6]. Изначально РСПП предлагал исчислять срок исковой давности со дня государственной регистрации права собственности на недвижимое имущество либо со дня подписания документов, подтверждающих передачу иного имущества приобретателю по сделке приватизации.

Новые предложения РСПП более конкретизированы и расширены. Кроме начала исчисления десятилетнего срока исковой давности со дня государственной регистрации права собственности на недвижимость по сделке о приватизации, бизнес-сообществом предлагается дополнительно исчислять начало течения срока исковой давности со дня внесения информации о переходе или возникновении права на имущество в госреестры, информационные системы, реестры ценных бумаг и другие аналогичные системы либо со дня иной фиксации сведений о переходе права, осуществленной в соответствии с законодательством, действовавшим на тот момент (видимо, имелось в виду совершение исполнительной надписи нотариуса, отметки о регистрации в органах технической инвентаризации – *прим. автора*).

При этом РСПП наряду с началом течения срока предлагает установить действие изменений в гражданское законодательство во времени: изменения будут распространять свою силу как на текущие дела по приватизации, судебный акт по которым еще не вынесен, так и на иски, которые могут быть заявлены в будущем. На дела, судебный акт по которым вступил в законную силу, предлагаемые изменения распространяться не будут, изменения не будут иметь обратной силы [1].

Автор считает предложения РСПП несовершенными, т.к. в формулировке изменений в законодательство он опять не учитывает начало исчисления срока исковой давности по приватизационным спорам по имущественным правам.

Изменения в законодательство еще находятся в стадии обсуждения, но в судебной практике уже можно заметить «ветер перемен»: суды начали применять общий срок исковой давности по приватизационным

спорам, например, по объектам, относящимся к защитным сооружениям гражданской обороны (далее – ЗС ГО), в отношении добросовестных приобретателей. Так, Псковским областным судом было рассмотрено дело по иску МТУ Росимущества к физическому лицу о признании сделки недействительной, истребовании имущества из чужого незаконного владения, признании права собственности Российской Федерации, осуществления действий по выделению из состава помещений и доступа в помещение, приведении защитного помещения в первоначальное состояние. Истцом по делу выступал федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по управлению федеральным имуществом, в том числе в области земельных отношений, функции по оказанию государственных услуг и правоприменительные функции в сфере имущественных отношений. Суд апелляционной инстанции рассмотрел дело по правилам первой инстанции в связи с допущенными судом первой инстанции нарушениям норм процессуального права. Автор полагает, что данное дело можно привести в качестве примера применения срока исковой давности, даже учитывая тот факт, что истцом по делу выступала не прокуратура, а иной федеральный орган. Судом по факту рассматривалось требование об истребовании имущества (виндикационный иск), право собственности на которое возникло, в том числе, в результате приватизации. Как указывает суд апелляционной инстанции: «…изначально с учетом факта государственной регистрации прав на спорное помещение за Т.В., было известно о выбытии части помещения (убежища) из владения Российской Федерации и отчуждении его в частную собственность. Тем самым, МТУ Росимущество, как уполномоченный орган, располагая информацией об использовании спорного помещения посторонними лицами, не принимало с 2005 года никаких мер к установлению оснований нахождения объекта во владении и пользовании Т.В.» [5]. Судом в отношении добросовестного приобретателя применен субъективный срок исковой давности в три года, который, по мнению суда апелляционной инстанции, начал исчисляться с даты государственной регистрации права собственности на помещение после произведенной реконструкции (переоборудования). Кроме того, судебная коллегия фактически исключила из федерального реестра и реестра ЗС ГО помещение как убежище в связи с тем, что «…спорный объект не пригоден для эксплуатации и не соответствует требованиям, предъявляемым к убежищам. <…> На протяжении длительного периода времени никто не занимался поддержанием защитного сооружения в состоянии постоянной готовности к использованию, сохранению объекта гражданской обороны, для целей его непосредственного назначения» [5]. Однако автор ставит под сомнение данную мотивировочную часть Апелляционного определения

и полномочия суда делать такой вывод без проведения экспертизы и заявления истцом соответствующего требования.

Анализируя данное дело, а также буквальное толкование поручения Президента РФ, возникает основательный вопрос, также требующий конкретизации в законодательстве РФ: кого суды будут признавать добросовестным приобретателем по данному виду споров? Автор полагает, что критерии отнесения к добросовестным приобретателям в указанной части должны быть четко сформулированы в изменениях в законодательство РФ.

И в завершение анализа предложений РСПП хотелось бы отметить, что его предложение о нераспространении срока исковой давности на споры, по которым вынесен судебный акт, ставит в неравное положение участников гражданских отношений, ухудшает их положение по сравнению с участниками, спор с участием которых не рассмотрен, и в целом нарушает основной принцип деятельности судов Российской Федерации. Автор предлагает применить к изменениям обратную силу, чтобы добросовестные приобретатели имели возможность защиты права собственности и пересмотра дела, получения, например, компенсации за истребованное имущество или его выкуп для государственных нужд.

В Минфин РФ, Минюст РФ и Минэкономразвития РФ также были переданы предложения ТПП, которые частично поддерживают позицию РСПП в части более точного определения начала срока исковой давности по приватизационной сделке. Одновременно ТПП предлагает установить еще один критерий начала исчисления срока: с даты фактического начала нарушения условий приватизационного договора, при условии, что предмет спора связан с исполнением обязательств по приватизационному договору. При этом особо указывает, что дата возможной проверки или дата выявления нарушения не должна подменять собой начало течения срока исковой давности. Дополнения ТПП не ограничиваются нормами гражданского права. Палата предлагает синхронизировать сроки исковой давности в гражданском и уголовном праве: установить в рамках уголовного дела возможность конфискации имущества, приобретенного по сделкам от незаконного участия в предпринимательской деятельности, установить срок давности преследования лиц – коррупционеров.

«Опора России» предлагает «обеспечить реализацию правовых позиций Конституционного суда», законодательно закрепив пресекательный срок исковой давности при оспаривании приватизации (например, 10 лет) [8]. Общественная организация поддерживает предложения РСПП и ТПП в части начала исчисления срока исковой давности, дополнительно предлагает распространить применение срока исковой давности и на защиту личных неимущественных прав и иных нематериальных благ.

Резюмируя изложенное, автор считает, что изменения в законодательство РФ в части применения срока исковой давности и порядка его исчисления являются «назревшими», обязательными к принятию в самое ближайшее время для целей соблюдения конституционного равенства всех форм собственности.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025 г., с изм. от 25.03.2026 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Федеральный закон от 21.12.2001 г. № 178-ФЗ (ред. от 15.12.2025 г.) «О приватизации государственного и муниципального имущества» (с изм. и доп., вступ. в силу с 21.03.2026 г.)

3. Постановление Конституционного Суда РФ от 31.10.2024 № 49-П «По делу о проверке конституционности статей 195, 196, пункта 1 статьи 197, пункта 1 и абзаца второго пункта 2 статьи 200, абзаца второго статьи 208 Гражданского Кодекса РФ» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Перечень поручений по итогам Петербургского международного экономического форума, 14 августа 2025 г. [Электронный ресурс]. URL: http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/77788 (дата обращения: 01.03.2026).

5. Апелляционное определение Псковского областного суда от 25.09.2025 г. по делу № 33-224/2025 [Электронный ресурс]. URL: https://oblsud--psk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=12842689&case_uid=09b6a0aa-703d-4886-ae84-5ebcec0c9d56&delo_id=5&new=5 (дата обращения: 01.03.2026).

6. Бойко А. РСПП направил в правительство проект поправок в закон о приватизации [Электронный ресурс]. URL: https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2025/01/17/1086714-rspp-napravil-v-pravitelstvo-proekt-popravok (дата обращения: 01.03.2026).

7. Бойко А., Мосолкина Д., Мухаметшина Е. Бизнес направил в Минфин предложения по поправкам в закон о приватизации [Электронный ресурс]. URL: https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2025/11/05/1152187-biznes-napravil-v-minfin-predlozheniya-po-popravkam-v-zakon-o-privatizatsii (дата обращения: 01.03.2026).

8. Бутылин С. Сроки давности при деприватизации: бизнес против прокуроров [Электронный ресурс]. URL: // https://t.me/bartoliuslawoffice/1443 (дата обращения: 01.03.2026).

9. Петрович Ж.В. Прекращение права частной собственности: актуальные вопросы правоприменения // Право и государство: теория и практика. 2025. № 6. С. 431–434.

Об авторе:

ПЕТРОВИЧ Жанна Викторовна – юрист, ИП Петрович Ж.В., аспирант кафедры гражданского права и процесса ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет» (180000, г. Псков, пл. Ленина, д. 2), eLIBRARY ID: 83020954, e-mail: zhanna_petrovich@mail.ru

Statutes of limitations for privatization, anti-corruption and other claims

Zh.V. Petrovich

Pskov State University, Pskov

Assets are seized based on court decisions on anti-corruption grounds, as well as as a result of illegal privatization or acquisition of property from the Russian Federation, the seizure of strategic enterprises, and other seizures in defense of the Russian Federation's public interests. When the prosecutor's office files privatization, anti-corruption, and other types of claims, the courts independently determine the application of the statute of limitations and the procedure for calculating it. The author proposes to analyze proposals from the business community regarding civil law regulation of statutes of limitations for these types of claims and to offer proposals for the uniform interpretation and application of legal norms by the courts and to maintain a balance between the property rights of individuals and public entities.

Keywords: *property rights, statute of limitations, privatization, anti-corruption lawsuit, other types of lawsuits.*

About author:

PETROVICH Zhanna – lawyer, Individual Entrepreneur Zh.V. Petrovich, postgraduate student of the Department of Civil Law and Procedure of the Pskov State University (180000, Pskov, Lenin Square, 2), eLIBRARY ID: 83020954, e-mail: zhanna_petrovich@mail.ru

Петрович Ж.В. Сроки исковой давности по приватизационным, антикоррупционным и иным видам исков // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 2 (86). С. 203–208.

Статья поступила в редакцию 04.02.2026 г.

Подписана в печать 10.06.2026 г.

УДК 347.6
DOI: 10.26456/vtpravo/2026.2.209

К вопросу о доктринальном понятии имущества семейного назначения

В.А. Попов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье обосновывается необходимость использования в семейно-правовой доктрине понятия «имущество семейного назначения» для обозначения имущества родителей, объективно и устойчиво связанного с обеспечением проживания ребенка и исполнением родителями обязанностей по его содержанию и воспитанию. Показано, что сложившийся в доктрине подход, при котором имущественные отношения супругов и отношения между родителями и детьми рассматриваются отдельно, не позволяет в полной мере учесть специфику случаев, когда имущество, оставаясь в собственности одного или обоих родителей, используется для исполнения родительских обязанностей. Аргументируется, что использование термина «семейная собственность» в рассматриваемом случае представляется ошибочным, поскольку семья не выступает самостоятельным субъектом права собственности, а предлагаемая конструкция не образует нового вида вещного права. Особое внимание уделяется жилому помещению, поскольку именно в отношении этого объекта ключевое значение приобретает то обстоятельство, что его собственник одновременно является и супругом, и родителем проживающего в помещении ребенка. Делается вывод о том, что понятие «имущество семейного назначения» имеет значение как доктринальная квалифицирующая конструкция, позволяющая учитывать юридически значимые обстоятельства при разрешении семейных и жилищных споров.

Ключевые слова: *имущество семейного назначения, семейная цель, жилое помещение, интересы ребенка, родительские обязанности, имущественные отношения, жилищные права.*

Конституция Российской Федерации и семейное законодательство предусматривают необходимость защиты семьи, материнства и детства, а также приоритетного учета интересов ребенка [1, 3]. Конвенция о правах ребенка гарантирует право ребенка жить и воспитываться в семье [2]. Вместе с тем правовое обеспечение этих интересов осуществляется не только средствами семейного права. Как справедливо отмечает О.Ю. Ильина, семейные связи и семейные правоотношения нередко приобретают значение в сфере иного отраслевого регулирования [10, с. 7–8]. Данное наблюдение представляется особенно важным применительно к ситуациям, в которых имущество, принадлежащее родителю, используется для обеспечения основных потребностей ребенка, связанных прежде всего с его проживанием и содержанием.

© Попов В.А., 2026

В науке семейного права имущественные отношения супругов и отношения между родителями и детьми традиционно анализируются обособленно. Такой подход в целом оправдан, однако он не позволяет в полной мере описать случаи, когда принадлежность имущества одному или обоим родителям сочетается с постоянным использованием конкретного имущества в интересах ребенка. Наиболее наглядно это проявляется в отношении жилого помещения, принадлежащего одному из родителей или находящегося в общей собственности родителей, после прекращения брака либо фактического раздельного проживания супругов. В соответствующих спорах суд, в зависимости от предмета заявленных требований, устанавливает место жительства ребенка, юридические основания пользования спорным жилым помещением и наличие либо отсутствие возможности пользоваться иным жилым помещением, а также оценивает имущественное положение сторон и другие заслуживающие внимания обстоятельства [8, 11, 12]. Между тем ни конструкция общего имущества супругов, ни конструкция сохранения права пользования жилым помещением за бывшими членами семьи собственника, ни положения об имуществе ребенка сами по себе не дают единого понятия, пригодного для квалификации случаев, когда имущество остается в собственности родителя, но используется для проживания ребенка и исполнения родительских обязанностей [4, 15].

Именно поэтому представляется оправданным обращение к доктринальному понятию имущества семейного назначения. Использование при регулировании ранее представленной ситуации термина «семейная собственность» едва ли можно признать обоснованным. Понятие собственности в цивилистике связано с принадлежностью имущества определенному субъекту и содержанием соответствующего вещного права. Между тем семья не выступает самостоятельным субъектом права. Следовательно, речь не идет ни о новой форме собственности, ни о новом виде вещного права. Предлагаемая конструкция имеет иное назначение: она позволяет квалифицировать как имущество семейного назначения то, которое при сохранении существующего титула собственности приобретает особое юридическое значение вследствие использования его для исполнения родительских обязанностей.

В связи с этим под имуществом семейного назначения предлагается понимать принадлежащее одному или обоим родителям имущество, которое по своему объективному назначению и фактическому использованию предназначено для проживания ребенка и используется родителями при исполнении обязанностей по его содержанию и воспитанию. В таком понимании акцент переносится с вопроса о принадлежности имущества на вопрос о той роли, которую оно играет в обеспечении интересов ребенка. Тем самым разграничиваются титул

собственности на имущество и значение этого имущества для исполнения родительских обязанностей.

В научной литературе не встречается такое понятие, как «семейная цель». Представляется, что именно его необходимо использовать для характеристики рассматриваемых правоотношений применительно к имуществу семейного назначения. При этом не следует выводить семейную цель из предположительного намерения лица создать семью в будущем либо из оценочных нравственных категорий. Как показывает О.Ю. Ильина, прямое отождествление брака и семьи несвободно от внутренних противоречий, особенно в тех случаях, когда прекращение брака не означает прекращения родительских правоотношений [9, с. 207–208]. Поэтому применительно к настоящему исследованию семейную цель целесообразно понимать как обусловленную существованием семейных отношений направленность использования имущества на обеспечение проживания ребенка и исполнение родителями обязанностей по его содержанию и воспитанию. Соответственно, правовое значение имеет не мотив приобрести имущество «для будущей семьи», а использование имущества для исполнения родителями обязанностей в отношении ребенка.

По нашему мнению, основным объектом имущества семейного назначения следует признать жилое помещение. Такой выбор объясняется не только распространенностью соответствующих споров, но и нормативной определенностью самого объекта: в жилищном законодательстве используется понятие именно жилого помещения, означающее изолированное помещение, являющееся недвижимым имуществом и пригодное для постоянного проживания граждан [4]. Если в таком помещении на постоянной основе проживает ребенок, а само помещение принадлежит одному из родителей либо обоим родителям, именно здесь наиболее отчетливо проявляется семейное назначение имущества. При этом значение имеет не формальное наличие либо отсутствие брака, а существование родительских правоотношений и обязанности обеспечить ребенку место проживания и необходимое содержание.

Можно возразить, что действующее законодательство уже содержит достаточно норм (материального и процессуального) права, направленных на обеспечение учета интересов ребенка. Действительно, закон допускает отступление от начала равенства долей супругов с учетом интересов несовершеннолетних [3], а Верховный Суд Российской Федерации указывает, что наличие общего ребенка само по себе не образует безусловного основания для такого отступления [16]. Жилищное законодательство, в свою очередь, определяет права членов семьи собственника жилого помещения и бывших членов его семьи [4, 15]. Однако названные положения регулируют лишь отдельные аспекты учета интересов ребенка и не формируют общего понятия, пригодного

для квалификации случаев, когда имущество родителя приобретает особое значение вследствие его использования для проживания ребенка и исполнения родительских обязанностей. Следовательно, речь идет не о подмене действующих норм, а о доктринальном инструменте, позволяющем согласованно интерпретировать их на стыке семейного, жилищного и гражданского права.

Признание жилого помещения имуществом семейного назначения не означает автоматического ограничения правомочий собственника. Было бы ошибкой усматривать в предлагаемой конструкции попытку трансформировать титул собственности либо установить новый правовой режим имущества. Ее назначение состоит в ином: понятийно зафиксировать такое юридически значимое качество объекта, как его устойчивая связь с проживанием ребенка и исполнением родительских обязанностей. Именно поэтому соответствующая квалификация может иметь значение при определении порядка пользования жилым помещением, при применении положений о сохранении на определенный срок права пользования жилым помещением за бывшим членом семьи собственника, а также при разделе общего имущества супругов, если спор затрагивает интересы ребенка.

Показательно, что и судебная практика, хотя и не оперирует предлагаемым понятием, фактически исходит из схожей логики. В Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 03.11.2006 г. № 455-О подчеркнуто, что регулирование права собственности на жилое помещение и жилищных прав проживающих в нем лиц должно осуществляться на основе баланса интересов всех участников соответствующих правоотношений и с учетом конкретных обстоятельств дела [14]. Для целей настоящего исследования это означает, что объектом судебной оценки становится не только титул собственника, но и реальное использование жилого помещения для проживания ребенка и исполнения родительских обязанностей.

Дальнейшее развитие эта правовая позиция получила в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 08.06.2010 г. № 13-П, где была подчеркнута необходимость эффективной, в том числе судебной, защиты прав тех несовершеннолетних, чьи жилищные права и законные интересы затрагиваются отчуждением жилого помещения, даже если они формально не относятся к специально названным законом категориям детей [13]. Принципиально важно, что юридическое значение здесь придается не столько самостоятельному вещному титулу ребенка, сколько его жилищным правам и законным интересам, которые затрагиваются вследствие использования либо отчуждения соответствующего объекта.

Разъяснения Верховного Суда Российской Федерации также подтверждают, что при разрешении жилищных споров суды вынуждены

учитывать значение жилого помещения для проживания ребенка и исполнения родительских обязанностей. Исходя из ч. 4 ст. 31 Жилищного кодекса РФ и соответствующих разъяснений из постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 02.07.2009 г. № 14, при решении вопроса о сохранении права пользования жилым помещением за бывшим членом семьи собственника подлежат оценке наличие либо отсутствие иных оснований пользования другим жилым помещением, имущественное положение лица и иные заслуживающие внимания обстоятельства; кроме того, суд вправе поставить вопрос об обязанности собственника обеспечить другим жилым помещением лиц, в пользу которых он исполняет алиментные обязательства [15]. В обзорах судебной практики Верховный Суд обращает внимание и на необходимость выяснения причин выезда из жилого помещения, продолжительности отсутствия, наличия препятствий в пользовании и приобретения права на иное жилье [16, 17]. Если же в центре спора находится ребенок, перечисленные критерии неизбежно приобретают семейно-правовое значение: оценивается роль конкретного жилого помещения в обеспечении ребенку постоянного места проживания.

Обращение к сравнительно-правовому анализу показывает, что выделение семейной функции имущества вовсе не требует признания семьи самостоятельным субъектом права. Так, французский гражданский кодекс защищает «logement de la famille»[1], не допуская без согласия другого супруга распоряжаться правами в отношении жилого помещения, в котором проживает семья [5]. Германское гражданское уложение использует конструкцию «Ehewohnung»[2]: как при раздельном проживании супругов, так и при разводе вопрос о предоставлении семейного жилья одному из них решается с учетом интересов детей и требований справедливости [6, 7]. Эти примеры важны не как образец для прямого заимствования, а как подтверждение общего вывода: нормативно можно придавать имуществу специальное юридическое значение вследствие его семейной функции, не превращая его в «семейную собственность» в вещно-правовом смысле.

Вместе с тем далеко не любая вещь, имеющая значение для семейной жизни, должна квалифицироваться как имущество семейного назначения. Для такой квалификации необходима совокупность признаков: принадлежность имущества одному или обоим родителям на законных основаниях; непосредственная связь его назначения либо фактического использования с обеспечением проживания ребенка и исполнением родительских обязанностей; неэпизодический характер такой связи; сохранение значения соответствующего имущества для реализации родительских обязанностей независимо от того, состоят ли

[1] Перевод с французского: «семейное жилье».
[2] Перевод с немецкого: «супружеский дом».

родители в браке между собой на момент разрешения спора. Подобный подход позволяет избежать неоправданного расширения предлагаемого понятия и распространения его на всю имущественную массу родителей.

Таким образом, действующее законодательство не содержит специального понятия, позволяющего определить имущество родителей, которое, оставаясь в их собственности, объективно и устойчиво используется для проживания ребенка и исполнения родительских обязанностей; вместе с тем судебная практика уже фактически исходит из необходимости учитывать особую семейную функцию такого имущества. Использование только конструкций общего имущества супругов, имущества ребенка и прав членов семьи собственника не позволяет в полной мере охватить подобные случаи, поскольку каждая из названных моделей фиксирует лишь отдельный аспект проблемы. В связи с этим в семейно-правовой доктрине обоснованно использование понятия имущества семейного назначения. Данное понятие не образует нового вида права собственности и не претендует на формирование самостоятельного вещно-правового режима; его смысл состоит в доктринальной квалификации имущества, значение которого для проживания ребенка и исполнения родительских обязанностей должно учитываться при правовой оценке спорной ситуации. Именно в этом, на наш взгляд, заключаются его научный потенциал и практическая ценность.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595 (дата обращения: 10.04.2026).

2. Конвенция о правах ребенка (Нью-Йорк, 20.11.1989 г.) // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.

3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

4. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 г. № 188-ФЗ // СЗ РФ. 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 14.

5. Code civil. Article 215 // Légifrance [Электронный ресурс]. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000006422766 (дата обращения: 13.04.2026).

6. Bürgerliches Gesetzbuch (BGB). § 1361b. Ehewohnung bei Getrenntleben // Gesetze im Internet [Электронный ресурс]. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/__1361b.html (дата обращения: 13.04.2026).

7. Bürgerliches Gesetzbuch (BGB). § 1568a. Ehewohnung // Gesetze im Internet [Электронный ресурс]. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/__1568a.html (дата обращения: 13.04.2026).

8. Емелина Л.А., Яворский С.А. Механизмы защиты имущественных прав ребенка и матери при разводе: правовой анализ // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 1 (81). С. 43–53.

9. Ильина О.Ю. Заключение брака и цель создания семьи: несовпадение предполагаемого // Пермский юридический альманах. 2023. № 6. С. 204–212.

10. Ильина О.Ю. Семейные отношения и семейные правоотношения как предмет иного отраслевого регулирования // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 1 (65). С. 7–15.

11. Леканова Е.Е. Спор об определении места жительства ребенка при раздельном проживании родителей: история и современность // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 1. С. 88–101.

12. Халилов Д.И. К вопросу о проблемах правового регулирования соглашения об осуществлении родительских прав // Семейное и жилищное право. 2025. № 2. С. 14–17.

13. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 08.06.2010 г. № 13-П // Собрание законодательства РФ. 2010. № 25. Ст. 3246.

14. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 03.11.2006 г. № 455-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2007. № 2.

15. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 02.07.2009 г. № 14 (ред. от 09.12.2025) «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

16. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2019), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.11.2019 г. // СПС «КонсультантПлюс».

17. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за январь–июль 2014 года, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 01.09.2014 г. // СПС «КонсультантПлюс».

Об авторе:

ПОПОВ Всеволод Александрович – аспирант 2 курса направления подготовки 5.1.3. «Частно-правовые (цивилистические) науки», ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: popow.seva2012@gmail.com

On the doctrinal concept of property for family purposes

V.A. Popov

Tver State University, Tver

The article substantiates the need to use in the family law doctrine the concept of “property for family purposes” to designate the property of parents that is objectively and stably connected with ensuring the child’s residence and with the fulfilment by parents of their duties of maintenance and upbringing. It is shown that the approach established in the doctrine, under which property relations between spouses and relations between parents and children are considered separately, does not fully take into account the specifics of cases in which property, while remaining in the ownership of one or both parents, is

used for the fulfilment of parental duties. It is argued that the use of the term "family property" in this case appears to be erroneous, since the family is not an independent subject of property rights, and the proposed construction does not constitute a new type of real right. Special attention is paid to residential premises, since it is precisely in relation to this object that the circumstance that its owner is simultaneously both a spouse and a parent of the child living in the premises acquires key significance. It is concluded that the concept of "property for family purposes" is important as a doctrinal qualifying construction that makes it possible to take into account legally significant circumstances when resolving family and housing disputes.

Keywords: *property for family purposes, family purpose, residential premises, interests of the child, parental duties, property relations, housing rights.*

About author:

POPOV Vsevolod – 2nd year postgraduate student in the field of training 5.1.3. "Private law (civilistic) sciences", Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova street, 33), e-mail: popow.seva2012@gmail.com

Попов В.А. К вопросу о доктринальном понятии имущества семейного назначения // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 2 (86). С. 209–216.

Статья поступила в редакцию 10.05.2026 г.

Подписана в печать 10.06.2026 г.

УДК 347.626+336.743: 004.738.5
DOI: 10.26456/vtpravo/2026.2.217

Особенности доказывания права собственности на криптовалюту одного из супругов

Н.А. Цветков

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Статья посвящена анализу особенностей регулирования отношений по разделу цифровой валюты и криптовалюты, приобретенных супругами в период брака. Исследуются сложности доказывания права собственности одного из супругов на криптовалюту и способы установления принадлежности криптокошельков. Рассматриваются основные доказательственные средства, используемые судами при установлении связи между супругом и криптовалютным аккаунтом. Обосновывается необходимость дальнейшего совершенствования правового регулирования для обеспечения справедливого раздела цифровых активов между супругами.

Ключевые слова: *криптовалюта, криптовалютные кошельки, объекты гражданского права, правовое регулирование, раздел имущества супругов, совместно нажитое имущество, цифровые активы.*

Современные темпы развития цифровых технологий существенно трансформируют традиционные представления о гражданском обороте и объектах имущественных прав. Появление новых категорий активов, в том числе цифровых, ставит перед правовой системой задачу определения их правового статуса. Е.В. Зайнутдинова отмечает, что правовое регулирование оборота цифровых прав и цифровой валюты должно быть взвешенным и отвечать реальным потребностям цифровой экономики [4, с. 161].

В данном контексте интерес представляет анализ нормативно-правового закрепления понятий «цифровая валюта» и «криптовалюта», их соотношения, а также квалификации таких активов в качестве объектов гражданского права.

Развитие цифровых технологий и формирование новых объектов гражданского оборота обусловили появление принципиально новых категорий имущества, в том числе цифровых активов. В Федеральном законе от 31.07.2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», а именно в ч. 3 ст. 1 закона, впервые было закреплено понятие цифровой валюты [2]. Согласно этому определению, цифровая валюта – это совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации,

© Цветков Н.А., 2026

денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций, и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему по ее правилам.

Следует учитывать, что понятия «криптовалюта» и «цифровая валюта» не являются тождественными. В законодательстве нормативно закреплен термин «цифровая валюта», тогда как правовой режим криптовалют не установлен. Судебная практика постепенно вырабатывает подход к разграничению указанных категорий путем анализа их специфики. В частности, Арбитражный суд Московского округа в Постановлении по делу № А40-273884/2022 [3] определил криптовалюту как разновидность цифровой валюты, основанной на применении криптографии для создания и контроля новых единиц валюты и осуществления транзакций. Поскольку криптовалюта не подлежит централизованному регулированию, ее можно отнести к виртуальной валюте либо, с учетом особенностей, выделить в отдельную разновидность цифровой валюты.

С учетом положений ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации [1] и Федерального закона от 31.07.2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» криптовалюта может быть квалифицирована как разновидность имущества, обладающего экономической ценностью и способного участвовать в гражданском обороте.

Закрепление правового статуса цифровой валюты имеет прямое практическое значение для семейных правоотношений. Поскольку криптовалюта признана имуществом, активы такого рода, приобретенные в период брака, могут считаться совместно нажитым имуществом и подлежать разделу в соответствии с общими принципами семейного законодательства.

Вместе с тем доказывание принадлежности криптовалюты одному из супругов представляет собой сложную процедуру, обусловленную особенностями цифровых активов. Е.Н. Сынкова в своем исследовании отмечает, что одной из ключевых сложностей является техническое обозначение цифровой валюты и подтверждение права собственности на нее [6, с. 213]. Такие технические и правовые нюансы, как анонимность транзакций, децентрализованный характер хранения и трансграничность операций, затрудняют установление факта владения криптовалютой, определение объема активов и их оценку в рамках раздела имущества.

Показательно, что отсутствие достаточной доказательственной базы действительно способно повлечь отказ суда в учете криптовалютной массы при разрешении спора о разделе имущества. Так, в решении по делу № 2-2634/2020 [4] судом было зафиксировано утверждение стороны о том, что денежные средства в размере 1 800 000 рублей были израсходованы одним из супругов на приобретение криптовалюты, а не на нужды семьи. Однако сам по себе такой довод не получил необходимого подтверждения надлежащими доказательствами, демонстрируя, что одного лишь заявления стороны о приобретении цифровых активов недостаточно, если не представлены документы, позволяющие установить факт покупки, объем криптовалюты и ее связь с конкретным лицом.

Особую актуальность проблема приобретает в ситуациях, когда один из супругов пытается скрыть цифровые активы либо оспаривает свою связь с криптовалютным аккаунтом. В таких условиях доказывание строится на анализе цифровых следов: данных процедуры идентификации, сведений о входах в аккаунт, IP-адресах, используемых устройствах, а также детальной истории транзакций и банковских переводов.

Анонимность криптовалютных кошельков – это свойство, позволяющее проводить транзакции без раскрытия личности владельца. Однако степень анонимности зависит от типа криптовалюты, способа ее использования и внешних факторов. Криптовалютные кошельки основаны на децентрализованных блокчейнах, где транзакции записываются в публичный реестр. Это означает, что данные о переводах, а именно адреса, суммы, время, доступны для просмотра любому пользователю, но сами по себе не содержат прямых ссылок на реальных людей. При этом личность владельца не раскрывается, т. к. вместо имени используются криптографические адреса, представленные в виде уникальных строк символов. В связи с этим следует согласиться с мнением А.В. Незнамова о том, что анонимность и приватность криптовалюты является проблемой для подтверждения ее принадлежности конкретному лицу [5, с. 93]. В блокчейне сохраняются транзакции, однако без дополнительных данных практически невозможно связать криптографический адрес с реальным человеком.

В судебных процессах, включая дела о разделе имущества супругов, могут применяться различные способы деанонимизации криптовалютных кошельков. В случаях, когда один из супругов пытается скрыть активы в криптовалюте или оспорить их принадлежность, это особенно актуально.

Если один из супругов зарегистрировался на криптовалютной бирже, требующей прохождения процедуры KYC (Know Your Customer), и прошел верификацию личности, это может служить доказательством принадлежности ему криптовалютного кошелька, привязанного к

данному аккаунту [7]. В рамках KYC пользователь предоставляет паспортные данные, селфи с документом, информацию о месте жительства и другие сведения. Эти данные содержатся в информационной системе оператора криптовалютной биржи и при судебном запросе могут быть предоставлены суду, что позволит связать аккаунт с конкретным человеком. Так, в решении Ленинского районного суда г. Оренбурга от 14.08.2024 г. по делу № 2-2492/2024 [5] суд исследовал данные криптовалютной биржи Garantex.org, из которых следовало, что лицо было идентифицировано как конкретный пользователь криптобиржи под конкретным ником, с указанием даты регистрации, IP-адреса, номера телефона и прохождением верификации. Суд также учел сведения о реквизитах счета, использованного при совершении сделки, тем самым подтвердив связь лица с аккаунтом на криптобриже. Этот пример показывает, что KYC-данные, сведения о регистрации аккаунта и привязке телефона используются для установления связи между криптовалютным аккаунтом и конкретным лицом.

В рамках судебного процесса по разделу имущества стороны могут запросить у криптовалютной биржи ряд ключевых данных, которые помогут доказать принадлежность криптоактивов одному из супругов.

При прохождении процедуры KYC криптовалютные биржи требуют от пользователя предоставить копию удостоверения личности и фотографию с этим документом. Дополнительно система генерирует технические данные (IP-адрес, время регистрации, историю входов), которые хранятся у оператора платформы в защищенном виде. Такая информация является прямым доказательством связи криптовалютного аккаунта с конкретным физическим лицом.

Указанные сведения могут использоваться для подтверждения принадлежности криптовалютного аккаунта конкретному лицу. Установление такой принадлежности, в свою очередь, позволяет связать пользователя с цифровыми активами, размещенными на данном аккаунте. Существенное значение имеет и момент прохождения верификации. Если KYC-данные были предоставлены в период брака, это может свидетельствовать о создании и использовании аккаунта в то время, когда между супругами действовал режим совместной собственности. В рамках спора о разделе имущества данное обстоятельство способно иметь важное доказательственное значение.

Данные о времени входов в криптовалютный аккаунт, IP-адресах и используемых устройствах могут подтвердить факт использования аккаунта конкретным лицом. По ходатайству стороны суд вправе истребовать у оператора платформы информацию о хронологии входов в личный кабинет, включая дату, время и продолжительность отдельных сессий. Анализ этих сведений позволяет установить, кто именно

осуществлял доступ к аккаунту, а следовательно, и определить связь соответствующего лица с цифровыми активами, находящимися на нем.

По сведениям об IP-адресах возможно определить примерное географическое местоположение пользователя. Кроме того, эти данные помогают установить, относятся ли такие подключения к домашней сети семьи либо к сети по месту работы одного из супругов. В совокупности сведения о хронологии сессий, IP-адресах и параметрах устройств образуют комплекс технических доказательств, способных подтвердить принадлежность криптовалютного аккаунта и его фактическое использование определенным физическим лицом.

Детальная выписка по операциям криптовалютного аккаунта представляет собой значимое доказательство при установлении принадлежности цифровых активов одному из супругов. Анализ такой выписки позволяет определить способ поступления средств – банковские переводы, перечисления с иных криптокошельков, а также P2P-сделки. Установление происхождения активов имеет принципиальное значение для выяснения, за счет каких средств они были приобретены. Значение истории операций иллюстрирует решение Калининского районного суда г. Новосибирска от 03.09.2025 г. по делу № 1834/2025 [6]. Суд указал, что дата покупки криптовалюты и сумма денежных средств, подлежащих получению после ее продажи, соотносятся с датой и суммой фактического поступления денег на банковский счет ответчика. Отметим, что суд опирался на общедоступные правила биржи Bybit, где указано, что все физические лица обязаны проходить KYC-верификацию с использованием удостоверения личности. В качестве доказательств судом были приняты скриншоты операций по продаже криптовалюты. При этом принадлежность криптоактивов и связь конкретной сделки с определенным лицом могут устанавливаться путем сопоставления истории операций на бирже, банковской выписки, а также данных о порядке идентификации пользователя на криптоплатформе.

Сведения о датах и суммах транзакций имеют значение для сопоставления совершенных операций с периодом получения доходов в браке. Такой анализ позволяет выяснить, осуществлялись ли крупные инвестиции в период действия режима совместной собственности супругов. Так, использование адреса криптовалютного кошелька при расчетах с контрагентами одного из супругов может рассматриваться как обстоятельство, указывающее на принадлежность данного кошелька именно этому лицу.

При разделе имущества следует учитывать и конверсионные операции, то есть обмен одной криптовалюты на другую, а также вывод цифровых активов в фиатные деньги. Анализ таких операций позволяет проследить дальнейшее движение средств и установить, предпринимались ли действия по сокрытию имущества. Практическое значение имеет установление переводов с банковских счетов,

оформленных на одного из супругов, на счета криптобирж. Банковская выписка, истребованная судом, может подтвердить сам факт перечисления денежных средств на соответствующую платформу. В таком случае появляется возможность связать приобретение цифровых активов с конкретным лицом.

Следовательно, признание криптовалюты имуществом позволяет включать криптоактивы в состав совместно нажитого имущества супругов. Вместе с тем децентрализованный характер таких активов, а также возможность их анонимного и трансграничного оборота существенно осложняют установление их принадлежности конкретному лицу. В подобных спорах суд учитывает совокупность доказательств, в том числе сведения о прохождении KYC-верификации, историю транзакций, данные о входах в аккаунт и информацию о банковских переводах на криптоплатформы. Оценка этих сведений в их взаимосвязи имеет существенное значение для правильного разрешения спора о разделе имущества.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

2. Федеральный закон от 31.07.2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31. Ч. I. Ст. 5078.

3. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 26.10.2023 г. по делу № А40-273884/2022 [Электронный ресурс]. URL: https://www.klerk.ru/doc/649877/ (дата обращения: 19.03.2026).

4. Решение Ленинского районного суда г. Тюмени от 23.09.2020 г. по делу № 2-2634/2020 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/IXmqWduPoQYH/?page=2 (дата обращения: 19.03.2026).

5. Решение Ленинского районного суда г. Оренбурга от 14.08.2024 г. по делу № 2-2492/2024 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/Ce2EkvK5cl1V/?page=2 (дата обращения: 20.03.2026).

6. Решение Калининского районного суда г. Новосибирска от 03.09.2025 г. по делу № 1834/2025 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/pQQqnz5mcaW5/ (дата обращения: 20.03.2026).

7. Зайнутдинова Е.В. Цифровые права и цифровая валюта в российском праве: вопросы правовой природы и соотношения // Legal Concept = Правовая парадигма. 2022. Т. 21, № 4. С. 159–167.

8. Незнамов А.В. О проблемах анонимности и приватности криптовалюты в исполнительном производстве // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2025. № 2 (126). С. 91–102.

9. Сынкова Е.Н. Цифровая валюта как объект общего имущества супругов // Юридическая наука. 2023. № 7. С. 213–216.

10. Верификация KYC [Электронный ресурс]. URL: https://www.gate.com/ru/crypto-wiki/article/what-is-kyc-and-why-is-verification-becoming-increasingly-important-in-the-crypto-industry-20260106 (дата обращения: 15.03.2026).

Об авторе:

ЦВЕТКОВ Никита Алексеевич – аспирант 2 года обучения Тверского государственного университета направления подготовки 5.1.3 «Частно-правовые (цивилистические) науки» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: tsvetkov.nik@inbox.ru

Features of proving the ownership of the cryptocurrency of one of the spouses

N.A. Tsvetkov

Tver State University, Tver

The article is devoted to the analysis of the specifics of the regulation of relations in the section of digital currency and cryptocurrencies acquired by spouses during marriage. The article examines the difficulties of proving the ownership of one of the spouses in cryptocurrency and the ways to establish the ownership of crypto wallets. The main evidentiary tools used by the courts in establishing a connection between a spouse and a cryptocurrency account are considered. The article substantiates the need for further improvement of legal regulation to ensure a fair division of digital assets between spouses.

Keywords: *cryptocurrency, cryptocurrency wallets, objects of civil law, legal regulation, division of marital property, jointly acquired property, digital assets.*

About author:

TSVETKOV Nikita – postgraduate student in the Faculty of Law at Tver State University, majoring in 5.1.3. "PrivateLaw(CivilSciences)", e-mail: tsvetkov.nik@inbox.ru

Цветков Н.А. Особенности доказывания права собственности на криптовалюту одного из супругов // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 2 (86). С. 217–223.

Статья поступила в редакцию 10.05.2026 г.

Подписана в печать 10.06.2026 г.

Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право решением Президиума ВАК включён в Перечень российских рецензируемых научных журналов в редакции 2022 года, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Контактные данные редакционной коллегии:
170021, г. Тверь, ул. 2-я Грибоедова, д. 22, каб. 222.
Тверской государственный университет: телефон/факс: (4822) 70-06-57.
Главный редактор – Ильина Ольга Юрьевна (8-968-968-6161);
технический редактор – Огаркова Наталья Олеговна;
law.vestnik@tversu.ru

Вестник Тверского государственного университета

Серия: Право *№ 2 (86), 2026*

Подписной индекс: **85714** (подписной интернет-каталог «Пресса России»)

Подписано в печать 19.06.2026. Выход в свет 22.06.2026.
Формат 70 x 108 $^{1}/_{16}$. Бумага типографская № 1.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,58.
Тираж 500 экз. Заказ № 102.
Издатель – Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тверской государственный университет».
Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33.
Отпечатано в издательстве Тверского государственного университета.
Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, Студенческий пер., д. 12, корпус Б.
Тел.: 8 (4822) 35-60-63. *Цена свободная.*